

Алиса Локалова

ЖИВАЯ
ВОДА

Annotation

Первый проводник к Острову Жизни найден. Но успеют ли Данатос, Феликса, Брисигида и Лаэрт найти второго прежде, чем Феликсу хватит безумие живого мертвеца?

Глава 1. Дерево и сталь

Пылало всё — мосты и дома, деревья и люди; пылала залитая жирным черным дымом мостовая. Камни трещали от жара. Плавилась оружейные, золоченые шпильки, чугунные ворота.

Объятый дьявольским пламенем город превратился в спичечную головку — жалкий ссыхающийся силуэт в дугах и переливах раскаленного воздуха, скорчившийся от боли.

Крики и вопли растворились в треске титанического пожара. Еще немного, и огонь поглотит остатки жизни, разольется пухлым валом и не остановится, пока не изжарит всё, что хоть чем-то отличается от него.

Обратившись в пламенную купель, мир очистится, и воцарится эра хаоса. Власть огня объединит страдающие души мертвецов, примет в свои объятия.

Лишь так можно избавиться от страха смерти — стержень различия между живым и мертвым.

— Проповеди Инсендаре Муэрте, — проворчала Маронда. — Где ты, говоришь, нашла эту книгу?

— В капитанской каюте на корабле Блода Беора, — ответила Ринна. Харм фыркнул на алый фолиант в кожаном переплете у нее на коленях. Он лишь недавно отошел от спячки — на время длительных морских переходов его и жеребца Феликса погрузили в волшебный сон, чтобы животные не страдали. — Я подумала, что в книге огнепоклонников может что-то найтись о той твари, что меня отметила. Но сама я пока читаю плохо, хоть Дина меня и учит...

— Тут всё равно не на арделорейском, — покачала головой старуха. — Правильно ты рассудила. Этих материалов нет и не могло быть в нашей библиотеке. Оставь мне, почитаю, пока не доплыли к Сарданафару.

Маронда подсадовала про себя — обыскать вещи огнепоклонника ни она, ни Феликса не догадались. “Со всей этой чехардой с суккубом я чуть не забыла, что у нас под боком следы еще одного демона, — скривилась волшебница. — Как бы не вылез, когда на сушу сойдем”.

Брисигида уверяла, что в море огненный демон побоится проявляться. Но Феликса планировала идти вглубь материка за помощью в поиске Острова Жизни — и кто знает, не выберет ли демон этот момент для прорыва? Удержат ли его меры, предпринятые жрицей и двумя чародейками?

Книга огнепоклонника могла дать ответы хотя бы на часть этих вопросов, и Маронда углубилась в чтение на долгие часы.

Портовые города Объединенного Кессаха нравились Феликсе. Она бывала всего в одном, но впечатлений хватило на всю жизнь. Именно во время той поездки она получила прозвище “Стальная Гарпия” — вовсе не за заклятие, которым воспользовалась, когда сражалась с Беором. Скорее новое имя натолкнуло ее на идею ритуала.

— Как думаешь, нас могут здесь искать? — спросил ее Акыр. Он никогда не был в Кессахе, да и вообще не ходил на юг, к Сарданафару, и очень волновался.

— Нас могут искать везде, — честно ответила Феликса. — Но искать что-то в Кессахе — задача нетривиальная. Это тебе не Бедеран с одной скромной бухтой. Да ты глянь!

Волшебница передала капитану подзорную трубу, и тот послушно уставился в окуляр. Увиденное заставило его довольно хмыкнуть. Феликса хорошо помнила это зрелище: огромный порт в пятнах разномастных парусов, лес мачт, стаи чаек, редкие пятна экзотических южных птиц — и вздымающиеся в изумрудных локонах тропиков главы башен и пирамид столицы Кессаха. Потеряться в этом аляпистом котле с забористой южной похлебкой — самое естественное дело. Акыр думал так же и довольно улыбался.

Анашгара тоже была рада — что просто выводило из себя Маронду. Старуха явно была не в восторге от путешествия в компании несносной демоницы. Наставница не доверяла поверженной Древней и видела подвох в любом ее слове.

— Люблю чернокожих здоровяков, — Анашгара зыркнула в сторону Ранжисоны, но тот в ответ только зло плюнул. — Хотя тут и на меня никто не взглянет.

— Что, половина племен Кессаха до сих пор трясет бусами и голыми сиськами? — поинтересовался Кистень, игнорируя похабную улыбку демоницы.

— Насколько мне известно, нет, — Маронда поджала губы. — А на тебя, старуха, никто и не должен смотреть! Потому что ты никуда в своем обычном виде не пойдешь!

— Это кто из нас старуха? — повела гладкими плечами Анашгара.

— Умолкни, — подала голос Брисигида. — Если хочешь попасть домой, не задирай моих друзей.

Анашгара подавилась очередной остротой. Феликса с беспокойством наблюдала за изменениями, произошедшими с Брисигидой после событий на Фарниссовых островах, которые они переименовали после победы над суккубом. Жрица была молчалива, меланхолична, очень строга к подчиненной Древней.

Больше всего Феликсе не нравилось то, что ее подруга теперь избегала любых встреч и разговоров с Лаэртом. Тот как раз появился на палубе, и Брисигида тут же ушла на корму.

— Мы уже причаливаем? — спросил он, потягиваясь.

— Еще нет, — отозвалась Феликса. — Смотри, какой вид.

Юноша восхищенно цокнул языком, потом заметил фигуру жрицы на корме и на мгновение сник. Тут же наигранно взбодрился:

— Надеюсь, ты знаешь, где здесь лучший кабак! — Лаэрт хлопнул Феликсу по плечу.

— Кабаки здесь тебе не понравятся, — хмыкнула она.

— Это с чего вдруг?

— Во-первых, местное пиво воняет жжеными портками, — ответил за нее Кистень. — Во-вторых, жаркое такое перченое, что за специями мяса не различишь! В-третьих — цены!.. В Славире пожрать дешевле... было.

— Перец болезни отгоняет! — возмутился Ранжисона, заступаясь за местную кухню. — А пиво тут для бедняков. Достойные мужи пьют инжирную водку, в крайнем случае — сладкую амарулу. *

— А если кто будет чангу * предлагать, — добавила Феликса, — такому можешь сразу в рожу плюнуть. Отвратительное пойло.

— Дело говоришь! — в унисон добавили Кистень и Ранжисона.

Лаэрт хохотнул, но Феликса видела, как быстро опала его широкая улыбка. “Что же там произошло, между ним, Анашгарой и Брис? — в очередной раз задумалась чародейка. — Почему Брисигида от него бежит, как от чумы? И почему он никак не пытается это исправить?”

Когда они наконец сошли на берег, заплатив за постой кораблей на два месяца вперед,

Феликса накинута с расспросами на суккуба — от Лаэрта или Брисигиды она не надеялась услышать внятный ответ.

— Что ты хочешь от меня услышать? — прошипела ей демоница из-под одеяния, скрывшего ее практически с головы до ног. — Я им не мать, и ты, насколько мне известно, тоже. Даже в мои стародавние времена взрослые половозрелые особи любых существ разбирались с такими вещами либо через родителей, либо сами.

— Когда ты его околдовала, такие тонкости тебя что-то не волновали, — парировала Феликса. — Тому, что между ними происходит, причина — ты, это очевидно. Давай, расхлебывай!

— От твоей подруги-жрицы я уже нахлебалась достаточно, — ожгла ее взглядом суккуб. — И, что гораздо хуже, она спасла мою душу. Это было больно, позорно и вообще ужасно, но я ей обязана чем-то большим, чем жизнью, которую она мне столь милосердно сохранила.

На все последующие попытки расспросить ее Анаштара только закатывала глаза, да так далеко, что багровые радужки полностью скрывались. “Ну и хрен с вами, — сдалась Феликса. — И поважнее проблемы есть”.

Большая часть экипажа была отправлена в отпуск. Присматривать за моряками и кораблями остались Акыр с семьей, квартирмейстер Киттерс и Фабио с Радной. Кистень выразивший крайнее презрение к портовым городам в целом и кессахскому в частности, сказал, что лучше будет сожран москитами в джунглях, чем останется сидеть в “смердящем специями котле”. Ринну Феликса готовилась уговаривать идти с ними, но охотница тоже не горела желанием торчать в городе.

Ранжисона же сперва как следует расспросил Феликсу, куда она намерена их вести:

— Даже на проклятые острова ты вела нас с планом, а сейчас что? Не наугад же будем по джунглям шарахаться?

— Нет, Ранжисона, конечно нет, — успокоила его Феликса. — Здесь в паре дней пути живут мои старые друзья. Они... хм... очень близки к старым духам, к природе, к древней магии... В общем, я думаю, они смогут нам помочь.

— Что за друзья? — нахмурился сардан. Девушка догадывалась, чего он боится. В лесах Кессаха скрывалось несколько странных, недружелюбных племен, практикующих темные магические пути. Ей когда-то довелось столкнуться с одним из таких магов.

— Серебристые Форели, — ответила чародейка. — Дети Джораакинли.

Ранжисона выдохнул, просветлел лицом и жестом подозвал Таджи, младшего брата.

— У Форелей добрая слава, — важно кивнул главный канонир. — Я возьму с собой лучших воинов. И тебя, бестолочь! — он взъерошил Таджи волосы и тут же выдал неслабый щелбан, получив в ответ тычок локтем.

— Я думала, ты отправишься к невесте и оставишь нас, — призналась Феликса. — Мы были бы не в обиде.

— Что ты! — замахал руками сардан. — Ранжисона не дрался с дьяволицей, значит, подвига не совершил. Рано возвращаться. Да и как Акыр поведет флот без канониров, скажи на милость?

— Спасибо, — Феликса пожала ему руку.

Чародейка была уверена, что подвигов Ранжисоны вполне достаточно, чтобы основать свое племя и зажить, как подобает вождю. Но тот почему-то предпочел продолжать помогать ей в поисках. “Не из-за жалованья же он остался, — размышляла Феликса. —

Наверное, я не единственная, кого манят древние легенды...”

Ей в любом случае предстояло набрать экипаж на два трофейных фрегата. Искать людей в Кессахе — опасно, но Акыр и Фабио обещали разведать обстановку и по возможности нанять команду.

Через три дня после того, как они причалили, Феликса повела всех, кто хотел пойти с ней, по дороге через джунгли. Своего коня, Тьярра, чародейка взяла с собой — в порту он мог привлечь внимание, а постоянное нахождение на корабле в магическом сне не шло ему на пользу. Она вела его рядом с собой шагом, наравне со своей процессией, лишь иногда садилась в седло и пускала Тьярра рысью — размяться.

Феликса ходила дорогой через сельву лишь однажды, несколько лет назад, вместе с отцом. Это была мирная дипломатическая миссия, но и она не обошлась без приключений. Серебристые Форели оказали им великую честь, допустив присутствовать на церемонии посвящения юных воинов.

Ей и отцу завязали глаза, чтобы они не запомнили дорогу к святому месту. В пути на них напала химера — темный шаман, обративший себя в чудовищного мутанта, чтобы отомстить Форелям за давние обиды. Он подстерегал их на тропе. Тогда ей пришлось сражаться с завязанными глазами. У Феликсы не было оружия, и она создала копьё из молодого дерева и бронзового пера гарпии, выпавшего из тела химеры. Она обратила перо в острый стальной наконечник, чтобы пробить бронзовую броню. Только совместными усилиями они совладали с врагом: ее, отца, воинов и даже мальчишек, шедших на посвящение.

Один из них и назвал ее тогда Стальной Гарпией. Юный Джареки, сын Джорамана, держал вместе с ней копьё, пронзившее голову химеры. Он дал ей новое имя, а она протянула ему руку, чтобы вместе пройти посвящение.

Вот на чью помощь Феликса рассчитывала — названных братьев и сестер, Отца Воинов и Матери Племени.

— Хорошо устроились твои друзья, — сказал ей на привале Таджи. — Реки вокруг, леса богатые. Живи, в ус не дуй!

— Как бы не так, — возразил Ранжисона. — Дух Серебристых Форелей, мать-гора Джораакинли, бывает страх как свирепа в гневе. Когда Джораакинли гневается, небо серо от пепла, и люди молятся, чтобы огненные реки не потекли по их землям.

— Когда я была здесь, Джораакинли была милостива к нам, — рассказала Феликса. — А вообще Таджи прав. Завтра увидите, как они здорово живут. Хотя я уверена, что у вас на родине не хуже.

— Наша родина — саванна, — пожал плечами Таджи. — Где реки есть — красиво. А где воды нет, там... тоже красиво, но не так. И очень тяжело жить.

— На Паланийских островах тяжелее, — вмешался Кистень, прожевав свою порцию печеного мяса и облизав пальцы. — Особенно к северу. Холод собачий, пресная вода на вес золота. Все сухопутные дороги промеж скал... Я хлеб нормальный знаешь когда попробовал? — Таджи замотал головой, хотя Кистень не ждал от него ответа. — Позже водки! Уже старый был, лет под тридцать... — он подмигнул Феликсе и Ранжисоне, мол, для молодежи все старики.

— Есть места похуже, — напомнил Данатос. Он тоже был не в восторге от портового города, но в лесу приободрился. — Кирийская тундра, например.

— Арделорейская тундра, которая с ней граничит, еще суровее, — покачала головой

Феликса. — Хоть и невелика. Самое место для цитадели ассасинов.

— Тундра — это где деревья с локоток? — нахмурилась Ринна. Данатос кивнул. — Ой, это вообще ужас. Ну, если байкам верить.

Охотница исправно соблюдала назначенные Брисигидой процедуры. Она и теперь втирала в щеку горькую мазь, уже не стесняясь своих шрамов.

Они долго еще болтали у костра. Даже Анаштара соизволила рассказать, каков раньше был ее остров.

— Зелень я не слишком люблю, — поморщилась демоница. — Разве что цветущую. От воды текучей мне тоже не по себе. Воздвигла себе повсюду горы, и цвело все на них круглый год, плоды давало. Птицы жили. А потом я с тоски им шеи стала сворачивать...

— Все, хорош, — замахала руками Маронда. — Спать пора. Раньше ляжем, раньше встанем, а там уж и у Форелей будем.

Джамир наблюдал, как Аянир протирает многочисленные зеркала. Сын императора следил за их чистотой так же тщательно, как за своей собственной. Бывшего антимага это нисколько не удивляло: он уже знал, что именно через зеркала цесаревич узнал, как он сумел преодолеть побочный эффект состава для “тренировки” провинившихся антимагов. И через зеркала умудрился с ним связаться.

Прошла уже неделя с тех пор, как он вышел к маленькой землянке Аянира. В лысом суровом отшельнике едва ли можно было опознать того, кто родился и вырос в императорском дворце, разве что изредка — по манерам. Руки давно потемнели и загубели от ежедневной работы по хозяйству. Он носил себе воду в огромных кадках, топливо для очага перевозил в тележке, куда впрягался сам. Джамир помогал ему, как мог, но уставал гораздо быстрее, хотя тоже был взрослым мужчиной и тренированным воином.

Чистить зеркала Аянир своему новому союзнику не доверял.

— Скоро двинемся на юг, — заявил хозяин землянки. — Доберемся до Каракача.

— И тогда ты мне наконец расскажешь, зачем я тебе понадобился? — прищурился Джамир.

— Я помог врагу своего врага, — напомнил цесаревич. — Эксплуатировать тебя я не планирую.

— Экспа... что? — не понял беглец.

— Использовать, друг мой. Использовать.

Джамир обиженно засопел. В Цитадели было не слишком много книг, а в месте, где он родился — и того меньше. Одна, может две на всю деревню — священная летопись племени. Грамоте его все равно обучили только после приезда к антимагам, чтобы он мог читать описания ритуалов. Ученых слов в них не попадалось.

— Может, ты хоть объяснишь, кто твой враг? И мой тоже?

— Ты не знаешь, от кого получал приказы? — поднял брови Аянир.

— Я уже говорил тебе, что мы слышали только голос из зеркала, — Джамир ткнул в самое большое из тех, что только что протер отшельник. — Вот из такого же.

— Хм, — закусил губу цесаревич. — Я думал, ты просто никогда ее не видел вживую. Она вам ни разу не являлась?

— Она?! — Джамир поперхнулся. — Цитаделью управляет женщина?

— Эта женщина теперь управляет всем, — процедил Аянир. — Кое-чем — и вовсе от моего имени.

Бывший антимаг задумался. Среди ассасинов были женщины, конечно, но намного меньше, чем мужчин. Единственной, кого допускали к тренировкам других антимагов, была мастер Насира — она обучала стрельбе из пистолей, ружей и пушек, даже из новомодных точных винтовок. Джамир думал, что это самая почетная работа, на которую могла рассчитывать женщина-ассасин. Другие в основном устраняли свои цели за счет обмана и манипуляций, нередко притворяясь дорогими наложницами.

Но если всей Цитаделью руководит женщина... Кто она? Почему наследник императора так много о ней знает?

Догадка пришла к Джамиру не сразу. Он едва вспомнил, как в Цитадель чуть позже него — всего на несколько дней — привезли странную повозку с многочисленными отверстиями для движения свежего воздуха. Он вообще не должен был ее видеть, но его вели по галерее к оружейной, чтобы подобрать постоянную экипировку на ближайшие год-другой. Так что повозку краем глаза он заметил, даже запомнил, как роскошно она выглядела внутри. Но едва ли обратил внимание на мальчика и девочку, которые ехали внутри.

— Твоя сестра? — округлил глаза юноша. — Цесаревна?

— Аннаира терпеть не могла, когда ее так называли, — Аянир уставился в пол. — Хуже было только назвать ее “сестра цесаревича”. Да, все это устроила она.

— Рог мне в печень! — крикнул Джамир, вспомнив от волнения любимое ругательство стариков в своей горной деревне. — Так она подмяла под себя всю Цитадель? Да еще и устроила эту революцию? — он покачал головой. — Против собственного отца...

— Должен признаться тебе, дорогой мой друг, что я долгое время ей подчинялся. Как и ты, — вздохнул цесаревич. Он сполоснул руки в деревянной кадке, аккуратно вытер сухим полотенцем. — Мой руки. Я закончил с делами, будем обедать.

Джамир послушно поплелся к деревянной кадке. Прием пищи по расписанию, а не когда проголодался, напоминал ему времена, когда он был еще учеником. Для него это было непростое время: с одной стороны, у него была своя кровать, да и ел он досыта. С другой — все равно очень скучал по дому.

— Почему ты подчинялся сестре? — поинтересовался Джамир, присаживаясь за стол.

— Так вышло, что моя милая Аннаира всегда была очень властной девочкой, — проговорил Аянир, ставя на стол миски и накладывая в них холодное копченое мясо. — Властной, но не злой. Ей просто казалось, что она лучше знает, что и как должно быть правильно. Иногда так оно и было.

Цесаревич поставил на стол еще одну миску, маленькую. В ней лежала брусника, собранная утром Джамиром.

— Аннаира с детства мечтала помогать отцу, — продолжал рассказывать Аянир. Джамир слушал внимательно — раньше хозяин землянки отмалчивался. — Отец радовался. К десяти годам сестра знала о политике больше, чем любой другой знатный ребенок.

Он сел за стол, подцепил вилкой кусок мяса, аккуратно откусил и стал чинно жевать. Джамир ел руками, с удовольствием облизывая пальцы после каждого куска.

— А ты? Тфебе не пфыло интхереффно? — проямлил антимаг с набитым ртом.

— Я мечтал стать чародеем, — равнодушно ответил Аянир. — Когда понял, что магических способностей у нас с сестрой нет, решил стать ученым. Выяснить, почему одни рождаются великими магами, а другие не могут даже лучину зажечь без огнива.

— М-м-м...

На родине Джамира верили, что магия дается тем, кто в прошлой жизни был

праведником и сможет распорядиться силой разумно. Но он с детства знал, что это чушь. Не может быть метание камней в беременную кошку разумным применением способностей элементаря земли.

— Но ученым ты не стал, — заметил антимаг, прожевав наконец свой кусок.

— Как видишь, — Аянир провел рукой по лысому черепу. — А все из-за Аннаиры. Она как-то спросила отца, кто из нас займет его место, когда он состарится.

— И разозлилась, что отец назвал не ее? — предположил Джамир.

— Что ты! Со мной она бы еще договорилась, — цесаревич поджал губы. — То есть она верила, что меня она легко бы заставила делать то, что она скажет. Но мы с ней не могли наследовать власть.

— Почему?

— Бесплодие, — Аянир уставился в плоску с брусникой, но видел как будто что-то другое. — Ты знаешь, что по арделорейским законам наследниками не могут быть бесплодные?

— Ну-у-у... — протянул юноша. — В моей родной деревне мужчина, не способный зачать ребенка, тоже не мог быть вождем. Иначе его наследником захотел бы стать любой человек — а кому это надо, чтобы все ссорились из-за того, кому быть вождем? Лучше уж сразу другого выбрать.

Цесаревич кивнул, все так же глядя в никуда. “Как же они оказались в Цитадели? — недоумевал Джамир. — Ладно я, пес безродный, никому не сдался, вот и отдали, когда попросили... Но императорские дети! Зачем им такому учиться?”

— Конечно, лучше, — проговорил наконец Аянир. — Но Аннаира пришла в ярость, когда узнала, что отец передаст титул не своим детям. Она устроила такой скандал... Сказала, что ненавидит его. Угрожала убить. Представляешь, девочка одиннадцати лет орала отцу, что перережет ему глотку и перепишет дурацкие законы...

Джамир такого себе не представлял. В его реальности капризных детей, которые повышают голос на родителей, пороли розгами.

— Хорошо, что никто из придворных этого не слышал, — цесаревич прикусил губу. — Даже императорскую дочь должны были казнить за покушение на жизнь императора. Но отец ее очень любил. Нас. Не спал после этого несколько дней. Аннаира тоже не спала. Злилась.

Он умолк. Через несколько минут встал из-за стола, повесил над очагом котелок с водой. Сел обратно. Посмотрел в свою миску, покивал каким-то своим мыслям, доел мясо, механически пережевывая жесткие куски.

— Тогда я впервые сделал что-то без ведома сестры, — теперь он посмотрел на Джамира. — У вас не принято считать, что женщина может командовать, но я верил, что сестра — лучший правитель для любого народа. Я предложил отцу сделать ее когда-нибудь советником будущего императора. А пока отправить нас туда, где Аннаира сможет дать выход своему гневу.

— И поэтому император сослал вас в Цитадель? — поразился Джамир.

— Не сослал, — цесаревич строго посмотрел на собеседника. — Отправил учиться. Несколько наших наставников приехали вслед за нами, несколько лет тайно жили возле Цитадели. Один из них занимал этот дом.

— Так далеко?

— Он тоже испугался Аннаиры, — признал Аянир. — Когда она начала захватывать

Цитадель, все наши учителя беспокоились. Они ведь не дураки, знаешь, эти столичные наставники. Они быстро поняли, что Аннаира не хочет, чтобы наш отец узнал о ее успехах. Поэтому один из них тяжело слег от крайне заразной хвори, — он усмехнулся. — И поселился подальше от Цитадели. Отсюда он должен был отправить послание императору.

— Как она узнала об обмане? — нахмурился Джамир. — Здесь ведь несколько дней пути. Шпиона не подошлешь.

— Так же, как она узнает сейчас обо всех ваших провалах. Через зеркала.

Он подошел к очагу посмотреть, не закипела ли еще вода. Пузырьки только-только начали налипать на дно и подниматься к поверхности крошечными белесыми жемчужинами.

— Это я нашел способ общаться через зеркала, — пробормотал он. — Так что это целиком и полностью моя вина. Я многое узнал от антимагов про сущность магической энергии. Даже научился использовать заемную магическую силу, как чародеи используют свою. Ведь между нами всего-то разницы — они могут дотянуться до Сердца Мира, а мы — нет. Им легче управлять силой. Но и обычный человек способен иногда использовать магию. Через зелья, амулеты, артефакты, магических созданий вроде големов...

— Нас учили, что маги — это мутанты, которые разрушают своими действиями первоосновы, — заметил Джамир. — Что даже богиня Триединая — противное природе создание, которое позволяет красть силу у простых людей и использовать ее эгоистичным жрицам. А значит, все маги — опасные, противные мирозданию еретики.

— И что? — рассмеялся Аянир. — Вы все в это верили? В Цитадель учеников приводят либо нужда, либо зависть, — заметил он. — О, завистникам, ненавидящим чародеев, наверняка приятно было принять эту чушь за истину. А тебе?

Джамир замялся. Конечно, он попал к антимагам ребенком, как и сам Аянир, только был еще младше. Его отдала раненому антимагу, забредшему в их деревню, двоюродная сестра отца, когда стала слишком стара и бедна, чтобы о нем заботиться. Будь в их роду маг земли — он бы здесь не оказался.

— Нам ведь показали, как можно взаимодействовать с природой, чтобы вернуть магию в ее лоно и таким образом победить мага, — пожал плечами антимаг. — Я думал, это правильно. Думал, маги воры, крадущие чужие жизни...

— Не будь идиотом, друг мой, — поджал губы Аянир. — Это мы — воры. Или ты думал, что все эти ритуалы и обереги не имеют отношения к магии?

Джамир открыл рот. Моргнул. Тут же закрыл рот. “Так на чем же строится наша сила?” — задумался он.

Аянир снял с огня котелок, заварил травяной чай в маленьком глиняном чайничке.

— Взять хоть эти зеркала, — он поставил чайник на стол, кивнул на угол, увешанный рамами. — Не сами по себе ведь они передают сигнал?

— Н-навверное, — икнул Джамир. — Никто никогда не говорил, как это работает.

— Разумеется. Аннаира ведь и сама не знает.

Он разлил чай по круглым чашкам, зачерпнул маленькой ложкой горсть брусники, отправил в рот.

— Вот ты здесь уже неделю. Ничего интересного не ощущаешь?

Джамир задумался. Здесь он спал гораздо спокойнее, чем в Цитадели. А еще у него пропало ощущение, что за ним кто-то постоянно подглядывает. Зато сам он иногда замечал в зеркалах какие-то смутные фигуры.

— За мной будто больше никто не следит, — выдавил антимаг.

— Правильно, — кивнул Аянир. — Аннаира увидела в зеркале, как ты провалился в трясину. Зачем следить за мертвецом?

— Как ты это сделал?

Цесаревич улыбнулся, не разжимая губ. Кажется, он был рад наконец кому-то похвалиться.

— Мои зеркала, как и ее, покрыты специальным составом. Он работает, только если рядом есть какой-то источник магии: амулет, сам маг, некоторые виды зелий подходят, магические аномалии вроде долговременных чар... — Аянир щелкнул пальцами. — Состав превращает зеркало в артефакт, и через него можно связаться с любым другим зеркалом. Другие составы позволяют следить за происходящим там, где зеркал нет, но они очень быстро выдыхаются и работают, только если есть какой-нибудь связующий элемент с объектом в фокусе.

Джамир не понял и половины — что только убедило его в том, что отшельник придумал какую-то невероятно мудреную шутку.

— ... И потому уязвимы к видениям! — закончил он свои объяснения. — Достаточно совсем немного изменить состав — и можно показывать вместо того, чтобы подсматривать.

— А! То есть ты подсунил ей ложную картинку, — это все, что антимаг смог уяснить из речи цесаревича.

— Ну, если обобщить и упростить, то да, — неохотно согласился Аянир. — Это, кстати, одна из причин, по которым мы должны уходить отсюда. Хоть и не главная.

— Иначе снова погоня?.. — не понял Джамир.

— Нет же! — нетерпеливо воскликнул отшельник. — У меня заканчиваются источники магии. Я не смогу больше пользоваться зеркалами, если останусь здесь.

— Интересно, чем Владыка подпитывает свои... — протянул Джамир. — Все магические вещи уничтожаются по его... э-э-э, ее, то есть, приказу.

— На месте уничтожаются? — уточнил Аянир.

— Нет. Самые мощные везут до специальных печей... — Джамир осекся. — Я болван. Вот зачем это все!

Цесаревич встал из-за стола, сложил аккуратно посуду из-под еды в пустую кадучку и вручил ее Джамиру:

— Завтра уходим на рассвете.

Данатос всегда любил леса. Правда, он больше привык к лесу прозрачному, смешанному, где в хорошую погоду на каплях смолы играют солнечные блики. Здесь же было влажно, душно и очень уж зелено.

— Почти пришли, — сообщила Феликса с удовлетворенной улыбкой.

“Вот кому здесь явно нравится, — подумал Данатос. — Вряд ли это из-за джунглей. Скорее какие-то радостные воспоминания”. В какой-то момент он едва заметил высокую каменную кладку: всю ее затянуло плющом и лианами, и стена цвела от подножья до верхушки. Он бы так и не понял, что это, если бы не двое стражей, которых он почуял, а потом и увидел.

— Мир по дороге, добрые хозяева! — громко сказала Феликса, как только смогла тоже разглядеть стражей.

— Мир по дороге, странники, — осторожно ответил один из стражей.

Второй прищурился, втянул широкими ноздрями воздух и вдруг радостно заорал:

— Стальная Гарпия! Ты ли это?

— Я за четыре года не настолько постарела, чтобы меня не узнать, — хмыкнула Феликса. — А вот вы все успели возмужать, да так, что я одного от другого не отличу, уж прости меня...

— Все правильно, — сардан засмеялся и замахал руками. — Это женщинам нужно быть всегда одинаково красивыми. А мужчине не грех и парой шрамов обзавестись!

Данатос и остальные спутники Феликсы уставились на полосу бугристой светлой кожи, прерывающую вязь белой татуировки на плече темнокожего юноши.

— Метка той химеры, — гордо сообщил он. — Такого посвящения больше ни у кого не было!

Второй страж скрестил руки на груди и стоял с каменным лицом. “Похоже, они стали воинами не одновременно, — рассудил Данатос. — Может, он даже завидует, но виду не показывает”.

— Твои люди? — более молчаливый страж обратился к Феликсе.

— Мои друзья, как и вы, — решительно ответила она. — Со всеми ними я проливала кровь, как и с вами. Если верите мне — можете верить и им.

Феликса сделала пару шагов назад, показывая, что каждый пришедший с ней — ее равный товарищ, и Данатос заметил, как она потом спохватилась — Анашгара ведь тоже пришла с ними... Но демоница держалась наособицу, позади Брисигиды.

— Марнака вас проводит, — сардан кивнул на своего товарища, узнавшего Феликсу. — Времена становятся не самые мирные... Вернуться не забудь!

Этот стражник явно был старше Марнаки, хоть и ненамного. Проходя мимо стража, все здоровались с ним по примеру Феликсы, и Данатос тоже. Он даже протянул ему руку:

— Мир по дороге, добрый воин, — сказал оборотень.

После секундного колебания сардан тоже протянул ему руку и пожал. Его глаза расширились от удивления:

— Ты избран духом-хранителем! — воскликнул воин. — И очень сильным. Тебе повезло.

— Ты чувствуешь мою силу? — в свою очередь поразился Данатос. — Среди вас есть подобные мне?

— Тебе — нет, — ответил темнокожий юноша. — Моя мать была из тех, кто слышал голос Джораакинли. Я унаследовал малую толику ее дара, поэтому чувствую иногда магию духов. Счастливо племя, где есть подобные тебе!

Данатос ощутил, как по его щекам расцветают жаркие пятна. Он не знал, как реагировать на подобные откровения. Подумав немного, он вытащил из поясного кошелька один из когтей, которые он сбрасывал в форме пумы.

— Спасибо тебе на добром слове, — сказал оборотень, сам стесняясь своего подарка. — Да хранит тебя Великая Мать.

Сардан — впервые с тех пор, как они подошли к их селению, — улыбнулся так, как умеет только его народ: широко и искренне.

Младший из стражей некоторое время вел их по извилистой, едва заметной среди папоротников тропе. Данатос различал множество запахов, влажных, пряных и даже ядовитых. Но запах человеческого пота от других стражей, прячущихся среди брызжущей зелени, различал четче всего.

— Марнака, — тихонько позвал Данатос, — зачем так много стражей стоят за стеной?

— Если ты их видишь, плохи дела, — нахмурился сардан.

— Не вижу. У меня нюх звериный, — успокоил его перевертыш. — Твой друг сказал, что времена нынче не самые спокойные. Вы воюете?

— Нет, — покачал головой Марнака. — Только отваживаем непрощенных гостей. Арделорея прислала в Кессах послов, но среди них нет тех, кто заключал с нами союз. Вождь не пускает их к территории племени.

— И правильно делает! — забеспокоился Лаэрт. Феликса согласно кивнула. — У Арделореи нынче другие власти. Они что, пытались скрыть от вас революцию?

Марнака резко остановился, посмотрел в глаза Феликсе, Лаэрту, потом обратился к чародейке.

— Вам нужно говорить об этом с вождем, — заявил юноша.

Вскоре Данатос стал замечать первые строения Серебристых Форелей, вплетенные прямо в зеленый лесной свод. На сторожевые коконы из лиан и листьев ему указал зоркий Лаэрт. Жилые надземные комплексы он смог разглядеть уже сам. Данатос никогда не думал, что в современном мире кто-то еще живет так. Сарданы из племени Серебристых Форелей, безусловно, не были дикарями, но их цивилизация отличалась от той, что они встретили на побережье Сарданафара, так же разительно, как величественные горы от суетливых муравейников.

— Эвона!.. — восхищался за спиной оборотня Кистень. — Глядишь — вроде кусты. А присмотришься — так там целый дворец! Ишь как оно! Да... слов не подобрать.

— Это ты верно говоришь, штурман, — отвечал ему Ранжисона. — О Форелях слава далеко идет, но словами такое не описать. Даже птицы так ловко гнезд не вьют!

Некоторые из домов Форелей и правда напоминали гнезда сарданских ткачиков или колибри. Вся их архитектура тяготела к природным неправильным или округлым формам, но выглядела удивительно гармонично. Стены, полы и крыши, плотно сотканые из лиан и веточек разной толщины, создавали надежные убежища даже для больших семей.

— Деревья-великаны, — с теплотой прошептала Феликса. — Вот где живет настоящее волшебство!

— А что за деревья, кстати? — любопытствовала Брисигида. — Я разбираюсь в растениях, но эти мне совсем не знакомы.

— Мы зовем их динициями, — сообщил Марнака, все еще встревоженный известиями о смене власти в Арделорее. — Но в городах все говорят — ангелим. Они растут только под сенью Джораакинли, где сухо.

— Очень красиво... — выдохнула жрица. Кажется, она впервые перестала хмуриться с тех пор, как покорила Анаштару.

— Я когда-то бывала в подобном месте, — тихо прокомментировала демоница.

Марнака повел их к одному из немногих наземных строений — самому большому из тех, что они видели. Только этот дом был возведен на каменном основании, но большую его часть все так же образовывали живые деревья, плотно оплетенные разными растениями.

— Дом вождя, — вспомнила Феликса. — Кто нынче ведет Серебристых Форелей? Ушшака Молот?

— Да, — отозвался их сопровождающий. — Подождите здесь. Пусть только Гарпия войдет.

Феликса виновато пожала плечами, отдала поводья Тьярра Лаэрту и скрылась в огромном зеленом шаре.

— Здравствуй, вождь Ушшака, — Феликса скрестила руки на груди и слегка поклонилась.

— Вот это гости к нам пожаловали! — расплылся в сверкающей сарданской улыбке вождь. — Сколько лет прошло, а, девочка? Выросла Гарпия, ничего не скажешь. Хоть и не ростом.

— Четыре года миновало, — заметила Феликса. — Но тебя словно не коснулись!

Вождь шутливо погрозил ей пальцем:

— Льстишь ведь! Как же, вот, смотри, — рослый мужчина чуть наклонил голову, — макушка серебром обрастает. А ты здесь какими судьбами? К послам своим на помощь поспешила?

— Нет, Ушшака, — Феликса нахмурилась. — Никакие это не послы. Это шакалы и убийцы, позор нашей страны. В Арделорее был переворот. Люди, которые хотят с тобой говорить — посланники новой власти.

Широкое лицо вождя в момент помрачнело, кустистые брови грозно сдвинулись.

— И эти изменники смели просить меня о переговорах! — прорычал он. — Пусть только сунутся! Серебристые Форели не протянут руки предателям...

— Позволь дать тебе совет, достойный вождь, — Феликса мягко коснулась плеча сардана. — Эти люди — хитрые и бессовестные, и вряд ли они явились предлагать тебе настоящий союз. Они знают, что мы с отцом были у вас когда-то, что мы в добрых отношениях. При новом правителе меня считают военной преступницей, для поисков ничего не жалеют. И вас будут обо мне спрашивать. Не подавай виду, что знаешь о перевороте.

— А об отце? Где наш друг Драган? — встревожился Ушшака.

Феликса прикусила губу и покачала головой. Говорить это вслух было чудовищно тяжело.

— Драган Ферран был великим воином, — вождь положил ей руку на плечо в знак соболезнований. — Мы почтим его память, как принято у Серебристых Форелей. А пока располагайтесь у нас как дома и отдыхайте. К вечеру созовем совет.

— Не надо! — испугалась Феликса. — Это не единственная моя беда, вождь. Не посмею стеснять тебя, пока ты всего про меня не узнаешь.

Ушшака тяжело вздохнул.

— Марнака, позови Мать племени. А потом ступай обратно, на свой пост.

— Разве мы не поприветствуем друзей пиром? — удивился юноша.

— Ступай! — прикрикнул вождь. — Твоей стражи никто не отменял.

Феликса не знала толком, с чего начать. Она шла к Серебристым Форелям не за убежищем, а просить их поделиться своими тайными знаниями. Анашгара открыла им место, где найти второго Проводника к Острову Жизни, но нынешнего названия того острова она не знала. Старое же не говорило им ни о чем. Демоница даже не помнила толком, где находится пристанище второго хранителя. “У юго-западного берега Сарданафара”, — вот и все, что она знала. Но там было множество островов, и известных, и неизвестных, едва обозначенных на карте.

Кроме того, предстояло помочь Ринне избавиться от печати демона и разгадать загадку “Страницы из мира без сердца”. По словам Анашгары, без Страницы им ни за что не подобраться к Острову. Феликса считала, что Форели могут знать что-то о Странице — у

них было много легенд, связанных с иными мирами и духами. В одной из них она надеялась отыскать подсказку.

— Что стряслось, Ушшака? Зачем отвлекаешь меня?.. — Мать племени вплыла в дом, распространяя аромат печеного мяса и пряных корней. — Феликса, дочка! Рада тебя видеть.

Тогда, четыре года назад, Феликсу вместе с юными Серебристыми Форелями посвятили в воины, и Мать обращалась к ней, как к любому другому соплеменнику. Она подошла и обняла Феликсу. Чародейка попыталась ускользнуть из ее объятий, но не успела.

— Здравствуй, Мать, — шепнула она, чувствуя, как начинает щипать глаза. — Прости меня, я явилась в ваш дом оскверненной. Простите...

— Что с тобой? — полнотелая сарданка стала ощупывать ее запястья, оттянула слегка правое веко, прислушалась к дыханию. — Не могу понять толком. Сердце молчит, а кровь течет, как обычно. Тебя будто дыхание смерти коснулось. Но на живого мертвеца ты не сильно похожа.

Феликса обхватила себя руками и ссутулилась.

— Это не дыхание смерти, — признала она. — Но к миру живых я больше не принадлежу. Мою подругу отравили вытяжкой цветов Черного Пламени...

Вождь при этих словах насупился, а Мать испуганно ахнула. Они оба хорошо знали, как действует этот яд. Черные колдуны, с которыми враждовали Серебристые Форели, порой не гнушались им пользоваться. На Джораакинли Черное Пламя не росло, но колдуны не ленились искать другие вулканы.

— Мне повезло найти сосуды с живой и мертвой водой, которые изменники вывезли из сокровищницы императора Леветира, — продолжила Феликса. — Я бы не успела привезти Брисигиду к вам в лоно Джораакинли. Я взяла ее смерть себе и осталась среди живых с помощью воды из источника Жизни.

— Ты ищешь Остров, — догадалась Мать племени. — Ох и нелегкий ты выбрала путь! Даже у нас не все верят, что он существует.

— Что, если ты впадешь в безумие? — нахмурился Ушшака. — Мы ценим твою дружбу, но если ты опасна для племени...

— Не опасна, — Мать Форелей махнула рукой. — Ты что, не видел наших гостей? Среди них избранные Великой Матери. Они не допустят зла.

— Брисигида отгоняет от меня некротическую энергию уже несколько месяцев, — кивнула Феликса. — И еще ни разу не прибегла к помощи брата. Но даже их силы не безграничны. К тому же, одна из моих союзников, рыжая девушка с огромным псом, носит демоническую печать... Я пойму, если вы не позволите нам остаться. Ушшака, разреши только поговорить с ведуньями.

Ушшака раздул ноздри и сложил руки на груди.

— Не выдумывай. Серебристые Форели не боятся ни демонических меток, ни живых мертвецов — нам все-таки нередко приходилось от них отбиваться. Но если смерть затмит твой разум, — строго добавил он, — мы будем защищаться.

— Справедливо, — кивнула Феликса. — Хотя в случае беды мной сначала займутся друзья.

Ушшака тяжело смотрел на чародейку, словно не мог смириться с дурными новостями, что она принесла. Мать Серебристых Форелей отнеслась к этому проще.

— С ведуньями я сама поговорю, — пообещала Феликсе женщина. — Мне они всяко

больше расскажут. Наши легенды, правда, мало говорят о Проводниках к Острову...

— Одну мы уже отыскали, — Феликса впервые за разговор улыбнулась. — Она здесь, с нами. Брисигида укротила ее, и та рассказала нам о втором проводнике, но сведения не слишком точны.

— Пфф, — фыркнула сарданка. — Точные сведения! Их ты добудешь, только если сама Джораакинли соизволит с тобой заговорить!

— Со мной мать-гора точно разговаривать не станет, — признала Феликса. — А вот с блудной дочерью Великой Матери, быть может, заговорит. Или с ее благословенным сыном.

Чародейка не говорила об этом Данатосу, но она была уверена, что Джораакинли, обитель духов-хранителей многих племен, может послать ему видение. Оборотень не желал признавать свою “избранность”, зато вполне мог согласиться попробовать подняться по склонам священного вулкана, чтобы что-то узнать.

— Истинный воин Серебристой Форели! — расхохотался Ушшака. — Ведет за собой целую команду героев! Зови их всех в гости к вождю. Будем знакомиться.

К вечеру в доме Ушшаки накрыли богатый стол, совсем как в прошлый раз к приезду дипломатической миссии из Арделореи. Рыбу Серебристые Форели, несмотря на племенное имя, охотно ели.

— Почтенный вождь Ушшака, — обратился к вождю Лаэрт, — а откуда пошло название вашего несравненного племени?

Феликса была рада снова видеть Лаэрта болтливым и активным. Он очень долго отходил от чар Анаштары и еще дольше переживал, что Брисигида совсем перестала с ним разговаривать. Только после прибытия в порт он стал по-настоящему приходить в себя. В этот вечер на приветственном пиру он охотно ел и пил, хотя на корабле Цефора уговаривала его съесть хотя бы половину обеда, а во время путешествия из порта к Форелям Лаэрт вообще только завтракал.

— наших предков прозвали так за несравненное умение плавать, — с гордостью объяснил Ушшака. — Сейчас наше селение не слишком близко к реке, но раньше племя жило по большей части рыбалкой, да мастерили лодки для других племен.

— А еще предки прыгали выше других, как форель на нересте! — озорно крикнул кто-то из сардан.

Ушшака добродушно улыбнулся. Феликса снова сидела на почетном месте между вождем и Матерью племени.

— А как вы зовете свой дом? — спросил Данатос. — У вас есть стена, как в городе, а городских улиц, рынков, дорог мы не видали. Но все равно у вас очень организованное... кхм... поселение.

— Твой друг-перевертыш, кажется, едва не принял нас за дикарей, — толкнул Феликсу в бок вождь. — Наш город невелик, потому его редко отмечают на картах. Чужеземцы и название его редко запоминают — именно потому, что мы не строим дорог, не кладем наши товары на прилавки из срубленных деревьев, не мостим улиц.

— Но ведь вам это и не нужно? — улыбнулся оборотень. — Дороги нужны там, где тяжело идти, а вас лес ведет сам.

— Хорошо сказано, — кивнула Мать Форелей. — По лианам любой из нас способен за минуты добраться до любого уголка леса. А ведуньи заботятся о том, чтобы лес мог слышать наши просьбы.

Перед пиром Мать сказала Феликсе, что ведуньи Форелей согласились поделиться с ней своими знаниями об Острове Жизни. Их магия очень походила на шаманские практики арделорейских горцев, но и классическая тайная магия, аркана, была им хорошо знакома. Чародейка знала, что Маронда, которая практиковала аркану почти всю свою жизнь, очень уважала сарданские магические традиции. Даже сейчас старуха не пошла на пир, осталась с ведуньями Серебристых Форелей изучать свитки старинных сарданских сказаний. Ринна тоже ушла к ведуньям, снабженная записями с наблюдениями Брисигиды.

— Этот город называется Илллати, — продолжила сарданка. — Он не такой большой, как города Тандара, но людей в нем живет не меньше.

— Это как? — удивился Кистень.

— Вы ведь видели диниции, на которых мы растим свои дома? — напомнил им Марнака. Сегодня ему разрешили сесть ближе к вождю, чтобы гости могли общаться со своим проводником. — Наш город растет не вширь, как ваши, а ввысь!

Кистень только восхищенно крикнул. Феликса помнила, как сама впервые увидела этажи плетеных домов-гнезд. Все строения Илллати возводились с помощью магии духов, поэтому чудесные дома хранили обитателей не только от ветра и дождя, но и от зловредной магии. Во всем Кессахе, да и на всей материке, так жили только Серебристые Форели.

— Завтра на рассвете будем молиться Джораакинли, чтобы она приняла вас, — сообщила Феликсе Мать племени. — Кто отправится просить помощи у матери-горы?

Анашгара наотрез отказалась идти к вулкану. “Шутишь, волшебница? — возмутилась суккуб, когда Феликса спросила ее. — Да этот вулкан старше меня! Больше нее о моих грехах знает только сама Триединая! Нет уж. Мне на Джораакинли идти — только беду навлекать. Как и тебе”. Тогда Феликса решила посоветоваться с Марондой, и старуха сказала, что сначала сходит на гору сама.

Данатосу Феликса тоже озвучила свои соображения. Тот явно не пришел в восторг от того, что ему предстояло общаться с могучим старым духом, но высказал готовность попытаться. “Никогда не пробовал делать что-то подобное, — признался оборотень. — И совсем не уверен, что из этого будет толк. Но если Маронда ничего не узнает, я сделаю все возможное”.

— Наставница Маронда сейчас готовится к восхождению, — ответила Феликса.

— Если Джораакинли не откликнется на зов волшебницы, к ней попробую воззвать я, — добавил Данатос.

— Мой напарник сказал, что у тебя есть дух-хранитель, и очень сильный, — вспомнил Марнака. — Он поможет тебе говорить с матерью-горой?

Данатос покраснел. Он несколько раз начинал объяснять, но замолкал, не сказав и пары слов. Феликса пришла ему на помощь:

— Это не совсем дух-хранитель, — сказала она. — Данатос — оборотень-полиморф. Это очень редкий дар даже среди оборотней. Он может принимать обличья хищных кошек и даже трансформировать свое тело частично. Эти способности ему дает покровительство Великой Матери, богини Триединой.

— Ха, да тебя мать-гора встретит, как сына, а то и как брата! — обрадовался Марнака, смутив оборотня еще больше.

— Ушшака, — тихо обратилась Феликса к вождю, пока Марнака поднимал тост за Данатоса, — а где другие воины, с которыми я проходила посвящение?

— Отец Воинов повел их сражаться на северную границу, — ответил вождь. — Завтра к

полудню вернуться. Не переживай за них, — добавил он, увидев встревоженное лицо волшебницы. — С севера все время кто-то приходит, но в основном это обезумевшие звери колдунов. Воины освобождают их от проклятой плоти и возвращаются домой живыми. Даже раненых в Иллати давно не было.

— Если арделорейские послы узнают, что я здесь, быть битве, — напомнила Феликса. Она уже успела рассказать Ушшаке Молоту об антимагах, что преследовали их в Бедеране. — Они могут навредить вашим домам. Здесь столько волшебства...

— Не тревожься о наших домах, — нахмурился вождь. — Мы вырастим новые. Если эти ассасины ненавидят любую магию, рано или поздно нас всех ждет война. Лучше бы этим “послам”, — вождь скривился, назвав так антимагов, — и вовсе не возвращаться домой.

— Они очень, очень искусные воины, — вздохнула Феликса, — и не гнушаются никакими средствами. Если решишь с ними сражаться, не заботься о воинской чести. Они честно драться точно не будут.

Вождь Иллати долго молчал, глядя на нее. Потом наклонился и тихо сказал:

— Пообещай мне кое-что, Стальная Гарпия, — Феликса вздрогнула. — Обещай, что когда снова станешь живой, то вернешься домой, в Арделорею, и избавишься от этой погани раз и навсегда.

Феликса не рассказывала вождю об указе императора, который возлагал на нее обязанности правителя. Но Ушшака Молот говорил так, будто знал о нем.

— У меня нет выбора, вождь, — призналась она. — Иначе мне не выжить.

Маронда вернулась с вулкана Джораакинли ни с чем, но явно не была этим удивлена. В отличие от Брисигиды.

— Неужели ты совсем ничего не увидела? — недоумевала жрица. — Ты ведь провидица, хоть что-то мать-гора должна была тебе нашептать?

— Что-то, может, и нашептала, — сварливо ответила чародейка. — Но нашего дела это не касается. Прорицание, знаешь ли, не самая предсказуемая наука. Иной раз в носу ковыряешься — и р-раз! Разум застывает, видение приходит. А бывает медитируешь, концентрируешься — а перед глазами все равно одно молоко.

— Значит, Данатосу придется идти к вулкану?

— А что, какие-то проблемы с этим? — проворчала Маронда. — Мужик он молодой, крепкий, уж как-нибудь дойдет.

Брисигида поджала губы. Старухе сегодня пришлось встать затемно, чтобы взойти на Джораакинли в благословенное время, на рассвете. Теперь она была не в духе и сыпала сарказмом и иронией еще больше обычного.

— Дани плохо справляется с духовной энергией, — терпеливо объяснила жрица. — Ему и молиться-то страшно, что уж говорить про полноценный разговор с могучим духом!

— Можешь сходить на Джораакинли сама, — фыркнула Маронда. — Правда, сомневаюсь, что ты добьешься больше меня. Женщины пользуются расположением Триединой намного чаще, чем мужчины. Рискну предположить, что мать-гора чувствует нашего оборотня и жаждет знакомства. Как Анашгара жаждала познакомиться с Лаэртом.

Брисигида вмиг побледнела, часто заморгала и, наплевав на правила вежливости, убежала от старой волшебницы без единого слова. Феликса, подошедшая узнать, как прошел поход на вулкан, нахмурилась, увидев побег подруги.

— Что это с ней? — спросила она у Маронды, не особо надеясь на ответ.

— Да кто ж вас, девок молодых, разберет, — пожалала плечами наставница. — Я предположила, что Джораакинли не даровала мне видение, потому что хочет, чтобы к ней пришел Данатос.

— Может быть, ты ляпнула что-то про Лаэрта? — догадалась Феликса.

— Конечно. Мало ли, что у них там стряслось из-за Анаштары, — разозлилась Маронда. — Могли бы хоть поговорить друг с другом. Так нет же, тяжело ей, богоизбранной!

— Не говори так, — нахмурилась Феликса. — Брисигида очистила целый архипелаг от некротической скверны. Мы и без того столько пережили, как тут совладать с эмоциями? У нее просто нет сил разбираться в своих отношениях с Лаэртом.

— С каких пор ты эксперт в межличностных отношениях? — подняла бровь Маронда.

— Ни с каких. Я сужу по своему опыту. После выхода из гавани Бедерана я заперлась в каюте на три дня и ни с кем не разговаривала, — пояснила Феликса. — Так, значит, мать-гора не сказала тебе ничего об Острове или Странице. А о чем-то другом?

Старуха закатила глаза, потом сердито взглянула на Феликсу. Та равнодушно пожалала плечами:

— Хорошо. Не мое дело. Тебе бы поспать, — язвительно улыбнулась Феликса. — А то ты того и гляди кого-нибудь ядом заплюешь.

Маронда хохотнула и шутливо сложила губы, будто и правда собиралась плюнуть.

— Твоя правда, Ферран. Пойду посплю.

Через пару часов Феликса отправилась вместе с вождем встречать воинов с северных окраин Иллати. Ей было интересно, какими выросли мальчишки, вместе с которыми она когда-то сражалась с химерой и прыгала в водопад.

Отец Воинов, как и Мать племени, совсем не изменился. Он был все так же статен и все так же презирал броню. Другим сарданам полагалось быть более благоразумными: каждый носил доспех из тяжелой плотной кожи. Такая хорошо держала скользящие удары когтей и клыков. У некоторых воинов кожаную броню усиливали металлические пластины.

— Что за гостью мы нынче приветствуем, что она ходит с тобой встречать воинов, Ушшака? — нахмурился один из сардан в броне с металлом.

— Быть того не может, — Отец Воинов положил воину руку на плечо. — К нам прилетела Стальная Гарпия!

— Феликса!

Один из сардан оставил свое копьё товарищу, подбежал к чародейке и крепко обнял. Она слегка растерялась от такого приветствия и не знала, чем ответить.

— Я рада быть здесь, — смущенно ответила Феликса. — Но... не пойми меня неправильно! Вы так выросли...

— Неудивительно, что ты нас не узнаешь, — юный воин разжал медвежьи объятия и отстранился, чтобы она могла лучше его рассмотреть. — Мне тогда и четырнадцати не исполнилось. Я Джареки...

— ... сын Джорамана! — радостно договорила за него Феликса. — Хорошо же вас кормят!

Джареки, молодой мужчина немногим меньше гиганта Ранжисоны, рассмеялся. Белых татуировок на его теле стало намного больше: они покрывали его руки, шею, даже ушные раковины и часть лица белели дивной вязью.

— Ты приехала, чтобы уговорить нас принять тех пройдох, что выдают себя за

послов? — спросил ее другой темнокожий юноша. Его лицо тоже было смутно знакомо Феликсе.

— Наоборот, — возразила она. — Я пришла просить вас о помощи и предостеречь от этих мерзавцев.

— О помощи? — забеспокоился Джареки. — Что стряслось?

— Наш друг, Драган Ферран, пал от рук предателей и бунтарей, — мрачно проговорил вождь Ушшака. — Как и его жена. Арделорея нам больше не союзник. Только Феликса и ее люди.

— Мать-гора! — сокрушенно покачал головой Джареки. — Ужасная потеря. Я сочувствую твоему горю.

Среди воинов послышался возмущенный ропот и сочувственные восклицания. Отец Воинов подошел к ней и поцеловал девушку в лоб:

— Мне ты тоже дочь, Феликса Ферран. В доме Серебристых Форелей для тебя всегда найдется место.

Феликса благодарно сжала его руку. Даже ее мертвое сердце отозвалось теплом на эти слова.

Ушшака, воины Серебристых Форелей и Феликса вернулись в центр Илллати. Джареки не отходил от волшебницы ни на шаг и все расспрашивал о ее приключениях.

— Как тебе удалось выжить, когда ты осталась совсем одна?

— Когда меня выбросило порталом в заливе Бедерана, мне помог соотечественник, — рассказала Феликса. — Не знаю, смогла бы я выбраться с глубины без него.

— Он знал, что ты появишься там? — удивился сардан. — Или оказался случайно?

— Кто-то связался с ним и предупредил, что мне понадобится помощь, — призналась чародейка. — Мы до сих пор не знаем, от кого он получил предупреждение.

— Почему вы не остались в городе?

— Власти Кузура оказались в союзе с нашими врагами, — пояснила Феликса. — И меня, и моих товарищей искали. Мне пришлось пойти на воровство, чтобы убраться оттуда. Правда, оказалось, что я обокрала еще худшего вора... — она грустно усмехнулась. — А еще я встретила свою подругу, которая тоже бежала от переворота. Она была при смерти. Кто-то подсунил ей книгу со страницами, пропитанными ядом цветов Черного Пламени. Как отцу.

— Она тоже погибла? — ужаснулся Джареки.

— Нет, — Феликса покачала головой. — Вместо нее умерла я. И теперь мы пытаемся меня спасти.

Юный воин с сомнением посмотрел на нее, шкодливо улыбнулся и ткнул под ребра, заставив чародейку вскрикнуть от щекотки.

— Что-то ты не похожа на мертвую, — заметил он.

— Будь я похожа на мертвеца, я бы и на пушечный выстрел к вам не приблизилась, — Феликса вновь ужаснулась при мысли, что она могла бы обезуметь и напасть на друзей, как мерзкий некромант. — Но я не смогу долго так существовать. Чтобы избавиться от проклятия, я должна попасть на Остров Жизни.

— И ты вспомнила о наших преданиях, — понял Джареки. — Правильно! Мы Серебристые Форели, лучше других сохранили память предков. Потому нас и опасаются соседи!

— И поэтому нас так ненавидят черные колдуны, — добавил Отец Воинов. — Они силой пытаются взять то, что нам было однажды даровано. Но предания не укажут тебе

пути. Они рассказывают об Острове, но не о том, как туда добраться.

Феликса уже поняла, что о путях к Острову Жизни легенды Форелей ничего не говорят. Пока Маронда ходила к матери-горе, волшебница изучала старые свитки вместе с ведуньями. Там была пара слов об Анашгаре — первой хранительнице Острова, “темное дитя со светлой душой”. Брисигида интуитивно сделала все то, о чем говорилось в свитке: перестала видеть в демонице врага и прониклась к ней сочувствием. Так она смогла прислушаться к ее израненной душе и найти в ней имя Древней, чтобы “вернуть ей искру прежней добродетели”, как выражались сказители.

— Путь к Острову нельзя отметить на карте, — согласилась Феликса. — Но мы уже вызволили из оков безвременья первую Проводницу. Найдем и второго Проводника.

— Я верю, что тебе все удастся, Стальная Гарпия, — поддержал ее Отец Воинов. — У тебя есть чутье! А оно порой дает больше знаний, чем древние сказания.

Воины разошлись по своим домам. Джареки снова обнял девушку на прощанье:

— Как я рад, что ты снова здесь! — пробасил воин. — Без тебя я бы ни за что не смог пройти обряд посвящения. Я всегда вспоминаю тот день, когда мне недостает смелости...

Феликса не нашлась, что ответить, но сын Джорамана ответа и не ждал — поспешил к своей семье, как и остальные.

Данатос всю ночь не мог уснуть. Плетеный дом на дереве, где он спал, был очень уютным, даже уютнее их с Лаэртом каюты на “Оке Бури”. В домах Форелей постели устроили прямо на полу, как нравилось оборотню, и они казались мягче любого матраса. Но ему все равно не спалось. Он боялся идти к вершине Джораакинли: там он снова мог впасть в эпилептический припадок, как это случилось в первый раз на молениях.

А еще он боялся самой горы. Стоило ему закрыть глаза, и в ушах гремели потусторонние барабаны, разгоняя кровь все быстрее и быстрее. Данатос еле сдерживался, чтобы не принять кошачье обличье. Он не понимал, что от него требует этот зов. Вдруг его внутренний хищник откажется повиноваться, и он больше не вернется в человеческое обличье?

Как тогда ему объясниться с Феликсой?

Вечером он видел, как один из воинов Серебристой Форели подарил волшебнице заколку для волос, искусно вырезанную из дерева. Сам Данатос так и не додумался сделать ей подарок. Или хотя бы купить, как Лаэрт Брисигиде... Смутное волнение из-за высокого сардана, восхищенно глядящего на чародейку всякий раз, как она проходит мимо, тоже не способствовало спокойному сну.

Обычно в таких случаях он говорил с сестрой. Но Брисигида последние недели и сама была как пришибленная. Данатос знал, что все дело в Лаэрте: она считала, что виновата в том, что не уберегла друга от чар Анашгары. Сколько бы он не говорил ей, что ничьей вины здесь быть не может, сестра не успокаивалась. Ей было не столько стыдно, сколько грустно. Она могла любить всех людей на свете, как истинная последовательница Трединой матери — и Лаэрта она тоже любила. Но не по-женски. Как женщина она так и не смогла ни в кого влюбиться. Только после столкновения с демоницей Брисигида это осознала.

Через несколько часов безуспешных попыток заснуть Данатос решил выбраться на свежий воздух. Он спустился по удобно расположенным на стволе поручням и ступенькам и присел на одно из бревен у подножия диниции.

— Первый раз вижу, чтобы ты страдал от бессонницы, — услышал Данатос грудной

женский голос. Анаштара тоже не спала. — Боишься встречи с Джораакинли?

Оборотень кивнул. Он все еще не решил, как относиться к их новой спутнице. Анаштара бывала груба и гневлива, но порой пыталась помочь. Очень по-своему — но чаще всего ей удавалось сделать для команды что-то полезное.

— Меня она тоже зовет, — проговорила суккуб. — Но меня бережет власть Брисигиды.

— Она может оставить меня зверем навсегда? — прямо спросил Данатос.

— Может, — Анаштара не стала врать. — Неужели ты считаешь, что это большая беда? Разве твои кошачьи души тебя когда-нибудь подводили?

Ответа демоница не дождалась, растворилась в предрассветных тенях. Данатос дождался, когда небо слегка посерело, и тихо вышел из Илллати. Другого способа помочь Феликсе у него не было.

Глава 2. Когти и клыки

Вершина Джораакинли встретила Данатоса звенящей тишиной. Зверье избегало вершины спящего вулкана. Мать-гора не гневалась уже много-много лет, но что-то заставляло даже птиц облетать стороной вершину.

Подножье же кишело жизнью. Брызжащая зелень сельвы словно обнимала вулкан, успокаивала, укрывала свою спящую мать плотным малахитовым одеялом.

Маронда проложила себе к вершине Джораакинли портал: восхождение старухе не по силам. Данатос такой трюк повернуть не мог. Ему пришлось идти несколько часов, так что когда он добрался к жерлу священного вулкана, солнце уже заливало все вокруг слепящими волнами света.

Оборотень прикрыл глаза, купаясь в жарких лучах. В разум тут же хлынули вспышки образов, но он был к этому готов. Несколько глубоких вдохов, и сумбурные картинки сменились более четкими видениями. Они тоже переливались калейдоскопом, обрывались и таяли, но давали хоть какую-то информацию.

Огромный бескрылый дракон поднимается из океана, ползет к материку, но останавливается на полпути и укладывается спать. Одна лапа вытянута на север; хвост свернут неполной спиралью. Океан прибывает. Дракон обрастает лесом и горами. На поверхности со временем видны только голова, лапы и хвост, да немного спинного хребта. Ему не суждено очнуться от сна.

Анаштара. Ее рога еще не такие ветвистые, какими он видел их при первой встрече. Они переливаются, черные вспышки на черной кости. Глаза демоницы сияют, ровно и беззлобно. Она совсем еще юна и мало похожа на сегодняшнюю себя. Лишь так же пламенеют длинные волосы и матово поблескивает антрацитовая кожа.

Рядом с суккубом возникает другой образ. Анаштара растворяется; вместо нее Данатос видит еще одного Древнего. Он так же рогат и высок. Нижняя половина его тела покрыта хвойного цвета чешуей, вместо человеческих ног — мощные копыта, как у горных козлов. Бледная зеленоватая кожа изукрашена темно-зелеными татуировками. Узоры татуировок складываются в ростки молодых папоротников и фантастические цветы, в ядовитые лозы и листья. Вне всякого сомнения он — воплощение жизни.

Древний скрылся в густом молочном тумане. Долгое время туман клубился и не показывал ничего. Данатос взмолился о новой подсказке... Глухо. Только непрерывный шепот в голове, и он никак не может разобрать слов. “Может, я пойму, если подойду ближе...”

Не открывая глаз, Данатос шагнул к кратеру и перемахнул через кромку. Кратер грелся только солнцем, снаружи, но не изнутри: Джораакинли не позволила так легко потревожить свой сон. Через несколько шагов он остановился — почувствовал, что достиг центра. “Сядь, сын мой, — Данатос разобрал наконец, что говорил самый громкий из шепотков. — Ты так долго противился сам себе, что едва можешь меня слышать. Не для того Великая Мать так одарила тебя...” По виску стекла крупная капля пота. Данатосу стало так жарко, будто он провалился в самое жерло, под корку застывшего камня. Кожа зачесалась сразу по всему телу.

— Я должен вернуться... — простонал оборотень. — Прощу тебя!

“Твоя настырность доведет тебя до беды, — ответила гора. — Если выучишь свой урок

— поможешь тем, кого любишь. Если же будешь и дальше сопротивляться — останешься навсегда непокорным сыном!”

Жар стал таким невыносимым, что оборотень закричал. Но вместо крика над кратером раздался чудовищный рык.

— Мама, пожалуйста!

Перед глазами мелькнул небольшой портовый город. У причала всего пара кораблей, их мачты венчает флаг княжества Шанафар, самого маленького и бедного княжества Кессаха. Данатос знает это, потому что мать-гора слышала про Шанафар от ведуний. Взор Джораакинли ведет его по узким грязным улочкам, все дальше и дальше, на самую окраину.

В канаве, полной жидкой грязи и отбросов, сжимается хрупкая фигурка, обнаженная и беззащитная, усыпанная синими, багровыми и черными пятнами побоев. Лицо залито кровью, но почти цело. Каждая его черточка врезается Данатосу в память вместе с жаром, достигшим невероятных пределов.

Боль стала такой невыносимой, что крик больше не помогал с ней справиться, и сознание оборотня милосердно отключилось.

Аянир умудрился забрать почти все зеркала, что стояли у него в углу. Лишь самое большое он расколотил в мелкую пыль и закопал осколки подальше от дома. Только после этого они ушли, оба нагруженные, как мулы.

— А ты как ушел из Цитадели? — Джамир вспомнил их вчерашний разговор. Вроде бы его новый напарник ничего об этом не рассказывал. — Вряд ли Владыка... Аннаира отпустила бы тебя так просто.

Цесаревич насупился, долго не отвечал. Джамир решил, что ему пришлось сделать что-то очень неприятное, о чем он не хочет рассказывать, поэтому не стал переспрашивать.

Примерно через полчаса ходьбы в тишине Аянир все-таки решил кое-что рассказать.

— Ты должен понимать, что я любил и люблю свою сестру, — начал он. — Помогал ей, надеясь, что она успокоится со временем, и мы вернемся к отцу. Но она... она...

Антимаг снова не посмел его переспросить или поторопить.

— Аннаира начала планировать переворот. И вдруг оказалось, что у нее так много союзников... Все, кто в свое время поддержал деда. Их наследники дали ей все: деньги, оружие, людей. Помогали порочить магов и императора в провинциях.

— Магов так ненавидят? — осторожно спросил Джамир. Он помнил, с каким почтением люди на равнинах относились к элементам земли — в тех редких случаях, когда они спускались.

— Конечно, — Аянир поежился. — Особенно знать. Ты слышал о Драгане Ферране и его дочери?

— Некогда — лучший меч Арделореи, прославленный генерал, — вспомнил антимаг. — Устранен одним из первых. А его дочь... — Джамир вздрогнул, вспомнив огромную пуму на улицах Бедерана. — Ее мы так и не взяли. Говорят, она единственная женщина в командовании славирского флота.

Аянир хмыкнул, растер озябшие ладони.

— Феликса Ферран, капитан Стальная Гарпия, — протянул он. — Аннаира не сказала вам, что отец назначил ее преемницей?

Джамир остановился. “Вот почему мы так упорно гонялись за ней! — дошло до него. —

Многие маги сбежали, но за ней направили самый многочисленный и хорошо подготовленный отряд”. Он мотнул головой, нагнал товарища.

— Это многое объясняет, — сказал антимаг. — Я видел ее в Бедеране.

— Знаю, — кивнул Аянир. — Я сбежал из Цитадели за месяц до того, как Аннаире перешла к боевым действиям. Думал, что успею предупредить кого-нибудь...

Цесаревич снова надолго умолк.

— Прежде чем сбежать, я попытался переубедить ее, — он говорил очень тихо, почти шептал. — Конечно, у меня не вышло. Тогда я вколол ей тот состав, когда она уснула... он очень похож на зелье, которое дают молодым магам в Академии Славиры. Я не задумывался, для чего она его использует. Надеялся, что она одумается после видений.

— И что случилось? — не удержался Джамир.

— Стало еще хуже, — признался Аянир. — Она окончательно ожесточилась, ускорила подготовку. Начала эти кошмарные... ох, Триединая...

— Тренировки? — вздрогнул Джамир. — Ты изготовил зелье для этих пыток?!

— Я не знал! — крикнул цесаревич. — Я не успел его испытать, только вколол Аннаире, ясно?

Он шумно вздохнул, остановился на минуту, отдышался.

— Думаешь, я трус и дурак, да? — Аянир повернулся к антимагу. — Я не в обиде. Это правда. Мне не хватило смелости просто убить ее. Было бы так удобно, если бы зелье сделало это за меня. Но сестра выжила, а я сбежал.

— Я бы тоже не смог поднять руку на родных, — покачал головой Джамир. — Так что дальше? Зачем мы идем на Каракач?

Аянир посмотрел на своего спутника, слабо улыбнулся.

— Элементали воды, — коротко пояснил он, охотно переключившись на другую тему. — Элементали никогда не поддержат правительство, которое выступает против магии. Я связался с ними, когда все началось... У каракачинцев сильные провидцы. Благодаря им я нашел связного в Бедеране, который помог Феликсе выбраться из моря после неудачной телепортации. Аннаира правда тоже как-то узнала, что Ферран попала в Бедеран, но ничего обошлось.

— Я жил среди элементалей земли, — Джамир смутился, прокашлялся. — Сомневаюсь, конечно, что они будут мне рады, но новой власти они наверняка рады еще меньше.

— Тут ты прав, друг мой, — кивнул цесаревич. — Но нам нужно дождаться кое-кого, прежде чем активно действовать.

— Кого?

— Ферран, конечно же, — вытаращил глаза Аянир. — Или ты готов сам возглавить оппозицию?

— Что возглавить? — снова обиделся Джамир на незнакомое слово.

— Сопrotивление. Тех, кто недоволен нынешним положением вещей.

— Ну, я, конечно, не доволен, — признал антимаг, — но на возглавить у меня мозгов не хватит.

Цесаревич хлопнул его по плечу и рассмеялся.

— Похвальная самокритичность, — он опять смутил Джамира непонятным словом. — Хотя дело, конечно, не в уме. Ума и у меня хватает, — Аянир многозначительно постучал себе пальцем по голове, — а вот чего-то поважнее — нет.

— Ты же сын императора, — нахмурился антимаг. — Чего такого у тебя нет?

— Отваги, наверное, — признал цесаревич. — Решимости... не знаю, как это назвать.

Чего-то такого, что делает лидера лидером.

— Яйца, — авторитетно заявил Джамир. — Дед мой так говорил: главный тот, у кого яйца больше.

— Мудрый человек твой дед, — прыснул Аянир. — Прибавим шагу, друг мой. Время не на нашей стороне.

Феликса весь день провела на реке, дочери великой Джораакинли. Священный водопад, где юные Форели проходили посвящение в воины, грохотал где-то выше по течению. Здесь же река разливалась широко и несла свои воды лениво и неспешно. Чародейка не могла отделаться от мысли, что стоило попросить Акыра и Цефору отпустить с ней Дину — девочке бы здесь понравилось.

Компанию ей составляли Лаэрт и несколько молодых сардан, в том числе Джареки. Бывший агент Канцелярии и юный воин быстро поладили.

— Вот такую рыбину выловил, во-о-от такенную! — развел руки Джареки. Феликса была очень рада, что парни разговорились и перешли на рыбалку — повышенное внимание Джареки начинало ее смущать. — Не рыба, а речной конь!

— А на что ловил? — поинтересовался Лаэрт. — Я, по правде сказать, в рыбалке полный профан.

— Кто? — не понял сардан. Феликса наложила на своих спутников заклятие, позволяющее понимать язык Серебристых Форелей так же, как она. Однако ее словарный запас был не настолько богат.

— Ну... э-э-э...

— Новичок, — подсказала Феликса.

— А! — обрадовался Джареки. — Так ты не переживай, я тебя научу. Неделька-другая, и станешь лучшим рыбаком! После меня, конечно.

Сардан добродушно рассмеялся, Лаэрт тоже.

— Мы не можем так долго гостить у вас, Джареки, — покачала головой чародейка. — Я и так подвергаю вас опасности, оставаясь здесь.

— Так ты скоро уедешь? — погрузнел юноша.

— Да. И чем раньше, тем лучше.

Дальше разговор у Джареки и Лаэрта уже не клеился. Сардан был рассеян, отвечал невпопад и все время поглядывал на Феликсу. В конце концов она не выдержала и ушла в мангровые заросли, чтобы скрыться от всех.

Через несколько минут Джареки пошел в мангры вслед за ней, оставив Лаэрта хмуриться на берегу. Вскоре сардан догнал ее, бредущую между обнаженных корней.

— Разве вождь Ушшака гонит тебя? — громко спросил он, пробираясь тем же путем, что и она.

— Меня гонит только здравый смысл, — сдержанно ответила Феликса. — Мои враги уже подбираются к вам. Без повода они не посмеют напасть, но узнав обо мне, тут же атакуют.

— Серебристые Форели не боятся врагов, — воскликнул сардан. — Каждая моя татуировка — поверженный зверь!

— А с людьми ты когда-нибудь сражался насмерть? — Феликса резко остановилась,

осознав, что разговора не избежать. — С опытными фехтовальщиками и стрелками, с убийцами, увешанными огнестрельным оружием и ядовитыми иглами?

— Какая разница? — пожал плечами Джареки. — Стрела из лука разит не хуже мушкета или яда.

Чародейка уже поняла, к чему клонит ее старый знакомый. Он хотел доказать, что готов на все, чтобы защитить ее. Феликса очень тепло относилась к нему, но сейчас Джареки начал перегибать палку со своей симпатией.

— Разница в том, что мои враги — антимаги, — терпеливо пояснила девушка. — Твоя мать — ведунья. В присутствии антимага она окажется абсолютно беспомощна. Такого ты желаешь своему племени?

Джареки растерялся. Он жалобно смотрел на Феликсу, будто ждал, что она сама предложит решение. “Хорошо, что мне уже не шестнадцать, — подумала волшебница. — Четыре года назад я бы вся взопрела под этим взглядом. А сейчас вообще не до того, хоть мозгами можно пораскинуть, прежде чем что-то сказать”.

— Тогда я поеду с тобой! — выпалил сардан. — И буду рядом, чтобы встать между тобой и твоими врагами, если они настигнут тебя...

Он потянулся к ней, но Феликса решительно остановила его, уперев ладонь ему в грудь: — Ты не посмеешь оставить свое племя под угрозой войны, — осадила юношу она. — Так ты пытаешься показать мне, что стал мужчиной? Так ты благодарен родителям за то, что они растили и заботились о тебе столько лет?

— Отец бы понял...

— Я не пойму! — рывкнула Феликса. — Я больше не безрассудная девчонка, какой ты меня знал! Я мертва, я бита бедами со всех сторон — не такую невестку ждет Джораман в своем доме!

Джареки отшатнулся от нее, часто и коротко дыша, уцепился за корни мангров, будто боялся упасть. В какой-то момент ей показалось, что он закричит на нее, но сардан взял себя в руки. Повернулся и ушел, не сказав ни слова.

Еще через какое-то время к ней пришел Лаэрт.

— Жестко ты с парнишкой, — прокашлявшись, сказал он. — Хотя я, конечно, больше болею за своего друга.

— Дурак, — беззлобно бросила Феликса. — Как вообще можно за кого-то болеть в такой ситуации? Мы что, устроили какое-то соревнование?

— Ты ведь поняла, что я пошутил, — улыбнулся фехтовальщик. — Хотел бы я, чтобы Брисигида так же твердо дала мне понять, что ей в тягость мое внимание.

— Ваши с Брис отношения куда сложнее, — покачала головой чародейка. — Джареки, как и любой юноша, помнит все в романтическом свете. Он забыл, как тогда воняло кровью и шерстью чудища. Зато помнит, как я взяла его за руку, чтобы вместе прыгнуть с высокого водопада, как мы вместе выплывали со стремнины, — она поджала губы. — Детская влюбленность. Пройдет так же быстро, как юношеские прыщи.

Лаэрт цокнул языком и рассмеялся.

— А что ты думаешь о Дани?

— Я не собираюсь с тобой это обсуждать, — фыркнула Феликса. — Может, лучше поговорим о том, как Анаштара тебя достала?

— Нет, спасибо, — юноша закатил глаза и высунул язык. — Второй раз я тебе этот вопрос задавать не стану.

Феликса удовлетворенно хмыкнула. Были вещи, о которых даже Лаэрт не хотел говорить.

— Вернемся в Иллати. Данатос должен скоро прийти от Джораакинли.

Мучительное нездоровье все чаще охватывало Маронду последнее время. Ведуньи Форелей сразу поняли, когда чародейку согнуло старческой усталостью.

— Негоже такой почтенной женщине возиться с потусторонним, — ворчала старшая, премудрая Хандиа. Полнотелая сарданка неизменно заплетала волосы, а сплетенные косички укладывала затейливыми кренделями. — Неужто некому тебя подменить? Где твои ученики, зентсу?

Зентсу Серебристые Форели называли только самых опытных наставников. Знания Маронды безусловно впечатлили ведуний, вот только и возраст — тоже.

— Моя единственная ученица одной ногой в могиле, — прохрипела старуха. — Хотя есть, конечно, кому демона отпугнуть. Еще бы она со своими болячками не нянькалась...

— Светлая жрица? — нахмурилась Хандиа. — С Древней на поводке ей опасно вступать в борьбу с другими демонами.

— Ну что, стало быть, я по-любому сыграю в ящик? — влезла Ринна. Харм обиженно заскулил: она слишком долго не бросала ему новую игрушку, сухую ветвь диниции.

— У вас на севере играют на ящиках? — удивилась сарданка. Спутники Феликсы постоянно забывали, что говорят через переводящее на чужой язык заклятие, а племя никак не могло привыкнуть.

— Девчонка говорит, что помирать не хочет, — буркнула Маронда. — Как я ее, чтоб меня черти поджарили, понимаю!

Она поднялась с древесного ложа, где ведуньи лечили старухе радикулит, проковыляла к Ринне, тяжело опираясь на посох, прошла сухими, стянутыми в нить губами охотнице по лбу.

— Ничего, девочка, время еще осталось, — шепнула волшебница. — Зовите Брисигиду.

Жрица пришла в святилище очень скоро. Следом за ней просочилась Анаштара, игнорируя враждебные взгляды ведуний. Брисигида опять грызла ногти и обкусывала сухую кожу с пальцев, слушала Маронду вполуха и постоянно вздыхала.

— Ты хоть слово из того, что я сказала, уловила? — возмутилась Маронда.

— Конечно, — отмахнулась жрица. — Нужно снять метки как можно скорее, иначе демон прорвется до конца месяца, — она осеклась. — То есть как это? Нельзя выпускать с астрального плана...

— Да чтоб тебя! — ругнулась Маронда и закашлялась. — А я о чем тебе талдычу?! Зентсу Хандиа два дня билась над метками. Шрамы — следы не только вторжения демона огня, но и защиты, сопротивление природных сил нашего мира агрессорам астрального. Иммунная реакция, если хочешь. То, что позволяет твоей мази эффективно отталкивать клятого духа от Рин. Но если не обезвредить заклятие огня, работает накопительный эффект.

— То есть придется действовать прямо сейчас? — ужаснулась Брисигида. — И как я сама не заметила...

— Очищение необходимо в ближайшие дни, — мягко пояснила Хандиа. — Немудрено. Тут нужен опыт, а не образование. Колдуны с севера дают нам предостаточно опыта.

Прости, милая, но расколдовать вашу подругу придется сейчас — или никогда.

Жрица закусил губу и покосилась на Анаштару. Маронда тоже неотрывно глядела на демоницу.

— Не бойся, мы поможем, — сарданка неверно истолковала ее взгляд.

Древняя догадалась быстрее ведуний.

— Я не стану напрягаться из-за какой-то смертной, — фыркнула суккуб. — Да и младших собратьев не настолько презираю.

— Боишься? — прищурилась Маронда. — Что чистый огонь надерет тебе задницу.

— Оставь провокации для сопляков, — хохотнула Анаштара. — Брось, жрица. Мы обе знаем, что тебе и большее под силу.

Демоница повела плечами и вышла из святилища. Брисигида жалобно посмотрела на Маронду.

— Хоть ты мне поможешь?

— Маронде нужен покой, — отрезала Хандия. — Мы должны справиться сами. Я тебе помогу.

— Тогда подождем новолуния, — решила жрица. — Проведем ритуал ночью, чтобы дух не напитался солнцем. Рин, — она обратилась к охотнице, — для вас обоих будет лучше в этот момент погрузиться в сон. И тебе, и Харму.

Ринна пожала плечами.

— В демоноборцы не рвусь. Да и больше одного раза...

— ...не помрем, — с усмешкой закончила за нее Маронда и снова закашлялась.

Брисигиде ее кашель страшно не понравился.

Оборотень не вернулся в поселение Серебристых Форелей к закату. Даже к полуночи его все еще не было видно.

— Это ненормально, — твердила Брисигида. — Почему так долго? Вдруг с ним что-то случилось?

— Под сенью матери-горы? — удивилась Мать племени. — Исключено.

— Бывало, ведуньи проводили на Джораакинли несколько дней, прежде чем она даровала им видение, — успокоил ее Ушшака. — Должно быть, он впал в священный сон.

— Надо было пойти с ним, — простонала жрица. — Мы всегда молились вместе...

— Только беду бы накликала, — проворчала Маронда.

— Мне тоже не нравится, что Дани так долго нет, — призналась Феликса.

Они сидели у очага в доме вождя. Брисигида и Мать племени вязали от скуки рыболовные сети. Феликса и Ушшака Молот чистили оружие. Маронда снова и снова раскладывала карты, но, кажется, ничего внятного увидеть не надеялась. Только Анаштара молча смотрела в огонь.

— Надо его искать, — сказала вдруг демоница. — Мать-гора умолкла. Если бы он еще был там, я бы слышала ее шепот.

— Что? — опешила Феликса. — Ты слышишь Джораакинли?

— Услышала ночью, — призналась Анаштара. — Или скорее подслушала.

— Она гневалась? — спросила Брисигида.

Древняя пожала плечами.

— Насколько я понимаю, твой брат не слишком рад своей звериной половине, — заметила суккуб. — Если мать-гора это заметила, могла и проучить.

— Как проучить? — нахмурилась Феликса.

— Откуда мне знать? От меня, блудной дочери, она давно отреклась.

Брисигида закрыла глаза и уткнулась лицом в ладони. Феликса понуро опустила голову.

— Я не могу пойти на Джораакинли за ним, — глухо напомнила чародейка. — Только, прошу тебя, Брис, не беги туда прямо сейчас. Утром мы все соберемся и будем искать Дани. Анаштара пойдет со мной, — она вызывающе прищурилась, глядя демонице в глаза.

— Пойду, — неожиданно покорно согласилась та. — Все-таки даже мне любопытно, узнал ли он что-нибудь.

— Мы тоже соберем людей, — протянул вождь. Кажется, он не слишком доверял суждению Анаштары. — Хотя я уверен, что с вашим оборотнем все в порядке.

Утром Маронда проложила портал как можно ближе к вершине вулкана. Старуха вошла в него вслед за Брисигидой и ведуньями Серебристых Форелей, но подниматься дальше не стала, слишком утомилась. Ни ведуньи, ни жрица так и не увидели Данатоса. Он явно успел побывать на Джораакинли: кое-где остались отпечатки ног, а возле самого жерла лежала его фляжка. Края и площадку огромного жерла украшали бороздки и каменное крошево от когтей, но за пределами иссохшей почвы все следы терялись.

Прочесывать леса в поисках кота, пусть даже и такого гигантского, все единогласно сочли бесполезным. Оставалось уповать на магические средства. Феликса пыталась настроить поисковое заклинание на Данатоса. У него было не так много вещей, но все они не могли считаться достаточно личными, чтобы обеспечить сильную магическую связь. На помощь чародейке неожиданно пришел тот страж, что встречал их у стен Иллати вместе с Марнакой.

— Я слышал, ваш друг-перевертыш пропал, — сардан пришел с этим к вождю. — Я бы хотел помочь. Он дал мне это, — юноша снял с шеи воженный кожаный шнур с кулоном. Часть шнура оплетала огромный кошачий коготь. — Это поможет?

— Еще как! — Феликса так обрадовалась, что даже обняла стража. — Теперь я смогу создать такие чары, которые точно укажут, где Дани.

Подобными чарами она воспользовалась, чтобы указать охотнице Ринне их лагерь, когда они повстречались на Паланийских островах. Многого не требовалось: чашка с водой, а еще игла или палочка. Более тонкий конец указывал на объект поиска, как компас на север.

— Чушь какая-то, — пробурчала себе под нос Феликса, закончив заклинание. Импровизированная стрелка то металась по чашке, как блоха по сковороде, то погружалась на дно, а иногда и вовсе начинала ровно крутиться по всей окружности. — Что это может значить, а?

Брисигида, Лаэрт, волшебники Форелей и даже Маронда не высказали предположений так что вопрос предназначался Анаштаре. Та вздернула бровь, но все же снизошла до ответа:

— Вздумай ты меня искать такими примитивными чарами, думаешь, сработало бы?

Феликса зло стукнула себя ладонью по лбу. “Ну конечно, — подумала она. — Данатос обладает огромной духовной силой. Энергетический след настолько мощный, что любой поисковик сходит с ума!”

— Нужен кот, — сказал вдруг Лаэрт. — Водятся здесь коты?

— Что? — одновременно спросили Анаштара и Феликса.

— Любой представитель семейства кошачьих, — терпеливо повторил фехтовальщик.

— И как это поможет? — фыркнула демоница.

— Тебе, стервятница, разумеется, никак, — хохотнул юноша. — Вы бы знали, сколько раз домашние коты чуть не выдали нас в Бедеране! Они валандаются за Дани — только в путь, как будто он кошачьей мятой оброс. Наше счастье, что его не так просто найти магией, иначе антимаги уже были бы здесь.

Феликса задумалась. Идея казалась ненадежной, но попробовать все же стоило.

— Ушшака, у вас водятся питомцы? — позвала девушка вождя.

— А как же, — всплеснул руками вождь. — Приручаем помаленьку даже дикую живность. Мраморных, золотистых кошек... В святилище тоже, как положено. Даже крупный хищник есть! — похвалился Ушшака. — Пума.

— Это просто прекрасно! — обрадовался Лаэрт. — Пума — это лучше некуда!

— И как ты намерен ей объяснить, чего от нее хочешь? — скептически поджала губы Феликса.

Лаэрт таинственно улыбнулся и попросил Ушшаку:

— Покажи мне, пожалуйста, почтенный вождь, ваше святилище.

Сардан пожал плечами и повел их к одному из немногих наземных строений в Илллати. Вход на территорию святилища преграждала живая изгородь.

— Все кошки на заднем дворе, — пояснил вождь. — Может, стоит все-таки подождать ведуний? Ты незнакомец...

— Я — друг великого оборотня, — продолжал кривляться и лыбиться Лаэрт, будто готовил какую-то невероятно веселую шутку.

Он прошел через изгородь и исчез за зелеными стенами святилища. Феликса на всякий случай стала готовить гипнотические чары, готовясь спасти его от хищников, разгневанных вторжением на их территорию чужака.

Лаэрт вернулся через несколько минут. Следом за ним мягко ступала пума, постоянно тыкаясь ему головой в руку.

— Ты ж моя красавица, — Лаэрт присел и стал от души начесывать кошке морду, трепать шерсть за ушами, гладить по голове. — Кем от меня пахнет, а? Кем, вожаком пахнет, скажи?

Пума смешно мявкнула, почти как домашняя кошка, играющая с хозяином.

— Пойдем, поищем его, пойдем, наперегонки, давай!

Лаэрт рванул крупными прыжками к выходу из Илллати, и пума зарысила за ним, постепенно обгоняя. Феликса несколько раз протерла глаза, чтобы убедиться, что ей не показалось.

— Чего встала, бежим за ним! — Анаштара вернула ее к реальности.

Феликса чертыхнулась и бросилась со всех ног за Лаэртом и храмовой кошкой. Древняя помчалась вместе с ней — и как только поспевала в длинной робе?

Пума из святилища уверенно выбирала дорогу в густой сельве. Иногда кошка останавливалась, принюхивалась и резко меняла направление.

— Кажется, Дани не сидит на месте, — пробормотал себе под нос Лаэрт.

— Ты соизволишь наконец объяснить, в чем фокус? — разозлилась Феликса. — С чего ты взял, что животное способно найти его?

— Мы давно сражаемся с ним в паре, как ты знаешь, — фехтовальщик снова потрепал пуму за ухом. — А последнее время вообще постоянно вместе. Ты еще не успела заметить, насколько он темпераментный, а?

Феликса раздраженно вздохнула. Она все еще была уверена, что они напрасно теряют время. Проще было взять с собой Харма и идти от Джораакинли по запаху.

— Впрочем, ты еще не успела с ним толком поругаться, — продолжал рассуждать Лаэрт. — А вот мне доводилось! Он мне как-то даже руку сломал.

— Удивительно, что не убил, — многозначительно добавила чародейка.

— К тому же, первое время мы друг другу особо не доверяли, — фехтовальщик проигнорировал ее ремарку. — Так что я пытался узнать о друге как можно больше, чтобы иметь возможность вывести его из строя, случись вдруг что.

— Как-то это не очень по-дружески, — буркнула Феликса.

— ... Чему Данатос был только рад, ведь он своей мощи не только стесняется, но еще и побаивается, — Лаэрт немного запыхался, разговаривая и пытаясь угнаться за пумой одновременно. — Большинство кошачьих — вполне ожидаемо — принимают Дани за жоака. Некоторые от счастья его видеть слегка слетают с катушек и волочатся за ним, — он еще раз потрепал требующую внимания пуму между ушей. — А при нашей работе это было крайне неудобно.

— И как вы с этим справились? — полубопытствовала Анашгара. Активные действия явно сбросили с нее скуку и притворное равнодушие ко всему.

— По правде сказать, мы — никак, — весело ответил Лаэрт. — Случай подсобил. Дани превратился в этого своего колдунского рогатого кота, я стал проводить магию для него... и мы пробыли в связке намного дольше обычного. Я тогда в очередной раз обморок словил...

Феликса начала понимать, почему пума так ластилась к фехтовальщику. А еще — почему так оживилась Анашгара.

— Ты подкармливаешь кошку магией? — высказала предположение чародейка. — А ты, дьявольское отродье, подьедаешь втихаря и радуешься, не так ли?

Анашгара облизнула губы и пожалала плечами. Она выглядела, как аристократка, которая плюнула на диету и объелась шоколада.

— Раньше я не умел контролировать... эээ, как это назвать? Проводимость? — Лаэрт почесал затылок. — Но замечал иногда, что когда сильно волнуюсь, кошки ко мне тянутся. И, если повезет, понимают, чего я хочу. Вы с Марондой научили меня контролировать способности, — он щелкнул пальцами, — и вуаля, как говорят на Ферискее! Я самый любимый из кошачьих друзей.

— Ты не был уверен, что получится, — покачала головой девушка. — Но пошел прямо к хищнику? Ты нормальный?

— Ни в коем случае, — фыркнул Лаэрт. — Вообще-то, я был уверен, что все получится. Я просто никогда раньше не пробовал так делать, а это не одно и то же!

Феликса не переставала удивляться безрассудству Лаэрта. Прошлый раз он нырял в одиночку на страшную глубину, чтобы достать моллюсков для Брисигиды. В этот — сунулся к опасной хищной кошке. Ранжисона говорил, что и в бою против пиратов Беора он был столь же бесстрашен. “Инстинкт самосохранения — как у меня в шестнадцать, — подумала чародейка. — Духовный брат, черт возьми!”

Пума стала идти немного медленнее, и у Феликсы появилась возможность отправить магическое послание Маронде и тем, кто остался в Илллати. Через некоторое время она услышала, как по зарослям пробираются люди, пришедшие на подмогу. Еще полчаса, и к ним присоединились Ранжисона, Ринна и Харм, Марнака с товарищем, Брисигида с Марондой... и нахмуренный Джареки. На Феликсу он старался не смотреть.

— А ты не хотел учиться, — тут же начала нудеть старая наставница. — Видишь, как полезны способности, которыми владеешь в полной мере!

— Да-да, ученье — свет, — отмахнулся Лаэрт. — Погодите. Кажется, наша киса растерялась.

Пума жалобно мяукнула, оглянувшись на Лаэрта, понюхала заросли возле своих лап и громко зарычала. Она ходила по кругу и никак не желала двигаться дальше.

— Кажется, у нее нюх отбило, — предположил Марнака.

— Ерунда, — Лаэрт нахмурился. — Наоборот, она что-то нашла. Вот только что-то я не...

Он осекся и успел среагировать раньше всех, оттолкнув Марнаку и его друга в густые папоротники. Туда, где они стояли, приземлилась огромная золотистая пума, в несколько раз крупнее их проводника. Глаза хищника почти полностью заполняли зрачки, он щерился и готовился к новой атаке.

— Дани! — крикнул Лаэрт. — Дружище, здесь все свои!

Гигантская, больше медведя, кошка ответила ему мощным ревом. Феликса видела, как Джареки готовит к броску копьё, пока хищник повернулся к кричащему Лаэрту.

— Не смей! — завопила она и бросилась к Джареки, чтобы вырвать у него из рук оружие.

Данатос заметил опасность раньше, чем она успела что-то сделать. От Джареки его отделяло еще приличное расстояние, так что он развернулся и помчался на сардана, огибая деревья бешеными прыжками. Маронда и Брисигида едва успели убраться с его пути.

Сардан метнул копьё и, конечно же, промахнулся.

— Беги, дурень! — от страха Феликса заорала на арделорейском, но Джареки, кажется, и так понимал, что стоять на месте не стоило.

У Джареки не было шансов убежать от оборотня, ни единого. Феликса едва успела шепнуть формулу на ускорение и рванула наперерез Данатосу. Она прыгнула прямо на него. Огромная пума едва пошатнулась и издала новый недовольный рык. “По крайней мере, остановился, — Феликса кое-как поднялась и встала у него перед мордой. Чародейку слегка потряхивало от напряжения. — Будь я жива, наверное, сердце разорвалось бы от страха. Или не страха... как назвать чувство, когда с ума сходишь из-за ярости кого-то очень близкого?”

— Не подходите! — заорала она остальным, не сводя глаз с Данатоса. Тот скалился, но не пытался напасть на нее. — Валите отсюда все!

Брисигида даже не пошевелилась. Ранжисона помог сарданам и Лаэрту выбраться из зарослей и уже уводил их подальше.

— Я никуда не пойду, — тонко выкрикнула жрица. — Мне он не причинит вреда...

Словно в протест, Данатос снова зарычал. Но напасть по-прежнему не пытался.

— Пожалуй, экспериментов на сегодня достаточно, — прокомментировал вполголоса происходящее Лаэрт и ловко закинул Брисигиду себе на плечо, обхватив поперек пояса.

Жрица тут же забрыкалась и заколотила кулаками ему по спине, но Лаэрту неожиданно пришла на помощь Анаштара. Она схватила Брисигиду за руку и наклонила голову, чтобы посмотреть ей в глаза:

— Мы здесь не помощники, — уверенно сказала демоница. — Он не в себе.

Брисигида обмякла. Она неотрывно смотрела на брата, пока Лаэрт уносил ее.

Феликса слышала, как за ее спиной громко дышит напуганный Джареки. Данатос тоже его услышал и снова громко зарычал. Он рыл когтями землю и явно собирался опять

прыгнуть. Феликса шагнула ближе и погрузила обе ладони в мех на шее.

— Стой, — тихо проговорила она. — Здесь нет врагов. Тише, тише...

Раздался новый утробный рев, но уже гораздо слабее. Феликса обхватила руками широкую горячую шею, уткнулась лицом в золотистый мех. Волшебница наконец-то поняла, что можно противопоставить застилающей разум злобе.

— Я так испугалась, когда ты не вернулся, — шепнула она. — Но все позади, правда?

Джареки за ее спиной почти не дышал, боялся пошевелиться.

Ярость.

Такой живой, трепещущей ярости он давно не ощущал. Она гнала его по сельве, заставляла метаться меж стволов, рвать зеленую сочную плоть леса, искать свежей крови.

У реки мелькнул знакомый силуэт. Высокий рост, длинные черные косы. И этот запах... яблочное мыло. Кто еще здесь мог им пользоваться? Конечно, это она, она, надо скорее...

Как этот мальчишка смеет идти за ней? Что он о себе возомнил? Кто он такой?!

Ярость накатывает новыми волнами. Яблочная девушка оттолкнула дерзкого парнишку, но разгоревшийся гнев уже погнал зверя совсем в другую сторону. Он заметался меж высоких стволов и густого подлеска; когти вспарывали влажную землю и мягкие травы.

Под утро зверь взобрался на дерево и заснул тревожным, полным невнятных видений сном. Вскоре его разбудил призывный рык сородича. Сестра?..

Гадкий дерзкий мальчишка тоже идет следом! Да еще и с оружием! Ярость снова мгновенно вскипела. Разорвать! Сожрать прямо с костями! Уничтожить!

Зверь уже на земле. Он слышал знакомый голос, но тот только отвлекает. Проклятье! Враг вот-вот нападет: зверь слышал запах готовящегося удара, пота, железа. Вперед!

Яблочный аромат сбивает с толку. Откуда он?..

Она стояла перед ним, перепачканная, напуганная. Неужели это он ее так ужаснул? Нет, нет, она что-то прокричала сестре и другим, но сама осталась. Запах яблок сводит с ума... Но мальчишка! Как его бесит проклятый мальчишка!

Яблочный аромат полностью укутал зверя, когда она протянула руки, обхватила его, зашептала что-то своим строгим низким голосом. Клокочущая злость постепенно стихла. Дерзкий темнокожий мальчишка перед глазами растворился. От его образа осталось только смутное беспокойство.

Вскоре и его смысл запах яблок.

— Дани?

Данатос потрянул мордой, избавляясь от остатков помутнения. Он попытался перекинуться обратно в человека — ничего не вышло. Он расстроено вздохнул и улегся на землю. Феликса села рядом с ним, продолжая гладить и расчесывать шерсть.

Без человеческого тела он никак не мог заговорить. Данатосу было стыдно, невыносимо стыдно: он едва не напал на человека, на друга. Как бы его не бесило то, как он липнет к Феликсе, Данатос не хотел убивать молодого сардана. Он вытянул морду и закрыл ее обеими лапами.

— Очень наглядно, — рассмеялась Феликса. — Джареки, иди домой. Копье не трожь!

— Не пойду, — раздался мрачный ответ. — Это ваш друг?

— Да, — девушка снова провела рукой по шерсти. — Мой соратник. Зачем ты взялся за копье? Мы ведь не на охоту шли!

— Я подумал, что это колдун, — признался Джареки. — Прости меня, оборотень.

Он подошел к Данатосу. Тот снова ощутил укол злости, но сумел сдержать эмоции. Сардан все равно почувствовал его недовольство.

— Кажется, у твоего друга ко мне какие-то личные счеты, — сказал он Феликсе.

Чародейка вздрогнула. Данатосу захотелось провалиться сквозь землю. “По крайней мере, пумы не краснеют”, — обреченно подумал он.

— Дани! Ты что, из ревности его хотел сожрать?!

Оборотень горестно мяукнул и ткнулся мордой ей в бок. Феликса досадливо вздохнула.

— Прости его, Джареки, — проговорила она. — Как я уже говорила, твое внимание ко мне более чем неуместно. Я в этом тоже в некотором роде виновата... не назвала тебе всех причин.

Джареки посерел. Ему явно не понравилась новая причина, по которой Феликса не позволяла за собой ухаживать.

— Лучше бы ты меня загрыз, — выпалил юноша.

И наконец-то скрылся с глаз.

— Хотела бы я знать, что там с тобой случилось, — Феликса, кажется, не собиралась никуда уходить. — Давай так. Мяв означает согласие, рык — возражение. Джораакинли говорила с тобой?

— Мау, — выдавил Данатос.

— Ты видел второго Проводника к Острову?

— Мр-рау, — снова подтвердил он.

— Тебя заколдовали шаманы?

Данатос зарычал.

— Ага, — прокомментировала Феликса. — Значит, мать-гора решила проучить?

— Мяу, — ответил оборотень, хотя и сам до конца не был уверен.

— Пойдем в Иллати, — решила чародейка. — Там с ведуньями решим, как тебе помочь...

Данатос снова зарычал, громко и возмущенно.

— Я не дам тебе никому навредить, — нахмурилась Феликса. — Ты что, собрался здесь провести всю жизнь?

Оборотень издал тихое “Р-р-ру”. Феликса вздохнула, будто тоже не была до конца уверена, что сможет снова его остановить, если перевертыш взбесится.

— Может, попробуешь превратиться в кого-то поменьше, раз в человека не получается? — предложила она.

Ни одна из мирных форм не пожелала подчиниться оборотню. Единственное, чего он добился, — слегка уменьшился в размерах.

— Тогда наоборот. Кто твой самый страшный зверь?

Данатос протестующе рыкнул. Феликса умоляюще смотрела на него. “Ни за что, — подумал оборотень. — Пума может наворотить дел, но рогатый саблезубый тигр изничтожит вообще всех!”

— Джораакинли не освободит тебя просто так, — напомнила чародейка. — Давай, смысл явно в этом.

Данатос встряхнулся и снова недовольно заворчал. Но все-таки решился призвать монстра. Магический рогатый кот откликнулся мгновенно, будто ждал все это время своего часа. Данатос испуганно замер, ожидая новой вспышки первобытной ярости, но она так и не

случилась. Наоборот, мысли стали проясняться. “Уже что-то, — подумал полиморф. — А то если так дальше пойдет, я вообще не смогу...”

— Я слышу твои мысли, — Феликса радостно всплеснула руками. — Практически без усилий!

“Кошмар, — решил Данатос. — А если я подумаю что-то не то?”

— Что, например? Что Джареки лучше смотрелся бы без головы? — не удержалась Феликса.

“Это удар ниже пояса! — возмутился оборотень. — Я вовсе не желал ему смерти! Я разозлился, но... Кого я обманываю! Если бы не ты, я бы точно его убил”.

— Я не одобряю такие воспитательные меры, даже от высших сил, — ответила Феликса. — Ты наверняка был под наваждением от матери-горы.

“Это неважно. Я не хочу быть таким”.

— Очевидно, смысл в том, чтобы ты смирился с собой, — напомнила Феликса. — Ты противишься, поэтому не можешь вернуться к человеческому облику.

“Я должен радоваться тому, что могу из-за эмоций убить кого-то, кто не сделал мне ничего плохого?!” — мысль сопровождало глухое рычание.

— Ты должен принять это как данность! — чародейка повысила голос. — И учиться контролировать эмоции!

Внятные мысли снова перемешались в водоворот злости, отчаяния, паники. Только вид Феликсы перед глазами помогал Данатосу оставаться в себе.

— Я тоже чудовище, забыл?! — продолжала наступать девушка. — И поопаснее, чем ты! Мне недостаточно контролировать эмоции! Скоро у меня вообще их не будет!

В ответ раздался громогласный рев. Данатос окончательно перестал понимать, что с ним творится — ему просто было очень, очень погано. Он должен ей помочь. Вместо этого он снова вынужден бороться с проснувшимся зверем.

— Прекрати сражаться сам с собой! — Феликса и без оформленных в слова мыслей видела, что творится в его голове. — Ну! Чего хочет твой зверь? Ты должен ему доверять! Дай ему то, что он требует!

Данатос растворился в круговерти запахов, образов, желаний.

Феликса же увидела, как глаза оборотня разгорелись темным золотом, и тот с диким воем умчался куда-то в заросли.

Он спешил на север, откуда к Серебристым Форелям постоянно приходило зло.

Глава 3. Кровь и серебро

Брисигида искусала себе ногти едва не до мяса. Прошла пара дней с тех пор, как Данатос снова сбежал, и наступило новолуние. Последний шанс спасти Ринну. Охотница и ее пес уже крепко спали. Жеребца Феликсы и храмовых питомцев увели подальше, чтобы не пугать животных астральной энергией.

Жрица приготовила всё для ритуала очищения, но не могла избавиться от ощущения, что забыла о чем-то важном. Они с Марондой изучили книгу огнепоклонников вдоль и поперек и нашли подтверждение большинству своих предположений о демоне. И даже о том, как с ним справиться. Шрамы Ринны и правда могли считаться чем-то вроде маяков для существа с одного из астральных планов, причем существа однозначно хаотичного и злонамеренного — но при этом весьма желанного для сектантов Инсендарэ Муэрте из-за своего могущества.

Очищение — или уничтожение — таких маяков должно было решить проблему. Маронда высказывала сомнения по поводу достаточности таких мер, но не настаивала, потому что не знала, чем можно дополнить ритуал очищения. Ничего более надежного в жреческой магии никогда не придумывали, а Брисигида подобными техниками владела в совершенстве.

И все равно жрица извелась, раз за разом проверяя детали ритуала и подстройку под огненную природу демона.

Брисигиду немного успокаивало то, что Хандиа и ее ведуньи тоже тщательно подготовились. Святилище Форелей уставили чашами с речной водой. Каждую освятили серебром и молитвой местным духам.

Брисигида тоже молилась Великой Матери, но привычного воодушевления не чувствовала. Сложные кристаллические структуры, в которые вплетались потоки святой силы, по идее, должны очистить батальон подвластных демонической скверне. Однако ясность мысли, что ощущал зачарователь при освящении, тоже не снизошла на жрицу. Она всё делала механически, методично, верно — но совершенно бесчувственно и бездумно.

— Нам бы немного света, — шепнула Брисигида Хандие и тут же поняла, что сморозила глупость. “Не зажигать же свечи при демоне огня? Да и магия его может спровоцировать...” — одернула она себя.

— Свет придет, — заверила ее старшая ведунья. — Смотри, уже летит.

Через крохотные зазоры меж ветвями, сплетавшими стены святилища, пробирались тонкокрылые искорки. Светлячки рассаживались на краях чаш, липли к любой поверхности. Вскоре их стало так много, что Брисигида без труда могла рассмотреть серебряные амулеты в глубоких чашах.

— Как вы их призвали? — изумилась жрица.

— Их присылает мать-гора для важных дел, — объяснила одна из младших ведуний. — Раз светоносные здесь, значит, Джораакинли услышала и благословила.

Брисигида сникла. Своих привычных знаков — певчих птиц вокруг и теплеющих пальцев — она так и не получила. “Мама, что же я делаю не так?” — в который раз за вечер взмолилась жрица. Ответа не последовало — да и едва ли его стоило ждать жрице в такой душевной смуте, какая одолевала Брисигиду.

— Пора, — скомандовала она сарданкам из племени Серебристой Форели. — Я начну

запев.

Богиня даровала жрице кроткий певческий голос, взлетающий резкими, пронзительными вибрациями на высоких нотах. К этим высотам и стремилась гармония очищающего ритуала — витиеватое сплетение звуков, жестов и усилий воли. Брисигида вела мелодию, не размыкая губ. Маленькие тонкопалые кисти рисовали глифы на поверхности воды в самой крупной чаше на алтаре.

Ритуальную молитву подхватили более низкие голоса, вторя каждому интервалу. Отражения светлячков расплескались по плетеным стенам.

Ринна застонала на лиственном ложе в центре святилища. Бугры шрамов расцветали киноварно-алыми пятнами и тут же гасли, мигали, как отражения звезд на волнах, сминались и неохотно расправлялись. Охотница вздрогнула: лицо разгладилось, а от шрамов остался тревожный темно-розовый румянец.

Когда голос Брисигиды взвился в кульминации, Ринна закричала.

Гладкая кожа запылала белоснежными раскатами, как забытый в горне клинок. Охотница затряслась в пароксизме судорог, выгнулась противоестественной аркой и застыла так, раскинув руки со скрюченными пальцами: одна половина в глубоких тенях, почти черная; другая, где были шрамы, — раскаленная добела. Под изогнутой спиной дрожал искривленный скверной воздух.

“Что происходит?” — пронеслось в голове у Брисигиды. Она боялась продолжать мантру, но прервать ее было еще страшнее. Под спиной Ринны стучалось напряжение, наливаясь потусторонними силами, как река — подземными водами. Краем глаза жрица заметила, как сереют лица ведуний и блестит пот на висках Хандии. Она и сама вся взмокла.

Священная мантра перешла в последний аккорд. Брисигида вдохнула, метнулась к Ринне...

Раскат!

... жрицу отбросило прямо на каменный алтарь. Светлячки брызнули наружу, погрузив святилище в густой противоестественный мрак. Брисигида кое-как встала на четвереньки. Всё тело до сих пор дрожало от разряда электричества, которым ее шарахнуло поле вокруг одержимой. Теперь его стало видно — подсвеченный лиловым и алым полупрозрачный купол.

Под самой Ринной малиновые молнии собирались в клубки и коконы. Энергия демона растекалась внутри купола, наполняя пространство необходимой для перехода средой. “Сломав печати, я лишь открыла ему дорогу, — сообразила жрица. — Это была ловушка! А я купилась, как несмышленная послушница...”

Сокрушения пришлось отложить на потом: с каждой секундой демон вливал в свой портал всё больше магической силы, а Ринна слабела. “Если не сбить ему заклятия сейчас, он наложит на нее новые узы и тогда уже точно превратит в своего носителя”, — напомнила себе Брисигида. Зажав в левой руке сердоликовую пластину, свой самый мощный амулет, жрица завела новую мантру. Она не имела ни малейшего понятия, сможет ли ее кто-то подхватить.

Из-под купола раздался громopodobный рев. Алые искры вспыхивали и гасли одна за другой, подчиняясь мелодии священной мантры. Сгустки молний рванули из-под Ринны, формируя гротескную фигуру: перевернутую пирамиду с округлым навершием, из которого разливались лиловые пламенные щупальца. В глубине пирамидального тела клубилась всепоглощающая тьма, и она же уставилась на Брисигиду из вытянутых треугольных глазниц.

— Мать Триединая, не покинь меня, — шепнула она, переводя дыхание перед новой мантрой. Пол святилища начал тлеть на границе купола, дым ободрал горло.

Эта мелодия складывалась сложнее, и звуки уходили всё выше и выше. Брисигида слышала, что в паре метров от нее кто-то подхватил было мелодию и закашлялся. Жрица перехватила крепче амулет и встала в полный рост, а потом шагнула к куполу. Пронзительный девичий голос заставил демона взреветь новым штормовым раскатом. Брисигида старалась не смотреть напрямую на духа огня, но краем глаза видела, как трескается купол, как молнии утекают, истаивают. Сама она вся покрывалась потом раз за разом: он мгновенно сох на ней от жара, наполнившего плетеное здание.

— Очередная шавка Великой Матери, — прошипело существо из-за барьера. — Вернее, Великой шлюхи.

Брисигида хорошо понимала, почему дух заговорил с ней. Каждый звук давался ей со страшной болью в надрывающихся связках, и только страх за Ринну держал ее голос на нужной высоте. Сбейся она на мгновение — и демон получит время закончить заклятие прежде, чем его потусторонняя сила полностью перетечет в материальный мир. Без носителя же он долго не протянет.

— Наглая святоша, гнусная лицемерка! — гулко расхохотался дух. — Я вижу на тебе следы Древней. Так вы развлекаетесь в своем лупанарии?

Брисигида уже выводила кульминационные ноты священной песни. Купол лопнул, и фиолетовое пламя в красноватых искрах расплылось к стенам, вгрызлось в сухие веточки. Теперь демону не получить носителя. Еще немного — и он ослабнет настолько, что станет возможно изгнать тварь обратно на астральный план.

— Вой, блудница, — демон метнулся к жрице, тщетно хлестая щупальцами в лиловых сполохах, — если бы тебя слышали, я бы уже угас. Но ты здесь совсем одна. Я сожгу тебя, а потом и всех, кого ты любишь. Или могла бы любить.

Брисигида вздрогнула и забылась на полмгновения — но дух заметил и вперился в нее провалами глаз. В беспросветной тьме жрице почудились сине-фиолетовые огни, заливающие до боли знакомое лицо.

— Нет! — взвизгнула она.

Дрожащая струна мантры натянулась и лопнула. Брисигида подхватила было брошенный звук, но было слишком поздно. Лиловые щупальца вспыхнули с новой силой и обвили вокруг нее, выдавливая последние крохи воздуха.

Дверь святилища треснула, когда в нее ворвался ледяной поток. Мириады водяных игл впились в треугольное скопление молний. Демон зашипел, но добычу не отпустил. Вода, подчиняясь чьей-то отчаянной воле, атаковала его вновь, охватывала молнии и пламя спиралевидными движениями, гася разряды перегретого воздуха.

Тело духа запульсировало, и он преобразился, разгоревшись белизной самого губительного пламени. Водяное крошево испарялось, не долетая до него. В клубках образовавшегося пара Брисигида разглядела мокрые плети черных волос.

— Выйди наружу, ублюдок! — прохрипела Феликса. — Давай, посмотрим, чего ты стоишь, когда не отжираешь чужую силу!

Ее руки, сложенные в жесте боевого мага, почернели почти до локтей.

Демон двинулся к ней — раскаленный, слепящий белизной смерч. Чародейка метала в него ледяные копья, а потом обрушила целую стену воды. На мгновение вихрь вновь окрасился лиловым, но тут же возжегся.

Феликса сменила тактику: отбежала подальше подняла вокруг духа четыре земляных стены, надеясь перекрыть приток воздуха и ослабить его так. Это задержало тварь на несколько секунд — земля оплыла вокруг него мягким воском.

Каменный склеп, воздвигнутый чародейкой, просуществовал немногим дольше. Единственное, что ее утешало — демон послушно шел за ней, испаряя воду, плавя камень, но все же приближаясь к месту, где она рассчитывала нанести ему самый мощный удар. К реке.

— Глупая смертная, — пророкотал сгусток белого пламени. — Ты подохнешь в попытках мне навредить. Вы не приспособлены к такой силе. Она убьет тебя даже быстрее меня.

— Я уже мертва, — ощерилась Феликса. Она уже чувствовала близость воды. Еще пара сотен метров...

— Довольно! — громыхнул демон. — Мне не впервой жечь мертвецов.

Раскаленные спицы брызнули из его тела, буравя тело земли стеклянными шрамами. Феликса кое-как отбила летящие в нее плевки огня. После такого даже ее вряд ли удастся восстановить.

Теперь ей пришлось отбиваться вместо того, чтобы атаковать и заманивать, а значит, они двигались в направлении, которое задавал демон, ни на шаг не приближаясь к реке. Огненные атаки отбрасывали ее обратно к святилищу. “Хочет заново закрепиться в теле Ринны”, — догадалась Феликса.

После следующего смертоносного плевка чародейка решила: повернулась и рванула бегом. Оказавшись в святилище, она прислонила бесчувственных Ринну и Брисигиду к алтарю, выхватила сердоликовую пластину — близнеца амулета жрицы — и затараторила формулу. Рыжеватый переливающийся щит укрыл всех троих. У Феликсы во рту разлился привкус тлена: слишком много сил отдала борьбе.

— Очнись, красотка, — она похлопала подругу по щекам. — Продержимся до прихода Лаэрта — задушим это адское пламя. Давай, соберись!

Брисигида невнятно захрипела, заклекотала: всё горло покрылось ожогами. Снаружи они вспухли пузырями. Нутро жрицы, судя по звукам, пострадало не меньше, но не столько от жара, сколько от дыма.

— Проклятье! — прорычала Феликса.

Ведуньи Форелей лежали на полу ничком. Снаружи доносились низкие мужские голоса. Похоже, жители Илллати пытались тушить случайные пожары. Где-то раздалось карканье Маронды. “Если придет и она, и Лаэрт, — подумала чародейка, — у меня будет шанс. Если бы еще гортань Брис подлечить...”

В дверном проеме святилища разгорелось белоснежное пламя. К счастью, демон так взбесился, что не замечал никого, кроме Ринны и своих противниц, и не тронул Серебристых Форелей.

— Покойница, — позвал ее потрескивающий гул огненного смерча. — Не зря таких, как ты, отдают мне.

— Не приписывай себе чужих заслуг! — огрызнулась Феликса. — Ты не очищающее пламя. Ты жадный, никчемный дух, а твой жар — нечестивое желание разрушать всё, что лучше тебя!

— Первым я сожгу твой поганый язык! — взревел смерч. — Эта жалкая скорлупка лопнет, как рыбий пузырь на костре, и вы все окажетесь в моей власти!

Белые плети хлестали по защитному барьеру. Сердоликовая пластина раскалилась на

грудь у Феликсы. Она сжала зубы, готовясь к последнему самоубийственному прыжку — не спасти, так хоть заслонить, оттянуть расправу...

— Много взял на себя, вша.

Голос Анаштары всплыл в святилище вместе с облаками тьмы. Похолодало — Феликса заметила это по покрытым мурашками рукам Ринны. Демон повернулся к Древней. Егс пылающая белизна приугасла.

— Сучка на поводке у смертной! — рявкнул огненный смерч. — Не позорься. Человечьи прихвостни ни на что не годны. Или ты пришла дожрать то, что я оставляю?

— Дожрать! — восхитилась Анаштара. — И как я сама не додумалась!

Демон рассмеялся утробным грохотом. Суккуб подплыла к нему, широко раскинув руки — неестественно удлинившиеся, с непомерными черными когтями на чрезмерно вытянутых пальцах.

— Жрать, — повторила Древняя. В отблесках белопламенного смерча в кромешной тьме Феликса различила ее безумную клыкастую улыбку. — Знал бы ты, безмозглый скот, как я хочу жрать!

Черные когти впились в конус раскаленного тела, рванули на себя. Бело-лиловые молнии побежали по черной коже, но стекли с нее бессильными жалкими каплями. Тьма чернильными стрелами пронзала огненных демонов, пока он не сдулся до человеческого роста. Анаштара нависла над ним прекрасным жаждущим видением. Черные губы расплылись в чудовищном широком оскале. Челюсть вытянулась вниз, обнажив беспросветную бездну, ведущую в утробу Древней.

Демоница втянула в себя белое пламя, лепесток за лепестком, чуть прикусила плети щупалец. Ее гротескная фигура едва виднелась в свете одного лишь сердоликового барьера.

Феликса вздрогнула. Она и не подумала снимать барьер, хоть и знала, что Древнюю он остановить не способен. Анаштара вперила в нее алыми углями глаз, в которых уже мелькали бело-лиловые отблески поглощенного пламени. Ее челюсть и руки никак не желали возвращаться в нормальное состояние.

— Анаш... тара, — Брисигида открыла глаза, схватилась за руку Феликсы, кое-как встала на ноги. — Не забывай, кто ты. Да пребудет с тобой милосердие Матери...

Демоница мотнула головой, фыркнула, закрыла глаза. Стустки тьмы растворились. Нижняя челюсть постепенно втянулась, руки, когти и рога — тоже. Когда Анаштара подняла веки, белые отблески из них исчезли.

— Славный перекус, — как ни в чем не бывало промурлыкала она.

— Смотри, как бы изжоги не случилось, — буркнула Феликса.

Ринна пролежала без сознания еще почти сутки. Ведуньи не отходили от нее ни на шаг. Охотница беспокойно спала, металась на растительном ложе и хрипло кричала в предзакатный час. Жар не спадал, пока не всплыл на небо тонкий серп обновленной луны. Только тогда ее кожа окончательно разгладилась, а дыхание выровнялось.

Харм сорвался к ней сразу, как с него сняли магический сон, и сидел возле нее все время, пока она не очнулась.

Брисигида приходила в себя значительно дольше. Физические повреждения от дыма беспокоили ее намного меньше, чем все остальное. Маронда множество раз напоминала жрице, что это их общая ошибка — да и едва ли кто-то во всем мире мог отличить демонические маяки от сдерживающих печатей. Запрет на магию такого рода имел

известный побочный эффект: недостаток информации.

Брисигида, конечно же, все равно беспрестанно корила себя за неудачу. К счастью, обожженное горло не позволяло ей делать это слишком громко и бурно. Жрица взялась было извиняться перед Хандией, но та не дала ей и слова сказать:

— Это мы виноваты, что не сумели помочь тебе. Мы не ждали такой мощи.

— Вы приняли на себя первый удар, — возразила Брисигида. — Это я оплошала. Почти совладала, а потом...

— Это будет наш общий урок, — оборвала ее ведунья. — Мы пережили его, и теперь станем сильнее. Для дочерей Джораакинли это дорогого стоит.

Иллати почти не пострадал. Большинство ведуний отделались легкими ожогами и першением в горле, за исключением Хандии, которая пыталась влиться в мантру Брисигиды после того, как демон ударил по ним. Брисигида очень боялась, что огненный дух нанес непоправимый ущерб живым древесным строениям, но Феликса умудрилась вести его за собой так, что пламя не коснулось домов. Лишь по их следам пролегла выжженная тропа.

Опаленные части святилища быстро восстановили. Форели собрали пепел от растений и использовали его как удобрение. Природная магия вырастила новые стены, еще более плотные и устойчивые. Несколько дней святилище наполняло сияние волшебных светлячков, посланников воли Джораакинли.

Феликса за это время только и делала, что ходила от Брисигиды к ведуньям и обратно. Магические усилия довели ее до чудовищного истощения. Правда, на этот раз чародейка перенесла его намного легче, не как побег из Бедерана или обличье Стальной гарпии. Хандиа уверяла, что это благословение духов леса и самой Джораакинли: ведунья сажала ее обнаженной в кокон из побегов, и лозы срастались вокруг Феликсы, мягко оплетали самые почерневшие части. На это время чародейка погружалась в подобие транса, чувствовала себя ветвью на огромной старой диниции.

Первое время ее еще беспокоила Древняя, то, как та едва вернулась в мирное состояние. Но с той секунды, когда Брисигида назвала ее имя у алтаря, демоница вела себя даже спокойнее обычного.

Анаштара вообще делала вид, что ничего не произошло.

— Его нет уже вторую неделю, — сетовала Брисигида. — Не понимаю, как ты могла отпустить Дани! Ты же л...

Брисигида прикусила губу под мрачным взглядом Феликсы. Та уже устала объяснять, почему так поступила, но злилась не из-за этого. Брисигида не выносила, когда кто-то пытался расспрашивать ее о том, что происходит между ней и Лаэртом, но при этом затронула чужие личные отношения.

— Хочешь снова искать брата — вперед, — холодно проговорила Феликса. — Но я бы на твоём месте разобралась для начала с теми, кто рядом.

Жрица проглотила ответный выпад. Она больше не шарахалась от Лаэрта после того, как он утащил ее от Данатоса на плече. Но теперь с ней не хотел разговаривать он. Феликса догадывалась, в чем дело, но лезть к кому-то из них двоих с советами не спешила. На днях у нее состоялся тяжелый, чертовски изматывающий разговор с Джареки. Юноша явно остался на нее зверски обижен, но по крайней мере больше не рвался ехать вместе с ней неизвестно куда.

Немного подбадривало то, что его отец, Джораман, был теперь бесконечно благодарен

чародейке. Ему совсем не нравилась внезапная блажь старшего сына. Джораман уважал Феликсу, но и правда не хотел бы видеть такую невесту рядом с сыном. “Джареки хороший воин, — сказал он ей. — И однажды сможет повести за собой других воинов. Но ты вела за собой людей уже тогда, четыре года назад. Ему не совладать со Стальной Гарпией. Мужчина, не умеющий быть сильнее своей женщины, на всю жизнь остается несчастным”.

Слова Джорамана заставили ее задуматься — Феликса никогда не рассуждала об отношениях мужчины и женщины с этой точки зрения. В конце концов она решила, что согласна с сарданом.

Данатос, например, определенно был сильнее нее. И порой намного тверже духом... до той поры, пока дело не касалось его звериной половины.

Чтобы немного отвлечься от беспокойства за Данатоса, она хотела пойти с воинами в дозор на север, где чаще всего происходили стычки с враждебными шаманами и злыми духами. Но за все это время разведчики Форелей не засекали ни одного врага.

— Такое затишье раньше бывало, Ушшака? — спросила Феликса вождя.

— Только когда вы с отцом приезжали, — припомнил сардан. — Расправа над химерой припугнула Окуби. А так — сколько себя помню, проклятые колдуны пытаются завладеть силой Джораакинли, осквернить ее, а мы им мешаем.

— Как бы не удумали чего, — Ранжисона моментально уловил ход мыслей Феликсы.

— Именно, — кивнула чародейка. — Они могут готовить новый черный ритуал. Новую химеру...

Вождь встревожился не на шутку. Феликса предложила ему свою помощь. Вслед за ней и Лаэрт решил, что хочет помочь. Ранжисона тоже не желал оставаться в стороне.

— Я был хорошим разведчиком в Арделорее, — убеждал Лаэрт Ушшаку. — А Ранжисона — даром, что такая махина! Ходит тише мыши. Ну, по крайней мере, если по траве идет... — он подмигнул гиганту, мол, шучу. — Гости — не гости, мы же за помощью прибыли. За помощь положено благодарить!

— Мы все равно не можем продолжить свое путешествие без Данатоса, — добавила Феликса. — Я уверена, что он в порядке и скоро вернется. Не сидеть же нам все это время сложа руки!

Ушшаке не нравилась эта идея. Он знал, как Окуби бывали подлы и изворотливы. И совсем не хотел, чтобы чужаки попали в их засаду.

— Я тебя своими домыслами растревожила, мне и успокаивать, — настаивала девушка.

— А то ведь и сами пойдем, — невинно добавил Лаэрт. — Давно я что-то по лесу не гулял...

— Да черт с вами! — сдался Ушшака Молот. — Скажу Отцу Воинов, чтобы отряд собирал.

На следующее утро они вышли через тайные северные ворота Иллати: Феликса, Лаэрт, Ранжисона и дюжина лучших разведчиков Серебристых Форелей. Отец Воинов предупредил их, что Окуби творят свои черные дела под землей: много их ходов Форели находили и засыпали землей, но колдуны быстро рыли новые.

Феликсе было очень интересно посмотреть на Лаэрта в роли разведчика. Фабио когда-то очень высоко отзывался о его навыках, то же говорил и Данатос. В Боархолле, где они впервые столкнулись с Лаэртом, чародейка быстро поняла, что он не тот, за кого себя выдает, но, возможно, скрывался он лучше, чем лицедействовал?

— Как вы ищите подземные убежища Окуби? — спросила Феликса одного из

разведчиков.

— Их не так сложно найти, — признался сардан. — Разве что ход совсем свежий. От их колдовства все живое... как сказать... меняется. Сильно.

— Мутирует? — Феликса с трудом вспомнила это слово на языке Форелей.

Разведчик пожал плечами.

— Над колдунами травы бесятся, — попытался объяснить другой воин. — Стебли кривые, листья в пузырях. Если под деревом гнильник колдовской — ствол буграми вздувается. И корни из земли рвутся.

— А магией их пробовали искать? — уточнила чародейка.

— Пробовали, — кивнул один из разведчиков. — Ведуньи говорят — тяжело. Укрывают себя чарами, маскируются. А землю не могут обмануть, вот растения и выдают чернокнижников, — сардан досадливо плюнул.

Лаэрт тем временем предупредил, что пойдет отдельно. Феликса не успела и глазом моргнуть, как фехтовальщик растворился среди зелени. “Обычно фиг заткнешь его, — поразилась Феликса, — всюду слышно. А как по важному делу пошли — глядь, и нет его, и ни травинки не шелохнется”.

— Ранжисона, видишь где-нибудь нашего друга? — спросила она шепотом канонира. Тот замотал головой, мол, нет. — Да уж. Мне так в жизни не спрятаться.

И все-таки она попыталась, следуя примеру Серебристых Форелей, двигаться как можно тише и незаметнее. Они зашли глубже в лес, намного дальше, чем обычно шла разведка, и разделились, договорившись иногда перекликаться птичьей трелью.

Вскоре чародейка заметила “взбесившуюся” траву: перекрученные кусты папоротника, почти вдвое больше обычного, чьи разлапистые листья вздулись уродливыми чирьями. Вот только вся мутировавшая растительность была забрызгана вонючей чернильной кровью, а земля во многих местах взрыта. Борозды от когтей оказались глубокими, будто рыл матерый медведь. Но следы на топкой лесной почве больше напоминали кошачьи.

Феликса быстро пошла по следам крови. Буквально через пару десятков шагов она увидела место обвала тоннеля Окуби. Здесь комья земли перемешались с клочьями трав и плющей. В яме на месте обрушенного участка подземного хода лежало несколько тел, изможденных, иссиня-бледных, черногубых. У каждого в груди зияли багровые провалы рваных ран: по два прокола на одинаковом расстоянии. “Как если бы их проткнули рогами, — сжала губы Феликса. — Вот какой службы ты ждала от него, а, матушка-гора?”

Чародейка услышала птичью трель где-то слева от себя и пошла на звук, чтобы рассказать разведчикам о своей находке.

Такие же трели стали раздаваться со всех сторон, истошные, почти истеричные. Феликса перешла на бег.

Через пару часов все сарданы, Ранжисона, Лаэрт и Феликса снова собрались вместе. Кто-то, как и она, видели обвалы убежищ черных колдунов. Другие — только трупы со следами когтей и рогов.

— Данатос перебил немало Окуби, — резюмировал Лаэрт. — Вот вам и объяснение.

— Зачем вашему другу понадобилось охотиться на наших врагов? — удивился один из сардан. — Разве вы не спешите?

— Видимо, так решила Джораакинли, — вздохнула Феликса. — Вождь Ушшака говорил, что Окуби жаждут ее силы. И мать-гора призвала себе защитника, чтобы ее детям не приходилось проливать кровь за нее.

— Мы и сами способны защищать свои земли, — разведчики нахмурились. — Думаешь, наши боги сомневаются в нас?

— Нет! — Феликса смутилась. — Не знаю, что и думать...

— Какая разница? — вмешался Ранжисона. — Надо выяснить больше! Есть у этих чертей нормальное поселение? Или они все, как черви поганые, по норам спят?

— Нормальное! — фыркнул один из Форелей. — Сады дьявола, вот они где живут!

— Что за сады? — не понял Лаэрт.

Феликса вздохнула. С обычным садом “сады дьявола” ничего общего не имели: всего лишь обширные участки джунглей, где росли только жгучие кислые деревья дуройи — и больше никакое другое растение. Ни травинки.

— Как на таких полянах вообще можно жить? — удивилась она. — Сыро, и деревья все в муравьях.

— Окуби только рады, — плюнул другой разведчик. — Небось свои мерзкие зелья из муравьев и варят.

— Надо найти этот дьяволов сад, значит, — решил Ранжисона. — И убедиться, что колдуны не собираются мстить.

Разведчики все разом повернулись к Феликсе.

— Что, без магии не обойтись? — догадалась волшебница. — Сможете отыскать дуройю? Найдем дуройю, смогу нацелить заклинание.

Несколько сардан тут же разбежались по зарослям искать зарождающийся “сад дьявола” — дуройя не росла без своих муравьев. Им повезло: один из разведчиков нашел неподалеку несколько нужных деревьев.

— Надо же, — удивился Лаэрт. — Везде папоротники, кусты, а тут будто вытоптали...

— Раньше думали, что это из-за злых духов, — прокомментировал Ранжисона. — В моих краях тропиков нет, но я слышал. Потом ведуньи заметили муравьев во время ритуала изгнания духа.

— Гадкие твари, — поморщился старший разведчик.

Феликса сорвала лист, раздавила между пальцами несколько муравьев, сидевших внутри. Все то же простое заклинание: чашка с водой, игла, формула. Подобное указывает на подобное.

Игла в маленькой деревянной чаше едва заметно дрогнула и застыла.

— Есть направление, — Феликса указала рукой на северо-запад. — Идем.

Еще через пару часов они вышли к обширной поляне. Зрелище заставило всех потрясенно умолкнуть.

“Сад дьявола” разросся так, что его границу невозможно было охватить взглядом. Жилища Окуби походили на гигантские грибы: тонкая ножка входа и огромный жилой кокон. Уродливые грязно-серые коконы сплетались из чего-то невыносимо мерзкого, влажно отблескивающего, похожего на гниющую плоть. Дуройи вблизи таких коконов выглядели чумными больными. Вздутые потемневшие листья, перекрученные агонией стволы и стебли.

— Мать Триединая, — шумно выдохнул Лаэрт. — В жизни ничего более отвратного не видел! А я каких только гадостей не рассмотрел...

— Бесы, — плюнул Ранжисона. — Как их земля терпит!

— Вы знаете, из чего эти коконы, их дома? — спросила Феликса разведчиков.

— Это мясо.

Голос определенно не принадлежал ни одному из сардан. Феликса обернулась и рефлекторно вскинула руки в жесте генерации щита. Но говорящий не нападал. Он был уже не способен на атаку.

— Это что, Окуби? — поморщился Лаэрт. — Что с ним?

— Он сражался и проиграл, — звенящим голосом ответил старший разведчик. — Надеюсь, его враг пребывает в добром здравии.

— Мало было вас, проклятых рыбаков, — прохрипел искалеченный колдун. По бледному подбородку текла темно-коричневая кровь. Феликса не заметила на нем явных ран. — Эти белые выродки привезли с собой чудище!

Феликса вздрогнула. Зачем он заговорил с ними? Не ждал же сочувствия от врагов?

— Все назад, — скомандовала она, снова складывая руки в защитном жесте. — Спрячьтесь за мной!

Окуби в ответ на ее слова вскрикнул и бросился к ним, раскинув руки. Девушка отшатнулась, но щит успел сплестись перед ее руками. Колдуна размазало по нему черно-коричневой кляксой. Из взорвавшейся плоти тут же начали расти тонкие жгуты перекрученной плоти. Каждый полз по щиту, нашаривал границу.

— Проклятье! — выругалась она. — Уходите, валите подальше от этой гадости!..

— И зажигайте хворост, — добавил старший из Форелей. — Помните, Окуби боятся огня! Отходим!

— А как же Гарпия? — спросил кто-то из сардан.

— Мне хуже уже не будет, — мрачно откликнулась Феликса. — Ну же! Щит слишком мал!

Сарданы разбежались по сторонам, доставая из поясных кошельков огнива и подыскивая ветки, которые могли бы быстро загореться. Феликса боковым зрением видела, как вспыхивают маленькие огоньки. Перед ней же ничего не было видно из-за растущего комка некроплоти. Несколько плетей уже нашарили край магического щита и тянулись к ней.

Чародейка вскрикнула от отвращения, когда одно из щупалец оплело ее шею. Другое обхватило ногу так туго, что она почувствовала даже сквозь голенище сапога. “Попробовать снять щит и сложить руну огня? — лихорадочно соображала она. — Вряд ли успею...”

— Куда ты! — услышала она крик Ранжисоны.

Справа мелькнула яркая желто-оранжевая вспышка. Щупальце на ее ноге тут же разжалось. Следом исчезла хватка с шеи.

— Держи щит, не снимай!

Лаэрт! “Зажег факел раньше всех?” — удивилась Феликса. В следующее мгновение ее щит с растекшейся по нему некроплотью содрогнулся от потока ударов. С каждым ударом перед глазами чародейки появлялись горящие полосы.

— Стой, стой! — крикнула она. — Щит не выдержит!

Удары прекратились. Феликса закусила губу, опустила руки и прыгнула как можно дальше от комка горячей плоти. Она обернулась и увидела, как Лаэрт продолжает полосовать останки Окуби. Девушка судорожно нашарила в кармашке маленький деревянный прямоугольник с вырезанной руной огня, сжала его в кулаке. Достала еще один, пустой, наспех вырезала специальной иглой еще одну руну. Только после этого подбежала к Лаэрту и выпустила поток огня сразу с двух рун. Костяшки пальцев тут же покрылись болезненными волдырями. “Перестаралась”, — поняла чародейка.

Наконец плоть колдуна вспыхнула, как пропитанная маслом пакля. Подоспевшие

сарданы подбрасывали валежник, чтобы мерзость прогорела наверняка.

— Черт! Вот с этим дерьмом вы постоянно сражаетесь? — ругнулся Лаэрт. — Знал бы, прихватил пару факелов...

— На подобное даже Окуби редко идут, — признался старший разведчик. — Такое к жизни не возвращается, даже их черными чарами.

— Он решил на это, потому что уже умирал, — добавил другой сардан. — И некому его поднять из мертвых...

Только теперь Феликса как следует присмотрелась к омерзительным домам-коконам. Ошметки в коричневой слизи и правда были гниющей плотью, сплавленной в основании плотнее, чтобы образовать “ножку” для кокона. На некоторых она разглядела глубокие параллельные борозды.

— Дани и здесь побывал, — озвучил его мысли Лаэрт. — Но этого не добил...

Феликса достала из карманов все деревянные таблички под руны и на каждой вырезала огонь.

— Твоя сабля зачарована? — спросила она Лаэрта. — Заряд еще есть?

— Запитана от кольца, — Лаэрт показал ей свой амулет. — Но оно заряжается от солнца. В нем почти не осталось магии.

— Соберем еще топлива на факелы, — предложил Ранжисона. — И спалим здесь все от греха подальше!

— Собирайте, — вздохнула Феликса. — Я пока обыщу местность. Вдруг Дани еще где-то здесь...

Ей пришлось пройти почти половину “сада” с коконами, прежде чем ее взгляд зацепился за что-то. Это был огромный каменный алтарь. По самому камню и огромной лужей вокруг него растеклась вонючая гнилая субстанция. В некоторых местах гниль вздувалась крупными, с взрослого мужчину, буграми. Часть из них рассасывалась у нее прямо на глазах.

На алтаре некроплоть тоже не лежала ровным слоем. Почти ровно посередине камня плоть выглядела гуще и темнее. Она образовала невероятных размеров бугор и пульсировала, словно стягивалась все туже и больше.

Будь Феликса живой, ее бы прошиб холодный пот. В кои-то веки смерть оказала ей услугу. Чародейка стиснула зубы и принялась прожигать себе путь к алтарю. Некроплоть против обыкновения горела неохотно, тяжело, оставляя после себя зловонную черную сажу.

Наконец ей удалось добраться до алтаря. “Этот кокон по размеру почти как Данатос, — подумала она. — Надо бы поосторожнее”. На алтаре плоть горела еще хуже. Жечь некротический чирий она и вовсе не решилась. “Попробую сначала разрезать”, — закусил губу чародейка.

Феликса раскалила руной свой кинжал и вонзила его в кокон. Плоть с шипением поддалась. Сантиметр за сантиметром волшебница расширила надрез. Как она и опасалась, некроплоть начала прирастать к тому, кто был внутри. Подогревая кинжал, она продолжила резать пахучую гниль. “Брисигида бы справилась с этим в разы быстрее, — невольно досадовала она. — Ох, Триединая! Если ты слышишь меня, грешную мертвячку, умоляю, помоги!”

Словно в ответ на ее отчаянную молитву, туша внутри кокона пошевелилась. Послышалось глухое рычание. Феликса, плюнув на осторожность, принялась полосовать мертвечину, исступленно, яростно. Кажется, она и сама рычала, как зверь.

Наконец пузырь поддался. Она увидела огромную рогатую голову, выпачканную в оскверненной крови. Шерсть во многих местах была содрана, открывая гнойники, куда присасывалась через мертвечину черная магия. У Феликсы потемнело в глазах. Кинжал в руках вспыхнул, едва не опалив Данатоса, но некроплоть пожрала пламя.

Она не заметила, сколько времени прошло, только услышала запах горящих трупов. Ранжисона, Лаэрт и Форели продолжали методично жечь дома Окуби. В лесу давнo стемнело, однако горящие мясные коконы освещали алтарь: сарданы успели спалить почти половину деревни.

— Дани, ты слышишь меня? — Феликса поразились тому, как жалобно прозвучал ее голос. — Ну же, вставай... вставай, пожалуйста...

“Запах яблок, — слабо раздалось у нее в голове. — Даже гниль не может его перебить...”

Феликса всхлипнула и вложила все остатки сил в последнюю волну огня, в попытку наконец освободить оборотня полностью. Голова закружилась. Девушка почувствовала, как что-то горячее и липкое стекает по верхней губе и на подбородок. “Брисигида меня прибьет...” — успела подумать она и отключилась.

Пешком до Каракача Аянир идти не собирался. В ближайшем селении цесаревич уже оплатил двух приличных коней и одного не очень приличного — под поклажу. К удивлению Джамира, ночевать в том же селении они не остались. Выехали после обеда и не останавливались, пока не стемнело.

Всю дорогу Аянир смотрел в маленькое зеркальце. По его лицу сложно было что-либо понять, но Джамиру казалось, что его спутник увиденным крайне недоволен.

Когда они остановились на привал, местность вокруг уже мало напоминала суровую тундру. Джамир страшно обрадовался оказаться в лесу, а не на открытом пространстве, где невозможно спрятаться. Для ночлега они выбрали пригорок повыше, а лошадей оставили чуть подалее, на склоне, ближе к распадку.

Возле лошадей и у привала Аянир разложил множество маленьких зеркал вроде того, что держал в руках, пока был верхом. Он старался ставить их на землю так, чтобы трава не загоразивала отражение. Джамир заглянул ему через плечо: цесаревич смотрел в свое зеркальце, но его отражения там не было. Касанием пальцев он менял картинку — вид с одного зеркала, другого, третьего...

— Думаешь, нас все еще преследуют? — удивился антимаг. — Ты ведь сказал, что Аннаира думает, будто я мертв.

— Они нашли хижину, — сжал зубы цесаревич. — Не уверен, есть ли за нами погоня. Но осторожность лишней не будет. Ты спишь первым.

Костер разжигать не стали. Ночь не слишком радовала светом, но Аянир призывал при необходимости слабый рассеянный луч с помощью зеркальца. После недолгого раздумья он даже показал Джамиру, как им пользоваться.

— Сейчас оно показывает все, что происходит возле лошадей, — пояснил он. — Коснешься указательным пальцем — увидишь нас с севера, — цесаревич указал на зеркальце, спрятанное у подножья дерева. — Средним — с востока. На левой руке: указательным — с юга, средним с запада. Запомнил?

— Угу, — Джамир кивнул. — А если придется убежать? Если тех, кто за нами придет, будет слишком много?

— Бежим к лошадям, — ответил цесаревич. — Разделяемся. Один из нас обязательно должен добраться к элементалям и встретить Феликсу, ты понял меня?

— То есть твои драгоценные зеркала мы бросим? — прищурился антимаг. Он едва не надорвал спину, пока тащил их на себе через тундру.

— Не хотелось бы, — Аянир укоризненно покосился на него. — Но если понадобится — бросим.

Джамир вздохнул, укрылся плащом и лег спать.

Аянир разбудил его затемно, вручил свое зеркало и свернулся калачиком. Ассасин посмотрел на бритоголового цесаревича, скрючившегося под потрепанным плащом, и ему стало невыносимо жаль своего спасителя. “Ну и сестрица ему досталась, — подумал Джамир. — Родись такая девка в горах — ей бы много воли не дали!” Последнее время он все чаще вспоминал место, где родился. Раньше он должен был ненавидеть тех, с кем рос, ведь они маги, еретики, чудовища... Теперь он начинал думать, что предрассудки, навязанные Цитаделью, уж больно вымученные. “А то, что маги противны природе, и вовсе наглая ложь, — фыркнул он про себя. — Мы ведь все видели, что это наши действия разрушили все вокруг. Взять хотя бы Колодец...”

Когда отряд антимагов пытался поймать Феликсу Ферран в Бедеране, они призвали один из самых сложных и опасных антимагических приемов — Колодец Тавроса. Аянир сказал, что император Леветир запретил им пользоваться, когда пришел к власти после своего отца, Тавроса Второго. Джамир теперь поддерживал такое решение. Корабль все равно ушел у них из-под носа из-за девочки-элементаля, но последствия Колодца мог заметить любой. У многих горожан в Бедеране сгорели дома из-за сильно вспыхнувших очагов и свечей. Кошки обезумели и бросались на хозяев. А когда настало время прилива, вода ушла, вместо того чтобы подняться. “Ну и кто здесь противен природе? — рассуждал Джамир. — Все мы идиоты с запудренными мозгами. Не хуже сектантов...”

В зеркале в его руке мелькнула тень. Джамир переключился по очереди на другие зеркала, но никого не увидел. Но это не значило, что здесь никого не было. Антимаг снова стал смотреть в зеркала, переключаясь между ними в разном порядке — может, незваному гостю нужно больше времени, чтобы пройти по склону? Сам антимаг торопиться не стал бы.

“Может, все-таки заяц какой мелькнул? — решил он через полчаса наблюдения. — Или птица...” В темноте разобрать что-то было очень сложно, особенно через поверхность маленького зеркала. К тому же, зеркало запотело, и Джамир все никак не мог стереть росу. “Стоп! — он стукнул себя по голове. — Какая роса? Неужто этот волшебный состав не защищает зеркало от таких простых вещей?”

Антимаг отложил зеркальце, коснулся спящего цесаревича. Тот вздрогнул, открыл глаза широко и резко. Джамир молча протянул ему зеркало. Аянир подсветил его другим зеркальцем, приложил палец к губам.

Вместо затупленной глефы у Джамира теперь был небольшой кортик, который ему одолжил цесаревич. Он перехватил его и двинулся к восточному зеркалу, а сам Аянир — к северному.

— Ай! Чтоб тебе пусто было, лысая башка! — донесся до Джамира обиженный мальчишеский голос. — Чуть руку мне не сломал!

— Леветир? — глухо спросил цесаревич. — Да не кричи ты. Ты один?

Его собеседник ответил слишком тихо, так что Джамир обошел все вокруг их стоянки, проверил, что с лошадьми, и только потом вернулся на вершину холма.

— Очень опрометчиво с твоей стороны, — антимаг снова услышал тихий голос своего напарника. — Я, конечно, всегда считал себя мирным ученым. Но и боевых навыков у меня хватает.

— Я заметил, — буркнул в ответ парнишка.

Джамир подошел ближе и увидел, что их ночной гость был действительно юн, но все-таки постарше, чем он предположил сперва.

— А Джамир и вовсе тебя мог убить, — продолжал поучать его Аянир. — Как ты вообще здесь оказался?

— Ты неделю не выходил на связь, — возмутился парнишка. — Мы чуть с ума не сошли, повесили портал как можно ближе. А там как обычно, по воде тебя искал. Что за Джамир?

Аянир, в отличие от юноши, слышал шаги напарника и показал на него.

— Это — Джамир. Он беглый антимаг.

— Вроде тот самый, — парень встал с земли, приблизился к ассасину, повел рукой — она казалась закованной в светящуюся ледяную перчатку. — Похож. Ты из-за него застрял?

— Я не застрял, — покачал головой цесаревич. — Я пытался замести следы. Блокировал связь, чтобы Аннаире было сложнее меня найти.

— Если бы она узнала, что ты так близко к Цитадели, эта сука послала бы за тобой целую армию, — фыркнул юноша. Аянир поморщился, услышав ругательство. — Я Леветир, — он протянул руку Джамиру. — Провидец элементарей воды.

Антимаг рассеянно пожал руку долговязому парню. Ледяной перчатки на ней уже не было — она перетекла на другую ладонь.

— Портал еще активен? — поинтересовался цесаревич.

— Конечно, — кивнул Леветир. — Если не хочешь трястись на лошадиной жопе еще месяц, собирайся.

Аянир вздохнул.

— То, как ты изъясняешься, заставляет меня порой усомниться, что ты надежный союзник, — произнес он.

— Ой! — всплеснул руками элементаль. — Твоя сестрица уж точно гутарит культурно, но образцом добродетели ее не назовешь!

— Все элементали воды так ненавидят Аннаиру? — хмыкнул Джамир. — Или у тебя есть особая причина?

Юноша фыркнул.

— Ты, возможно, не заметил, — ехидно протянул он, — но меня назвали в честь императора Леветира Сперо Первого. Мои родители его, знаешь ли, очень уважали. А она их убила! И императора убила, и вообще прикончила кучу народу, да еще и чужими руками! Да, у меня есть некоторые особые причины!

Джамир поднял руки в защитном жесте.

— Спору нет, — проговорил он. — Причина веская. А про меня что скажешь? Я ведь подчинялся ей.

— Дурачком-то не притворяйся, — поджал губы элементаль. — Я считай в голове у тебя побывал. Не, мозги вам в Цитадели дымат знатно! Ну, скажи мне, неужели ты ни разу не задумался, правду ли тебе говорят?

— В Цитадели опасно иметь собственные мысли, — ответил за антимага Аянир.

Они спустились с холма, отвязали лошадей, и Леветир повел их туда, откуда сам пришел.

— Так зачем понадобился я, если Аянир и так знает все, что происходит у антимагов? — Джамир решил расспросить парнишку: тот казался куда более словоохотливым, чем цесаревич.

— Последний раз он был там полгода назад, — покачал головой элементаль. — За это время Аннаира многое изменила. Восстановила технологию Колодца, например. Кто знает, что еще она нашла в дневниках у деда?

— То есть я — информатор? — поднял брови антимаг. — Я не самый осведомленный ее подчиненный.

— Зато самый устойчивый к пропаганде, — возразил Леветир. — И с высоким сопротивлением этому чертовому зелью для “тренировок”. Предыдущий, кого мы хотели вытащить, от него помер.

Несколько часов они шли молча, ведя лошадей под уздцы, пока впереди не забрезжило небольшое лесное озеро.

— Я проведу лошадей, — решил Леветир. — А то у вас они испугаются.

“И куда он собрался их вести? — удивился Джамир. — Где обещанный портал-то?”

Леветир тем временем забрал поводья обеих верховых лошадей и пошел прямо к озеру. Шаг, другой, третий — и парень стоял уже по колено в воде, а потом и по пояс. Лошади на удивление смирно шагали за ним.

— Ты что!.. — антимаг рванул было к нему... и увидел крохотный, светящийся льдистой белизной шар на глубине.

Джамир почувствовал себя круглым идиотом. “Элементаль воды, — запоздало вспомнил он. — Ну да, ну да. Вряд ли его портал — пылающая огненная арка!” Леветир шагнул к ледяному шару и пропал в фонтане брызг вместе с лошадьми.

— Давай, теперь ты, — Аянир подтолкнул его к озеру.

Джамир шагнул к воде. Намокать не хотелось, но и провести в пути несколько недель — тоже. Он погрузил в воду одну ступню... И замер. Что-то заставило его обернуться.

— На землю! — заорал антимаг.

Рефлексы цесаревича работали исправно. Брошенная сулица лишь чиркнула его по левому плечу.

Испуганная кляча с поклажей рванула к озеру, едва не сбив Джамира. Тот хлопнул ее по крупу, чтобы она сделала еще пару шагов, и кобыла исчезла в таком же гейзере.

Джамир скрылся в зарослях рогоза, надеясь, что Аянира сочтут менее опасным противником и займутся сначала им.

— Ты же знаешь, мы всегда находим предателей.

Горец-антимаг узнал этот голос. Его палач из Цитадели, тот, кто встречает провинившихся после пробуждения от тренировки.

Отвечать Джамир даже не думал. Еще не хватало так глупо себя выдать! Он шел между пучками рогоза по наветренной стороне. Гибкие стебли раскачивались на ветру, скрывая след его движений. Что-то в кармане мешало ему, и горец вспомнил, что положил туда одно из зеркал Аянира. Другие висели на груди цесаревича в особых чехлах.

Джамир достал зеркальце, протер его, посмотрел. Половина была закрыта чехлом, но вторая показывала двоих ассасинов в черно-белых плащах. Один — тот палач — двигался в сторону Джамира. Другой прижимал раненого Аянира древком глефы к стволу дерева.

Джамир срезал кортиком вытянутое коричневое соцветие и часть жесткого стебля размером с локоть, примерился — и метнул копьцо из рогоза в сторону от себя. Палач-

антимаг тут же ускорил шаг. Как и сам Джамир, он продвигался очень аккуратно, чтобы не тревожить приметные стебли. Но горец, в отличие от него, знал, куда идет противник.

Джамир скользнул к палачу, ударил наотмашь кортиком. Тот услышал его, отпрыгнул, но попал под возвратное движение клинка. Правое плечо прорезала багровая полоса. Палач перехватил древко глефы левой рукой, ткнул коротко сверху. Джамир ушел кувырком, сократил дистанцию. Он ударил кортиком снизу вверх. Попал: угодил ему в бедро, подрезал сухожилие. Тут же получил по голове утяжеленным древком глефы, но не упал. Атаковал снова, метя в пах. Прوماхнулся: предыдущий удар повалил палача на одно колено.

Голова гудела от удара древком. Джамир закрыл глаза, как на тренировке, и бил на звук. Он услышал, как с плеском упала глефа. Все. Джамир обошел противника со спины, приподнял ему голову и перерезал горло.

Горец вернул кортик в ножны, забрал глефу. Голова кружилась так сильно, что его подташнивало. Он пошел к Аяниру, спотыкаясь, опираясь иногда на древко.

Цесаревич был залит кровью — похоже, своей. Видимо, выбрался из захвата, но справиться с противником так и не сумел. Джамир крикнул, привлекая к себе внимание. Антимаг его проигнорировал. Он перехватил древко ближе к середине, отбил удар Аянира, ткнул его древком в живот.

Горец заорал, метнул глефу. Прوماхнулся. Но бросок заставил антимага отшатнуться, подарил цесаревичу еще несколько мгновений. Джамир выхватил кортик, закусил губу. Пошел вперед, шатаясь. Антимаг усмехнулся, отвернулся от Аянира и прыгнул к Джамиру.

Плети воды обхватили тело ассасина прямо в прыжке. Он упал, и разлившаяся вода заледенела, приморозив его к земле.

— Удачно, — прохрипел Джамир.

Он подошел к обездвиженному антимагу, опустил на колени и вонзил кортик ему в сердце.

— Мамочки... — совсем по-детски вскрикнул Лаэрт, увидев Данатоса в окружении комков некроплоти и Феликсу без сознания. — Ну, так не пойдет!

Фехтовальщик уверенно ткнул факелом в ближайший комок. Тот горел гораздо хуже коконов Окуби.

— Ранжисона! — заорал юноша. — Нужна помощь!

Вдвоем с сарданом они кое-как спалили все вокруг алтаря.

— Весь ром на эту дрянь извел, — прогудел канонир. — Что теперь Ранжисона будет пить, когда грустно?

— У меня есть банановый ликер, — усмехнулся Лаэрт. — Правда, не с собой.

— Дамское пойло, — расплылся в ехидной улыбке сардан. — Что здесь случилось?

— Кажется, Феликса перестаралась с колдовством, — поджал губы юноша. — Могла бы и меня позвать! Нет, надо было себя известить до полусмерти.

— Зато наш оборотень свободен, — Ранжисона продолжал жечь плоть прямо вокруг тела Данатоса. — Бока ходят, значит, дышит. Жив.

— Придется ночевать здесь, — поморщился Лаэрт. — Пока один из них не очнется. Дани мы не унесем без магии.

Ранжисона вдруг застыл.

— Если ты смог пуму магией прикормить, — начал он, — значит, и другое зверье сумеешь?

— Не, — замотал головой Лаэрт. — У кошек к магии средство, у другой животного такого нет.

— А у них? — Ранжисона кивнул на оборотня и чародейку.

Лаэрт хлопнул себя по лбу.

— Вот я дурак!

Сардан увидел, как глаза фехтовальщика заливают яркое сине-фиолетовое свечение. По телу Данатоса стали прокатываться такие же лазурные искры — язвы от некроплоти затягивались. Минута, другая, и оборотень поднял голову, а потом смог твердо стоять. Под его когтями некроплоть осыпалась сухим пеплом, а не таяла жирной сажой, как от огня. Данатос мотнул головой, будто отгоняя назойливое насекомое, потом осмысленно посмотрел Лаэрту в глаза.

— Дружище! — обрадовался фехтовальщик. — Ну наконец-то!

Ранжисона довольно заулыбался, поднял Феликсу на руки. Оборотень шел рядом, слегка спотыкаясь.

— Идите к реке, — посоветовали им разведчики. — Дочь Джораакинли смоеет скверну. Мы здесь закончим.

Лаэрт благодарно кивнул Форелям.

К реке шли медленно. Лаэрт продолжал подпитывать Данатоса магией, но это, казалось, перестало помогать. Перевертыш шагал натужно, тяжело, с трудом переставлял лапы.

— Не знай я тебя, брат, подумал бы, что ты просто устал, — пошутил проводник.

Данатос вскинул морду и тихо зарычал, но Лаэрт не совсем понял, что оборотень имел в виду.

Река встретила их легким ветром и серебрящейся под луной рябью. Данатос вошел в реку, окунулся и лег на прибрежном мелководье, положив морду на лапы. Вода вокруг него слегка засветилась, и оборотень блаженно заурчал. Ранжисона зашел в воду по пояс вместе с Феликсой на руках.

— Пушинкой тебя не назовешь, волшебница, — крикнул сардан, смывая с лица девушки кровь, пока вода держала ее тело. — Женщину обычно на руки возьмешь — а веса чуть! Как будто пух внутри, а не мышцы с костями. А ты прям как Таджи... Вроде тощая, но тяжелая — стало быть, крепкая!

Он приговаривал ей, как отец дочери. Феликса наконец начала приходить в себя, закашлялась, сплюнула черной кровью.

— Ее нужно отнести к Брисигиде, — нахмурился Лаэрт. — Сдается мне, аура черной магии на нее сильнее повлияла, чем на нас.

— Да... — прохрипела Феликса. — Я же напичкана... — она скривилась, уцепилась за руку Ранжисоны, — светлой магией... от некроза.

Она свалилась у сардана с рук, схватилась за его предплечье, кое-как встала на ноги. Ее долго тошнило желчью. Желчь была темной, почти черной. Чародейку трясло крупной дрожью.

— Мне это не нравится, — Лаэрт свел брови. — Проще привести Брисигиду сюда. Я сбегая...

— Не надо, брат.

Фехтовальщик обернулся на голос Данатоса. Тот звучал гулко, будто оборотень заново учился говорить. Может, так оно и было?

— Я ее отвезу, — продолжил Данатос. Лаэрт не мог толком разглядеть его в темноте, только различал очертания. Силуэт явно был намного меньше рогатого мутанта, которого он только что видел. — Кажется, полегчало...

— Как ты меня напугал! — Лаэрт с громким плеском выбирался из воды. — Знаешь, сколько тебя не было?

— Знаю, — коротко ответил Данатос. Что-то в его голосе заставило фехтовальщика умолкнуть.

Ранжисона снова взял Феликсу на руки, вынес на берег. Данатос глубоко вздохнул. Послышался тихий влажный треск — перевертыш принимал одну из своих смертоносных форм.

— Давай, ее — на спину, — сказал Лаэрт, — я сяду позади, придержу.

— А не свалитесь? — засомневался Ранжисона.

— Я — точно не свалюсь, — заверил его фехтовальщик без всякого веселья. Он легко забрался на спину Данатоса даже в темноте. — Поехали, дружище. Только сильно не гони.

Ранжисона затеплил небольшой огонек, чтобы осветить себе путь, и увидел только мелькнувший пятнистый хвост какого-то крупного хищника.

Путь, который они прошли вместе с разведчиками Серебристых Форелей, Данатос преодолел меньше, чем за час неспешной рыси. Лаэрт все пытался понять, чье обличье он выбрал, чтобы добиться такой скорости при минимуме усилий: на пуму, в которую обычно превращался оборотень, было совсем не похоже. Задние лапы явно длиннее передних — прыжки тоже получались больше.

Феликсе было плохо, даже хуже, чем когда ее едва не убил Блод Беор. Она приходила в себя только под очередным рвотным позывом. Когда они оказались за стеной Иллати, где устроили освещение, Лаэрт с ужасом разглядел разлившуюся по рукам волшебницы черноту. Вены тоже начинали чернеть.

— Кто-нибудь, разбудите Брисигиду! — заорал он. Дежурные сарданы его не понимали — заклятие Феликсы, позволяющее ему говорить на языке Форелей, спадало. — Брис! Да что ж это... Анашгара!

Он увидел демоницу, спешащую им навстречу. Похоже, она была единственной кроме дозорных, кто не спал.

— Что ты вылупилась на меня, зови Брисигиду!

Древняя полыхнула взглядом, но мешкать не стала. Должно быть, к Феликсе она успела проникнуться какими-то чувствами. Суккуб закатила глаза, оставив на виду розоватые светящиеся белки. Ей не нужно было использовать голос, чтобы связаться с той, кто вернул ей имя.

Лаэрт увидел, как мелькнула белоснежная ткань сорочки у плетеного жилища на одном из деревьев диниции. Жрица спешила к ним, как могла.

— Что стряслось? — она коснулась Анашгары и тут же уставилась на огромного пятнистого кота, разлегшегося у ног демоницы с Феликсой на спине. — Дани?!

— Она надорвалась, вытаскивая его из какой-то некромантской дряни, — сказал Лаэрт. Брисигида застыла при виде брата и едва ли услышала хоть слово. — Брис! — он схватил девушку за плечи и слегка потрянул. — Слышишь меня? Спасай ее!

Жрица уставилась на него, пытаясь понять, о чем он говорит.

— Феликса, — терпеливо напомнил он. — У нее руки почернели. Она блевала черной

желчью. Ты сделаешь что-нибудь с этим?!

— Да, — Брисигида потрясла головой. — Пусти. Триединая... Что она опять с собой сотворила?

Анашгара и Лаэрт по ее указанию унесли Феликсу в святилище Форелей. Жрица растерла руки, подышала на них.

— Мне нужно сосредоточиться, — она жестом попросила их уйти.

— Я помогу, — Данатос стоял у входа в святилище. Он подошел, как обычно, бесшумно. Оборотень казался изможденным, но возле святилища явно чувствовал себя лучше.

Брисигида вдохнула, будто хотела задать какой-то вопрос, но Феликсу снова стало тошнить желчью, и жрица поняла, что сейчас не время для расспросов. Данатос опустился на колени рядом с сестрой, закрыл глаза. Из-за сомкнутых губ раздалось едва слышное пение, почти мантра. Брисигиду окатило волной тепла.

Они провозились с Феликсой почти до полудня. Брисигида вся взопрела, но устала гораздо меньше, чем ожидала. Оборотень молился все утро, и поток силы от него шел ровнее и увереннее, чем от Лаэрта. Или ей так казалось, потому что это была знакомая, родная сила.

Данатос уснул там же, в святилище, свернувшись клубком, как кот. Но перекидываться не стал.

— Я устал от своих зверей, — сказал он сестре.

Больше она из него ни слова не вытянула: Данатос был слишком измотан и уснул мгновенно. Феликсу Брисигида передала Хандие, и та погрузила чародейку в целительный сон.

Сама жрица досыпать не пошла. Разведчики с Ранжисоной вернулись в Илллати вскоре после того, как Хандиа усыпила Феликсу. Так что она отправилась к вождю, просить разрешения выслушать доклад разведчиков вместе с ним, чтобы узнать хоть что-нибудь.

Расспрашивать Лаэрта она не решилась. Тот тоже выглядел потрепанным.

Глава 4. Плеск и ветер

Джамир сумел проковылять к portalу сам. Аянира тащил Леветир, столь вовремя подоспевший на помощь. Они оба уже слышали стук копыт — приближающихся антимагов.

— Сначала цесаревича, — настоял беглец-антимаг. — Я пройду следом.

— Ты на ногах еле держишься, — буркнул элементаль. Он передал бесчувственного Аянира в объятия воды, и та понесла его к льдистой сфере портала. — Успеем, я думаю...

— Пройти — да, — буркнул Джамир, шагая следом за цесаревичем. — А закрыть портал?

Аянир телепортировался в фонтане брызг. Леветир торопливо сооружал ледяную стену на берегу.

— Авось задержит. Эй, только вдохни поглубже!

Джамир коснулся сферы, еле успел последовать совету элементаля. Его дернуло и потащило через синевато мерцающую черноту. Дыхание перехватило. Еще мгновение, и портал выбросил его на прибрежную гальку.

Антимаг откашлялся, заозирался в поисках Аянира, но его скрутило и вырвало. Телепортация после удара по голове — не самая полезная процедура.

Цесаревич лежал наполовину в воде. Кровь с него смыло, обнажились ранения. “Легкое пробито”, — холодея, заметил Джамир. Он пытался сообразить, чем помочь, но не имел ни малейшего понятия. В Цитадели учили убивать и калечить, оказывать первую помощь. Тяжело раненых напарников вытаскивать ему не приходилось.

Он не сразу заметил, как вокруг Аянира стали собираться тонкие струйки воды. Джамиру на мгновение показалось, что вода охватывает цесаревича, чтобы окончательно добить, утопить, поглотить, и он пополз к другу на четвереньках, хрипя что-то невразумительное. Его тут же остановили, подняли, положили на носилки. Антимаг вцепился в жерди, попытался подняться, спрыгнуть, но его решительно уложили обратно. Джамир чуть не заплакал от отчаяния.

Над ним возникло круглое женское лицо, простое и мягкое.

— Не враги мы тебе, господин. Лежи спокойно, в голове помутилось у тебя. Айда помогу.

Антимаг повернул голову и увидел несколько человек в синем вокруг Аянира. Струйки воды над цесаревичем светились, почти как портал, только теплее. Джамир не знал наверняка, что происходит, но успокоился.

— Где Леветир? — зашептал кто-то над ним.

— Не знаю, — ответил мужской голос. — Он вышел из портала, глянул в зеркало и пошел обратно. Потом пробежала лошадь с поклажей, Леветир шагнул в воду, а эти двое вышли.

— По... гоня, — прохрипел Джамир.

— Цыц! — велела ему круглолицая. — Не пропадет, чертяка. Вот анператорскому-то сынку досталось, лучше им займемся. Да портал скараулим.

Пока Джамира уносили от берега, он успел заметить волну и особенно мощный всплеск. Из воды кубарем вылетел долговязый парень в синем дорожном костюме — очевидно, Леветир. Следом за ним водяной вал выпустил всадника на могучей саврасой лошади. Всадник метил в элементаля тяжелым копьем.

Волны взметнулись шипастым оскалом. Сразу четверо магов сковали всадника льдом с двух сторон. Еще какое-то время фигура антимага мелко подрагивала — стайвал стеклянистый пузырь там, где соприкасался с телом.

— Закро, — Джамир сплюнул желчью, — те. Пор... кх... портал. За...

— Вот же хлыщ дурной, — буркнула над ним круглолицая. — Э, Глядун! Твой дружок тут волнуется больно.

— Усыпить бы его, — посоветовал другой голос, мужской.

— Болван! — Джамир услышал глухой шлепок. — Дурню башку тряхануло, уснет — пропадет как есть.

— Портал, — антимаг снова попытался подняться.

Женщина взяла его за подбородок и посмотрела в глаза.

— Или будешь лежать спокойно, или я тебя заморожу. Глядун! Слышь, чего говорю...

— Аня, уймись, — Леветир был уже здесь, мокрый и перепачканный кровью. — И не называй меня так. Я ведь просил. Что он говорит?

— Про портал бормочет, — ответил мужской голос. Владельца Джамир так и не увидел.

— Да, надо закрыть, все верно, — элементаль встал так, чтобы видеть Джамира полностью. — Думаешь, следует поспешить?

Бывший антимаг еле заметно кивнул. В Цитадели умели отслеживать телепортационную магию.

— Следы, — кое-как выдавил он.

— Точно! — Леветир аж подскочил. — Ну-ка, живенько, протоку закрываем, и магию подчистить! Чтоб ни капли магии не бултыхалось, поняли?

Закованного в лед врага тут же отбуксировали на мель. Четверо элементалей, стоя почти по пояс в воде, медленно тянули что-то незримое из-под воды. “Протока, — понял наконец Джамир, — водяная червоточина, то есть портал. Его... иссушают? Стихия хорошо помнит волшебство, это знает любой воин в Цитадели. Убрать стихийный мост, и делу конец. Концы в воду. Как в воду канули...” Он улыбнулся всплывшим в памяти выражениям: значит, рассудок при нем, нашел что-то знакомое в происходящем и подстраивается. А напряжение отпускает.

Только голова так сильно болит...

— Аня, полечи его в первую очередь, — попросил Леветир.

— А как же, — поддакнула женщина. — Башню хлопнутую без внимания оставлять нельзя. Слушай, господин, — она нависла над Джамиром, — сейчас будет холодно, но ты не дергайся, а то хуже себе сделаешь.

Голову тут же стянуло. Антимагу показалось, будто перед глазами распускаются крохотные белесые ростки, как морозные узоры на стекле. Внутри черепа вспыхивали льдистые звездочки. Кожу на лбу и висках покалывало. Джамир даже не вздрогнул. Его захватил детский восторг, как давным-давно в родной деревне, когда императорские маги приехали наколдовать освещение.

— Ишь, смиренный, — прокомментировала Аня. — Черепушку твою чуть не проломил. Обухом что ли попали?

— Антимаги ставят утяжеленные противовесы в древко, — Джамир прочистил горло и наконец вздохнул спокойно: боль в голове унялась. — Спасибо тебе, женщина. Аня. Меня зовут Джамир.

— На здоровье, — на круглом лице расплылся мягкий персиковый румянец. — Горец

что ли? Имя-то какое.

— Я рос с элементарями земли в горах, пока не попал в Цитадель.

Джамир наконец-то поднялся и увидел поблизости Аянира, бледного, но твердо стоявшего на ногах благодаря поддержке двух элементарей.

— Надеюсь, это поможет нам наладить нужные связи и объединиться, — тихо добавил цесаревич.

— Что? — не понял бывший антимаг.

— Собрать ополчение против армии этой курвицы, Аннаиры, — пояснил Леветир. — Если ты из горных элементарей, сможешь нам найти их и договориться.

— Едва ли они помнят меня, — признался Джамир.

— Главное, чтобы помнил ты.

Элементали выпустили из ледяного плена саврасую лошадь. Антимага постепенно освободили от всякого оружия и зачем-то раздели. Вместо одежды на него накиннули длинный балахон, руки и ноги связали.

— Может, от этого тоже что-нибудь полезное узнаем, — прокомментировал Леветир.

— пытки его не разговоят, — нахмурился Джамир.

— Пфф, пытки! — фыркнул молодой элементаль воды. — Это ваша узурпаторша кроме пыток ничего не умеет. У нас другие методы. Я вот, например, провидец, и могу использовать антимага в качестве якоря, связующего звена для видения. Среди элементарей есть и такие, кто умеет читать память.

— Но как это связано с водой? — опешил горец. — Я думал, вы только стихиями управляете.

— Большая часть тебя состоит из воды, чтоб ты знал, — Леветир постучал пальцем по виску. — В крови у тебя вода. В пузе тоже плещется. А мозг знаешь, какой мокрый?

Джамир недоверчиво покачал головой, а потом вспомнил, как в голове булькнуло от удара, и призадумался. Да и кровь правда жидкая, что же в ней, как не вода?

— Только вот сложно это очень, — добавил один из четверых элементарей, пленивших антимага. — Чем больше в воде всякого разного, тем тяжелее заставить ее делать то, что нужно. У Леветира так вообще уникальный дар. В воду глядит и будущее видит.

— Ну, Глядун, — хохотнула Аня.

— Достала ты меня своими кличками, — Леветир закатил глаза. — Айда лучше покажу, как живем.

Они шли не больше четверти часа. Джамир уже понял, что портал выбросил их на остров — кроме воды на горизонте ничего не появлялось. Но Аянир собирался следовать на юг, к озеру Каракач. “Неужто посреди озера целый город стоит?” — поразился Джамир.

— Смотри, горец. Это наш дом. Матинеру.

У Джамира перехватило дыхание.

Команда покинула Иллати, как только Феликсе полегчало. Данатосу после всех его приключений тоже нужен был отдых.

Отделаться от расспросов он не смог. Феликса, казалось, и так поняла, что держало его в лесах почти две недели. Маронда тоже многозначительно посматривала на него, но никаких предположений не высказывала. Но Брисигида и Лаэрт, которые наконец-то снова начали разговаривать друг с другом, требовали от него ответов.

— Если ты говорил с Феликсой, почему не вернулся к нам? — возмущалась его сестра.

— Вы бы ничего не смогли с этим сделать, — пожал плечами оборотень.

Феликса улыбалась, слушая его короткие неохотные ответы, но не спешила прийти на помощь. “Нарвался, — говорил весь ее вид. — Надо было любить себя целиком, вместе с котами”.

— С чего ты взял? — настаивала Брисигида. — Так уж и не смогли бы!

— Вы бы не сладили с Джораакинли. Да и кто из ведуний стал бы противиться воле их божества? — Данатос посмотрел ей в глаза. Жрица вздохнула — возразить было нечего.

— А что ты делал потом так долго? — спросил Лаэрт. — Мать-гора отдала тебе какой-то приказ? Ты должен был расправиться с ее врагами?

— Мне показалось, что Джораакинли не из тех, кто приказывает и ждет слепого повиновения, — покачал головой оборотень.

— Тогда зачем ты дрался с Окуби?

— Хотел сделать что-то... правильное, — Данатос поморщился. — Этот парень, Джареки... мне было стыдно, но я продолжал злиться. Я нашел тех, кто заслуживал моей ненависти.

— И обрушил свою ярость на проклятых колдунов, ха! — восхитился Кистень. — Абсолютное сумасбродство. Но поступок достойный!

Данатос вежливо улыбнулся штурману.

— Надеюсь, твоя расправа над Окуби тебя не тяготит? — сыронизировала Феликса. — Я вот с ностальгией вспоминаю запах горящего чернокнижника. До чего же мерзкие твари...

— И не говори, — пробасил Ранжисона. — Представь, что было бы, оскверни они Джораакинли. Нелегко приходилось Форелям...

— Теперь-то уж будет попроще, — хмыкнула Феликса. — Ты, Дани, сполна расплатился за их помощь. За помощь Джораакинли.

Оборотень замотал головой.

— Стыдно так говорить, но я делал это не ради Форелей или матери-горы, — он вдруг счастливо улыбнулся. — Джораакинли дала мне много больше, чем я ей. Я боялся себя, боялся молиться, боялся причинить вред близким, — он похлопал Лаэрта по плечу. Тот хмыкнул и пихнул его локтем. Оба хорошо помнили тот день, когда Данатос в гневе укусил его и сломал ему руку. — А теперь всего этого нет. Я побывал у смерти прямо в брюхе и странным образом... очистился. Обмазался настоящей скверной от носа до хвоста, что называется. И перестал казаться себе злом.

На это откровение никто ничего не ответил. Данатос не хотел говорить о том, что случилось, потому что считал это естественным. В отличие от друзей, он понимал, что мать-гора оказала ему огромную услугу, заперев в животной форме.

— И ты узнал, где искать Страницу из пророчества, — добавила Феликса, чуть помолчав.

Данатос кивнул.

— Шанафар. Я видел мачты кораблей с его флагом. Если верить видению, путешествие Страницы идет не лучшим образом, — он досадливо цокнул языком. — Не знаю только, когда она там окажется. Мне кажется, Анашгара должна почувствовать...

— Ага, Анашгара должна, — фыркнула демоница. Феликса уже поняла, что постоянный вызов и стержовные выпады были лишь попыткой скрыть свои настоящие чувства. Она просто-напросто отвыкла от людей, которые так запросто сидят рядом с ней, разговаривают.

Не пытаются убить. — Анаштара никому ничего не должна!

— Болтаешь, — широко улыбнулся ей оборотень. — А ведь знаешь, что я прав. Если кто и сможет опознать ключ к острову, то только ты.

— Никакого уважения, — шепотом проворчала суккуб и закатила глаза.

Ринна постоянно косилась на нее и потирала щеки, гладкие и бледные. Во время похода на Окуби она отлеживалась у ведуний, но знала обо всем, что случилось, до последней детали — ей наперебой рассказывали Ранжисона и один из разведчиков Форелей. Молодые воины Илллати вертелись возле охотницы все время, пока она восстанавливалась после изгнания демона.

Ринна призналась Брисигиде, что сперва ее страшно злило такое внимание. Пока Хандиа не заставила ее посмотреться в зеркало. Только после этого паланийка поняла, что комплименты темнокожих парней — не насмешка. Правда, после этого она окончательно растерялась и едва не убегала от каждого, вызывая добродушные улыбки у ведуний.

Теперь, когда они ушли от Серебристых Форелей, Ринна все время оглядывалась.

— Я ведь так и не поблагодарила тебя, — обратилась охотница к Анаштаре. — Спасибо, что расправилась с ублюдком.

Демоница замерла. Повела плечом. Поводила взглядом с Ринны на Брисигиду, с той на Феликсу, с Феликсы обратно на Ринну.

— Точно, — с еле заметной усмешкой кивнула чародейка. — И мы с Брис не отблагодарили. А ведь ты и нам жизнь спасла! Правда, я сначала подумала...

— ... Что я и вас сожру, — облизалась Анаштара. — Было на то похоже?

— Было похоже, что ты не в себе, — призналась жрица. — Будто опьянела.

— Пф! — фыркнула Древняя. — Посмотрела бы я на вас, если б вы столько силы поглотили. Эх и жирный уродец попался! Не за что вам меня благодарить, — тут же нахмурилась она. — Мне в том тоже выгода была.

— Это мы уже поняли, — буркнула Маронда.

— Я думала, твоя сила от крови, — не поняла Ринна.

— От магии, — встрял Лаэрт, заставив Брисигиду вздрогнуть.

— В крови есть древняя сила, источник жизни. Но в чистом виде и это — магия, — пояснила Феликса. — В нашем мире любую энергию, любую силу будет справедливо к ней приравнять. Правда, есть теория про миры, где это не совсем так...

Анаштара досадливо цокнула.

— Есть миры, где вы, люди, настолько слабы, что не способны использовать ни собственную силу, ни природную. Но сила есть сила, охотница. И я ее забрала. Но это было не так просто, как вы думаете.

— Хапнула огоньку на голодный желудок, вот и сбрендила, — хохотнула Маронда. — Теперь зато сидишь перевариваешь небось.

— А как переваришь — что будет? — полюбопытствовала Ринна. — Огнем пыхать сможешь?

— Посмотрим, — пожала плечами Анаштара и расплылась в плотоядном оскале. — Не на вас же проверять.

Брисигида только закатывала глаза на подобные заявления. На пути в кессахский порт демоница еще не раз подначивала спутников подобным образом.

Вскоре путники вернулись в Кессах. Они договаривались, что когда придут от Форелей, отправятся сразу на корабль: Акыру и большинству офицеров с кораблей предстояло жить в

Кессахе скрытно. Добирать команду на трофейные корабли планировали с осторожностью. Кессах был слишком большим портом и наполнился слухами. В том числе слухами о посольстве из Арделореи. Так что Феликса особо не рассчитывала, что Акыру удастся хоть кого-то нанять.

И она не слишком удивилась, когда “Ока Бури” в гавани не оказалось.

— Что-то случилось, — решила Феликса. — Акыр не увел бы корабль без веской причины.

— Остальных тоже нет, — заметил Кистень.

— Должно быть, антимаги их спугнули, — предположил Лаэрт. — Те, что приехали к Серебристым Форелям. Я бы разузнал...

— Не надо, — покачала головой Феликса. — Если с ними все в порядке, Фабио или Радна оставили где-то здесь знак. Такой, чтобы никто кроме меня не нашел.

— Здесь — это где? — не понял Кистень. — В воде что ли?

— Я оставила им достаточно амулетов, — задумалась чародейка. — Может, и в воде. Надо бы нырнуть аккуратно у причала, осмотреть дно, сам причал, каждую досочку.

Вечером чародейка наколдowała себе, Ранжисоне и Лаэрту маленькие огоньки на кончиках пальцев. Они шли к гавани с сжатыми кулаками, чтобы никто не заметил их волшебных фонариков.

Нырнули все с разных сторон. Заклятие на способность обходиться без воздуха действовало исправно, но Феликса опасалась, что у причала могли поставить какие-нибудь блоки на магию. Поэтому ныряли только трое лучших пловцов из тех, кто вернулся из Иллати.

Вода в Кессахе была едва ли не теплее, чем в Бедеране. Но Феликса не ощущала тепла от волн. “Еще пару недель назад почувствовала бы, — расстроилась она. — Надорвалась, вытаскивая Дани из некротического кокона... Надо бы впредь быть поосторожнее”. Она отплыла в самую глубокую часть гавани, подальше от причалов. Вскоре девушка увидела, как несколько далеких огоньков — Ранжисона и Лаэрт — плывут к поверхности. “Рановато еще, заклиние должно действовать, — нахмурилась чародейка. — Все-таки заблокировали волшебство!”

Через некоторое время огоньки стали бледнеть. Феликса могла подпитать магией только свои, а ее друзьям скоро придется идти на берег. Ничего похожего на знак она так и не заметила.

Через несколько минут девушка услышала над головой тихий плеск. она протянула руку с огоньками к поверхности и увидела Лаэрта. Пришлось всплыть.

— Ты зачем здесь? — шепотом спросила она.

— Погаси огоньки, — попросил он так же тихо, — и плыви потихоньку к причалу. Кажется, мы что-то нашли.

Феликса послушалась. Луна шла на убыль, и без огоньков на пальцах они оказались в почти кромешной тьме. Только слабые отблески тонкого месяца и мерцающих звезд на волнах помогали сориентироваться, да свет факелов на берегу. Феликса и Лаэрт быстро доплыли до ближайшего причала. Девушка вылезла из воды вслед за другом. Ранжисона лежал на досках плашмя, свесив голову к воде.

— Вон там, — шепнул он, как только услышал их шаги. — У столба.

Феликса присмотрелась и увидела, что на самом дне у одной из опор причала что-то слабо светится прозрачной зеленью.

— Фосфорный амулет, — неуверенно предположила Феликса. — Один из тех, что я оставляла Фабио... Но свечение такое слабое!

Она аккуратно спрыгнула обратно в воду, стараясь не поднимать плеска. Чародейка подняла амулет и снова зажгла огонек, на этот раз всего один. Неподалеку от амулета нашелся тяжелый маленький каменный цилиндр-тубус — еще один из оставленных ей амулетов.

— Да, это могли оставить только наши, — шепотом сообщила она Лаэрту. — Уходим.

Мужчины тоже спустились в воду и поплыли вместе с ней к дальнему краю порта. Только там, подальше от освещенных городских улочек они выбрались на берег. Фосфорный амулет тут же засветился интенсивнее.

— Он светится из-за магии? — спросил Ранжисона. — Что ж он в море-то так не сиял?

— Он светится из-за контакта с воздухом, — вмешался Лаэрт. — Окисляется... алхимики говорят, что и в воде, и воздухе есть кислород, из-за которого все портится со временем. Ну там, медь зеленеет, серебро темнеет... А фосфор вот светится.

— В чем тогда волшебство?

— В том, что он очень твердый и не ядовитый, в отличие от обычного фосфора, — буркнула Феликса. Уткнулась лбом в ладонь, вздохнула. — Я и забыла, что сама советовала Фабио оставлять такие амулеты под водой... Устала, наверное.

Она отжала немного мокрую косу и приложила большой палец к краю каменного цилиндра. Тубус открылся. Внутри лежала маленькая записка.

— Долгота и широта, — Лаэрт глянул на клочок бумаги и сразу понял, что это за цифры. — Больше ничего?

Феликса помотала головой.

— А если это оставили наши враги? — предположил фехтовальщик.

— В тубус мог что-то положить только Фабио, — сказала Феликса. — А взять что-то из него — только я.

— Ты и сама видела, на что способны антимаги, — Лаэрт аккуратно забрал у нее из рук каменный цилиндр. — Не такие уж они и принципиальные, правда? У Беора на корабле было целых два мага, но это не помешало ассасину плыть с ними. Твой амулет могли перезачаровать.

Он взял бумажку с координатами, вложил ее обратно в тубус и приложил каменную крышечку. Та приросла, будто там и была. Лаэрт передал амулет Ранжисоне. Сардан вопросительно посмотрел на него.

— Давай, приложи палец к крышке, как Феликса до этого, — поджал губы фехтовальщик. — По-моему, все и так ясно.

Канонир пожал плечами и приложил палец к тубусу. Тот так же легко открылся.

— Проклятье, — Феликса приложила руку ко рту. — Ну и где их искать?

— Думаешь, всех схватили? — забеспокоился Ранжисона.

— Нет, — девушка прикусила губу. — Тогда у них были бы наши корабли, и нас заманили бы на “Око Бури” без всяких записок.

— Скорее всего, ассасины нашли записку Фабио до нас, — добавил Лаэрт. Феликса кивнула. — Чтобы найти наших, надо переиграть ассасинов.

Феликса присела на здоровенный кусок плавника, выброшенный на берег. Ноздри щекотал островатый, терпкий запах высохших водорослей. “Хоть бы разок все прошло нормально, — досадливо вздохнула она. — Ну хоть разочек! Чтоб этих антимагов черти

взяли!”

— Я выдохлась, — призналась она. — Нам нужен план, а у меня ни одной идеи.

— Во-первых, — ободряюще улыбнулся Лаэрт, — утро вечера мудренее. А во-вторых, идея есть у меня.

Они все спали в разных тавернах. Старались выбирать разные: победнее и погрязнее, побогаче, в портовых кварталах и престижных районах возле кессахских фруктовых садов. Вместе ночевали только Брисигида и Анаштара — из соображений безопасности всех, кроме Анаштары.

В итоге путники собрались снова вместе только к полудню. По предложению Лаэрта Феликса назначила всем два разных места встречи. В одно должны были прийти Данатос, Брисигида, Анаштара, Лаэрт и Ранжисона. Все остальные ушли далеко за город. “Подальше от заварушки”, как выразился бывший агент Тайной Канцелярии.

Те, кто должен был оказаться к заварушке поближе, встретились в большой шумной таверне.

— Делаем вид, что хотим затеряться, — объяснил Феликсе Лаэрт. — Потому что надежное место, чтобы спрятаться, мы найти не успели.

— Так, — Феликса все еще не понимала, к чему все эти разделения. — А дальше что?

— Дальше ты раздашь всем тихонько по записке, — ответил фехтовальщик. — Нет, лучше я раздам. Ты точно спалишься. В записке расскажем об истинном положении дел. Вслух же...

Через час все расселись за большим столом с кучей еды и напитков. Лаэрт умудрился обойти вокруг стола за пару минут — и сделал это так, что никто был в жизни не подумал, что он специально старается подойти к каждому из друзей. Кому-то он приносил пиво, кому-то бегал за лишним табуретом — Ранжисона сел на лавке так, что места всем не хватало — и постоянно увивался за подавальщицами.

Напоследок он решил побороться с Данатосом на руках и, разумеется, довольно быстро проиграл.

В итоге все читали свои записки в разное время. Феликса заметила, как Ранжисона свой листочек зачем-то завернул в ломтик вяленого мяса и проглотил, почти не жуя. Она вовсе не была уверена, что их обязательно найдут и подслушают, но решила довериться шпионским навыкам Лаэрта.

— Ну что, как видите, у нас есть координаты, — начала Феликса. — Мы проверили карту. Это место недалеко от города.

— Я надеялся, что Фабио назначит нам встречу где-то подальше, — буркнул Лаэрт. Феликса не видела ни следа сосредоточенно молодого человека, который расписывал план ей сегодня ночью — тоже на бумаге. — Надо бы проследить, чтобы никто из города за нами не увязался.

— А где Маронда и остальные? — спросил Ранжисона и прочистил горло. — Я не видел их со вчерашнего дня.

— Я отправила им магическое послание, — отмахнулась Феликса, надеясь, что голос ее не слишком выдает. — Они сейчас на причале, арендуют лодку. Отправимся на место встречи по воде. Так проще заметить слежку.

— Увольте, я не поплыву, — фыркнул Данатос. Он явно успел прочитать записку,

которую Лаэрт вложил ему в ладонь, пока они боролись. — Мне и так в море не по себе. Устал от корабля.

— Тебя я хотела попросить остаться, — соврала Феликса, следуя указаниям в своей записке от Лаэрта. — Тебя и так потрепало. Поберегись. Нам все равно придется вернуться в порт.

Они обменялись еще парой замечаний, решили, что Брисигида и Анаштара — которую за столом называли исключительно Анной, чтобы не раскрыть ее истинную сущность, — тоже останутся, чтобы лечить Данатоса от выдуманного недуга.

После обеда они отправились в порт, шли опять разными улицами, но параллельно. Лаэрт выбрал первую попавшуюся лодку где-то в самой гуще рыбаков. Феликса, холодея при мысли, что выдаст себя, по очереди наложила на него и Ранжисону заклятие дыхания под водой.

Ни в какую лодку они, конечно же, не сели. “Нам нужно убедить ассасинов, что им не придется сражаться с оборотнем, а еще — скрыть сущность Анаштары, — так он расписывал свой план. — Когда они явятся в нужное место по суше, ассасинам придется несладко. А мы должны гарантированно избежать хвоста, поэтому никаких лодок! Мы поплывем под водой”.

Феликса боялась, что и тогда за ними могут отправиться лучшие пловцы антимагов. “Поэтому как только мы окажемся за пределами гавани, — учил ее Лаэрт, — ты наложишь на всех еще и заклятие скорости. Сможешь?” Феликса могла. Обычно эти заклятия накладывали вместе. Так в Арделорее помогали рыбакам и ловцам жемчуга.

Прямо у нее перед глазами Лаэрт сделал вид, что спускается в лодку, а сам аккуратно прыгнул в воду под причалом. Феликса последовала его примеру. Следом за ней в воде оказался и Ранжисона. Днем им было намного легче плыть. Блоки антимагов возле причалов были сняты, и заклятие проработало достаточно долго, чтобы они успели отплыть подальше.

Феликса обновила чары для подводного дыхания и придала всем ускорения. Она успела уже несколько раз убедиться, что Лаэрт был абсолютно прав: за ними наблюдали постоянно. Какой-то оборванец шел за ней всю дорогу до порта. Тот же самый бедняк мелькнул где-то в порту, когда она притворялась, что спускается в лодку. А сейчас на глубине виднелись несколько неизвестно откуда взявшихся ныряльщиков. “Удивительное совпадение, — плюнула она про себя. — Особенно для Кессаха, где всегда ныряли и добывали местные сарданы. Не похожи эти бледнозадые на сардан, как ни загорай!”

Под волшебным ускорением они плыли быстрее дельфинов, так что уже к вечеру достигли нужного места. Им с трудом удалось выбраться на берег: рыхлая скалистая полка, к которой они приплыли, была покрыта острыми ракушками и наростами кораллов. Выше берег порос множеством трав и папоротников, так что стало полегче.

Выйдя из воды, Лаэрт моментально скрылся в тропиках, жестом попросив остальных оставаться на месте. Феликса и Ранжисона послушно залегли в папоротниках погуще. Фехтовальщик вернулся через несколько минут совсем с другой стороны.

— Засада из пятнадцати человек, — еле слышно сообщил он. — Если я нашел всех... Думаю, тринадцать будут пытаться организовать Колодец. А еще двое — для меня и Ранжисоны.

— Все — антимаги? — так же тихо спросила Феликса. — Не может же их быть так много.

— Не знаю, — признался Лаэрт. — Те, кто слушал нас в таверне и следил в порту, точно не были антимагами.

— Как ты это понял? — удивился Ранжисона.

— Ткнул одного кинжалом, а он и не заметил. Взял и помер.

Феликса начала тихонько плести заклинание. Она очень не любила эту школу, аркану, но та оставляла меньше всего следов, которые могли бы засечь антимаги. Чародейка прошептала финальную формулу, закрыла глаза и исчезла.

Заклятие перенесло ее на астральный план. Здесь не существовало ни слов, ни ее тела и рук, которыми можно было бы жестикулировать для колдовства. Все работало совсем иначе. Девушка сосредоточилась, прислушалась к ощущениям. Вскоре ей удалось задействовать духовное зрение, и она смогла увидеть, где засели ассасины.

Их было больше, чем сказал, Лаэрт, но всего на одного. Шестнадцатый убийца сидел в яме, вырытой в земле, и готовил мантру Колодца, высасывающего любую магию. Тот еще не был активен, но Феликсе все равно стало не по себе. Она увидела, как пара теней двинулись к Ранжисоне и Лаэрту. Одному из врагов она приказала “Спи!”, и он зевнул, проваливаясь в сон. Напарник пытался его растормошить, ударил ладонью по лицу — но Феликса задействовала не свою силу, а местных духов.

Духи лесов очень не любят, когда их тревожат подобные чужаки. Феликса знала, что этот антимаг, скорее всего, больше не проснется.

Второму она велела: “Бойся!” Мужчина застыл на месте, обливаясь потом. Он пытался выхватить оружие, но руки так тряслись, что он не смог даже вынуть его из ножен. Духовное око чародейки показало ей, как аура ассасина угасла: до него добрался Лаэрт.

Феликса решила, что теперь нужно убрать того, что под землей: центр Колодца наверняка должен держать самый опытный из антимагов.

Он оказался настолько опытным, что даже почувствовал ее приближение через астральный план. Ассасин успел выхватить шестигранную хрустальную призму, посмотрел через нее, и Феликсу выбросило с астрального плана прямо в яму. Девушка едва успела выхватить оружие и парировать его удар. Предплечья свело от усилия, но мертвое тело вновь оказало ей услугу.

В следующее мгновение в лесу разразился настоящий ад.

Данатос ворвался в круг антимагов с юга. Он не стал превращаться в магического рогатого мутанта, зная, что ассасины способны противодействовать такой форме оборотня — своими изощренными средствами. Исполинская пума была против них куда эффективнее. Что может сделать восьмидесятикилограммовый человек против пумы весом больше полутонны?

Оказалось, кое-что может.

Вместо пистолета, которым обычно пользовались ассасины, противник достал необычно длинный мушкет. Грянул выстрел, и Данатос пошатнулся. “От мушкетного залпа такого эффекта не было бы!” — присвистнул он про себя. Заряд попал ему в бедро и обжег чудовищной болью. Но организм оборотня сделал свое дело: стремительная регенерация вытолкнула снаряд и залатала рану.

Стрелок выстрелил снова. “И когда только успел перезарядить?” — недоумевал Данатос. Заряд прошел вскользь, но боль все равно обожгла до одурения. Оборотень начал петлять и прыгать зигзагами, чтобы врагу было сложнее прицелиться.

Следующий залп прошел мимо. Еще пара прыжков, и Данатос настиг стрелка: тот даже

не успел вскрикнуть. Несколько противников собрались в группу и дали по перевертышу групповой залп. Данатос взвился свечой. Перезарядить орудия они уже не успели.

Феликса не могла видеть всего этого из ямы. Ассасин оказался очень опытным бойцом. Если бы не мертвое тело, он давно заколол ее; но пока чародейка держалась. Антимаг был более чем готов к встрече с боевым магом: ни одно ее заклятие не достигло цели. Оставалось только полагаться на навыки фехтования. Феликса не питала иллюзий: она очевидно уступала противнику в силе и скорости. Единственное ее преимущество состояло в том, что она уже мертва.

— Тварь! — выкрикнула она, парировав очередной смертоносный удар.

Ее отбросило к земляной стене ямы: удар был слишком силен. Воздух выбило из легких — но ей и не нужно дышать. Феликса надеялась, что ее противник решит, что она вымоталась, и потеряет бдительность.

— Как только земля носит подобных тебе, — прошипела она, делая вид, что не может подняться.

Антимаг не собирался ей отвечать. Его лицо застыло маской презрения: надменный прищур глаз и кривящиеся губы. Кажется, он поверил, что измотал противницу — ассасин приближался медленно. Уголки губ триумфально ползли вверх. Он вложил оружие в ножны и достал кандалы...

Феликса швырнула ему в лицо попавшимся под руку камнем и вскочила одним рвущим прыжком. Сабля хищным жалом вонзилась в ассасина, но прошла вскользь: антимага уберегли безупречные рефлексy. Феликса наносила удары один за другим, заставляя противника постоянно уклоняться и отступать.

Наконец антимаг уперся спиной в стену ямы, и чародейке удалось его достать. Клинок коротко чиркнул по шее. Багровая нить раны тут же набухла темной кровью. Ассасин зажал горло обеими руками и уставился на Феликсу, выпучив глаза. Он так и осел наземь с выражением ярости и недоверия на лице.

Девушка быстро обыскала убитого и нашла то, ради чего они весь день разыгрывали спектакль: каменный тубус с настоящим посланием от Фабио.

Что-то мешало ей вернуться на астральный план. У Феликсы не было времени разбираться, что именно в снаряжении антимага мешало ей. Призму она разбила сразу, но дело оказалось явно не в ней. Пришлось лезть наверх, обдирая ногти. К счастью, яму прикрывал только полог из тонких ветвей и трав.

Чародейка только что сообразила, что сражалась в полной темноте. Но она видела каждую деталь. “Мертвые глаза, — сообразила Феликса. — Глаза отказали. Зрение должно подпитываться магией, но магию ассасин блокировал... Значит, магию первоисточков он блокировать не способен?”

Раздумья пришлось оставить на потом. Наверху, за пределами ямы, все еще кипела битва. Феликса увидела, как Лаэрт отбивается сразу от двоих антимагов. На его плече алела длинная полоса. Спустя несколько секунд такая же рана появилась на левом бедре: Лаэрт стал заметно прихрамывать.

— Брисигида! — заорала Феликса. — Брис, сюда!

На ее крик отреагировала не только жрица. К чародейке рванул высокий юноша. Он носил такой же плащ, как антимаги, но явно к ним не принадлежал — или вступил в их ряды совсем недавно. Феликса легко блокировала первый удар парнишки: в нем едва ли было

больше веса, чем в ней самой. Чародейка уклонилась от следующей атаки, позволила ему пролететь по инерции вслед за оружием и коротко ткнула снизу вверх, как ее учил когда-то ассасин по прозвищу Мангуст.

Жрица примчалась в сопровождении Анаштары. Демоница похвалялась перепачканным кровью ртом. Она сбросила черную робу; Брисигида позволила ей на время вернуть свои рога. Суккуб отрастила их так, чтобы было легко проткнуть кого-нибудь. Новые рога тоже уже вымокли в крови. “Видимо, только поэтому Брисигида до сих пор цела”, — вздохнула про себя Феликса.

— Я помогу ему, — Феликса махнула рукой в сторону Лаэрта. — А ты помоги нам обоим!

— Но антимаги... — всплеснула руками Брисигида.

— Мне они ничего не сделают, как и ты им! — рявкнула Феликса. — Вылечи Лаэрта, его антимаги не могут заблокировать! Да что с тобой такое?!

Брисигида вздрогнула, сложила руки у груди и стала молиться. Анаштара уставилась на Феликсу почерневшими во все яблоко глазами. Чародейка поняла ее вопрос без слов.

— Нет. Только в крайнем случае, — Феликса вытянула из ножен саблю. — Ты же видишь, она все еще не в себе. Защищай Брисигиду!

Феликса увидела, что Лаэрта взяли в тиски так, что он не мог толком ни уклоняться, ни парировать. Чародейка не успевала добежать до его противников. Она выкрикнула формулу, встала в костоломную позу и топнула ногой. От ступни по земле побежала тонкая трещина. Один из антимагов за спиной Лаэрта пошатнулся, споткнувшись о трещину, и рухнул в кусты.

Феликса рванула к нему, чтобы помочь отбиться от второго ассасина. От ран Лаэрт едва мог отбиваться. Сабля антимага взлетела, метя ему в грудь...

Она успела. Чародейка не была уверена, что точно сможет отбить колющий удар, и подставила под саблю правое плечо. Ассасин был так ошеломлен ее поступком, что едва ли заметил, как она вонзила узкий кинжал ему под подбородок.

— Ты как? — она подхватила Лаэрта. Тот еще держался на ногах, но не слишком уверенно.

Фехтовальщик вывернулся из ее рук. Упавший в кусты антимаг успел подняться из зарослей и атаковать их с другой стороны. Но рефлексy Лаэрта едва ли уступали навыкам самых опытных ассасинов: даже теряя сознание от потери крови, он отбил удар. Феликса приняла следующий саблей; еще один пришелся ей в бедро, но она почти не почувствовала тычка.

Наконец молитва Брисигиды начала действовать, и раны Лаэрта стали медленно затягиваться. Феликса оттолкнула его за спину, чтобы аура антимага не мешала исцеляющим чарам...

Анаштара бросилась на их врага откуда-то сверху. На ее руках красовались огромные когти, раскаленные новой, огненной, силой, и демоница вцепилась ими ассасину в грудь. Он заорал так, что у Феликсы зазвенело в ушах. Суккуб прервала его крик, вгрызаясь в горло.

— Черт! — выругалась чародейка. — Идиотка! Я просила тебя остаться...

Визг Брисигиды подтвердил ее опасения. Один из оставшихся противников — едва ли не последний — схватил ее и прижал к животу кинжал.

— Открывай цилиндр, еретичка! — слова были адресованы Феликсе. — Открывай, или я ткну ее!

— Хорошо, хорошо, — Феликса вложила саблю в ножны, подняла руки. — Вот, смотри...

— Не дури, — мотнул головой ассасин. — Я могу отличить наш тубус от твоего. Открывай другой.

Чародейка поморщилась и сунула поддельный каменный цилиндр в карман. Настоящий она успела спрятать за корсажем. Пришлось расстегивать куртку, расшнуровывать узкий щиток на груди...

Феликса делала все это как можно медленнее, притворяясь, что шнурки и завязки никак не хотят поддаваться. Она видела, как за спиной ассасина крадется крупная золотистая тень.

Феликса добралась до корсажа, вытащила цилиндр и кинула его антимагу.

— Лови!..

Тот вытянул руку, чтобы поймать цилиндр. На другой руке, той, что держала кинжал, тихо хлопнулся чудовищный капкан из огромных челюстей. Антимаг вскрикнул. Брисигида рванула вперед, к Феликсе, оставив каменный тубус в траве.

Чародейка прижала к себе плачущую подругу, глядя, как Данатос расправляется с оставшимися противниками.

— Я так устала, Фель, — всхлипывала Брисигида. — Триединая, как я устала смотреть на вас, облитых кровью... все в крови, мы постоянно бежим или деремся! Я не могу так больше, не могу...

— Можешь, — сверкнула зубами Анаштара. По ее рогам пробегали алые искры и сполохи. — Управилась со мной — справишься и с этим.

Феликса потрясенно уставилась на демоницу. С чего вдруг та решила поддержать жрицу?

— Ты вернула мне имя, — Древняя протянула раскаленный окровавленный коготь к лицу Брисигиды, заставила ее посмотреть себе в глаза, приподняв за подбородок. — Имя, которое было мертво тысячи лет. стыдно такой, как ты, распускать сопли после пары драк.

— Это совсем другое, — судорожно вздохнула Брисигида. — Меня вела Триединая.

— Брис, пожалуйста, — Феликса снова обняла ее, шикнула на демоницу. — Это я так больше не могу. Мне без тебя конец. Прошу тебя, потерпи еще немного. Мы найдем наши корабли и уйдем в море. Там больше не будет ни пиратов, ни антимагов, клянусь тебе. Постоим где-нибудь в глухом месте на якоре с месяц, ты отдохнешь...

— Нет, — жрица вытерла слезы. — Извините. Я в порядке. Лаэрт, подойди, я осмотрю...

Брисигида, сосредоточенная и серьезная, как прежде, занялась чуть затянувшимися ранами фехтовальщика.

— А ты хитра, — шепнула Феликсе Анаштара. — Надавить на ответственность за других, чтобы привести ее в чувство — я бы не додумалась.

— Ну и дура, — фыркнула Феликса. — Ни на что я не давила. Это ты обманщица и манипуляторша. А я просто сказала, как есть.

Данатос перекинулся в человека, подобрал с земли каменный тубус и протянул его Феликсе:

— Пора вернуться к своим.

Акыр беспокойно расхаживал по палубе. Фабио и сам очень волновался, но старался

держат себя в руках. Мельтешение капитана сбивало его, действовало на нервы.

— Прошу тебя, прекрати, — устало попросил бывший трактирщик, потирая лоб. — Я уверен, они разобрались, как найти координаты.

— Сколько можно торчать там, у этих сардан! — Акыр раздраженно пнул ближайшую бочку. — Даже антимаги уже сюда добрались, а они шляются по лесам!

Они провели в порту семь дней, прежде чем поняли, что рядом враги. Антимагов заметила Дина. Она медитировала на борту “Ока Бури” каждое утро, как ей велела наставница Феликса, и слушала ветер. Во время одной из медитаций она почувствовала, что в городе есть место, которого ее магический ветер избегает. Это было очень похоже на их отплытие из гавани, когда ветер умер из-за действий антимагов.

Фабио оставил Феликсе записку под водой и пометил место амулетом, слабо светящимся в темноте. Другого способа сообщить ей, что они уходят из гавани, он не придумал. Дина хотела отправить ей магическое послание вместе с ветром, но в конце концов согласилась, что такое послание антимаги наверняка засекут.

— Они не возвращаются, потому что не получили нужной информации, — терпеливо напомнил Фабио. — Ты же помнишь, зачем они ушли?

— Помню, — буркнул Акыр.

На палубу выбежала Дина. Она раскраснелась и широко улыбалась.

— Возвращаются!

— Откуда ты знаешь? — Фабио понимал, что это как-то связано с магией воздуха, но ему были интересны подробности.

— В лесу на берегу была большая битва! — девочка взмахнула руками, показывая, насколько большая. — Ветер запомнил запахи. Кровь, железо, порох — точно битва!

— Твоя правда, дочка, — улыбнулся Акыр. — Так пахнет драка. А как ты поняла, кто победил?

— По запаху шерсти, — хихикнула Дина. — Ну ладно. Наставница отправила мне послание с ветром.

— Надо бы отправить пару шлюпок к берегу, — решил Акыр. — Раз такое дело...

Они отплыли довольно далеко к востоку от порта. Сперва думали прятаться подальше от берега, так, чтобы их нельзя было разглядеть с суши. Потом решили все-таки рискнуть и поискать место для стоянки, которое можно было бы указать в записке. Кайл и Сойл высмотрели небольшой вытянутый атолл, покрытый достаточно густой зеленью, чтобы скрыть за собой корабли. Лагуна оказалась слишком мелкой для стоянки: встали за островком. Так что при желании их все-таки можно было разглядеть — если смотреть очень долго и очень внимательно.

Пока матросы спускали на воду шлюпки, Акыр разглядывал берег в подзорную трубу.

— Дина, а Феликса не сказала, надо ли их встретить? — Фабио вдруг засомневался, имеет ли вся эта суета смысл.

— Надо, — кивнула Дина. — Но они доберутся сюда только через несколько часов.

— А это тогда что? — насторожился Акыр.

Он указывал на край атолла. Воздух над песчаной косой дрожал, завивался и корчился, будто кто-то отщипнул кусочек реальности и теперь катал и мял в руках, пытаясь придать ему нужную форму. Постепенно эти искажения превратились в ровный аккуратный пузырь, который лопнул спустя пару мгновений со звуком вынудой из бочки пробки.

На косе появилось несколько человек. В низеньком силуэте в желтой робе было легко

узнать Маронду. Рядом на механической ногескрючился Кистень — кажется, от перехода через портал ему стало нехорошо. Мелькнула рыжая коса Ринны. А несколько темнокожих воинов однозначно были из отряда Ранжисоны.

— Ага, свои, — выдохнул Акыр. — Парни, одну лодку на остров! Вторую не спускать пока!

Вскоре Маронда, Кистень, Ринна, Таджи и сарданы поднялись на борт. У Маронды был такой вид, будто ее заставили съесть таракана и закусить горстью червей.

— Хотя вы можете внятно объяснить, что происходит? — тут же разворчалась она.

— Нас засекли антимаги, и мы сбежали из города... — начал Фабио.

— Ой, спасибо! — всплеснула руками старуха. — Вот об этом-то я и не догадалась! Все поняла, а почему вас в гавани не было — хоть убей!

— Каков вопрос, таков и ответ, — вмешался капитан. — С чем там Феликса разбирались, мы тоже не в курсе. Дина говорит, им пришлось сражаться. С кем, догадаешься?

— Даже не знаю, — съехидничала Маронда. — Так много вариантов!

Пока Кистень и Таджи наперебой рассказывали, что случилось, пока они гостили у Серебристых Форелей, Маронда ушла на нижние палубы. Вскоре волшебница вернулась со своей сумкой и несколькими украшениями из императорской сокровищницы.

— Надоели мне эти ветряные послания, — пояснила она. — Давно надо было наладить нормальную связь!

Фабио тут же понял, что она собралась делать. Когда они с Радной выполняли поручения Тайной Канцелярии в Бедеране, у них были особые амулеты для связи. Они быстро разряжались, любая магия постоянно искажала их сигнал, из-за помех порой невозможно было разобрать сообщение. Амулеты изготавливали штатные чародеи Канцелярии — может, они потому и работали так нестабильно?

Фабио надеялся, что у Маронды получится лучше. В конце концов, их магические устройства были изготовлены из кварца, а Маронда взяла для зачарования алмазы...

К вечеру на берегу Акыр разглядел еще один воздушный “пузырь”: признак открывающегося портала. Шлюпка уже ждала их — близко к берегу, но не настолько, чтобы нельзя было сбежать, если это вдруг окажется не Феликса, а враги. К счастью, опасения не оправдались: из портала выпали Ранжисона, изможденная чародейка с темными мешками под глазами и черными потеками на одежде, всклокоченный Данатос, болезненно бледная Брисигида и обнаженная Анашгара с израненным Лаэртом на руках.

Оказавшись на борту “Ока”, Феликса отказалась что-либо рассказывать.

— Прошу вас, давайте отложим это до утра, — устало отмахнулась она. — Записку Фабио подменили. Остальное объясню утром. Акыр, будь так любезен, отвези нас в Шанафар.

Чародейка прошла к своей лежанке на корме, где спала во время плавания вместо каюты, и тяжело повалилась на нее. Спать Феликса не могла, так что просто лежала, уставившись в небо, стараясь ни о чем не думать.

Анашгара понесла Лаэрта в каюту. Данатос и Брисигида спустились следом; оборотень поддерживал сестру под руку.

— Сука! — выругался Кистень. — Ранжисона! Ну хоть ты Расскажи, что стряслось!

— Отстань, — отмахнулся сардан. — Мы там чуть не сдохли. Дай хоть отдохнуть сначала.

Только Маронда даже не пыталась ни о чем расспрашивать. Она сосредоточенно нашептывала что-то над разложенными на крышке бочки алмазами.

Утром на завтрак явились только Ранжисона и Анаштара. Брисигида и Данатос слишком устали, Лаэрт оправлялся от ран, а Феликса сказала, что не будет появляться на людях, “пока не приведет себя в порядок”. Грязную одежду она сняла и отмылась от пятен крови, но все равно выглядела ужасно. Теперь она действительно походила на ходячую мумию.

— Ей здорово досталось, — качал головой Ранжисона. — Сначала у Илллати — дралась с демоном, а потом нам пришлось уничтожить целое поселение некромантов. Она сожгла огромный кокон из гнилой плоти, и ей сильно поплохело... — сардан поежился, вспомнив, как они сражались с самоубийцей-окуби и уничтожали дома из гнилого мяса. — Брисигида ее вылечила, но понадобилось несколько дней.

— И помощь оборотня, — добавила Анаштара. Она сильно очеловечилась за последние две недели, даже ела человеческую еду — хоть и запивала ее кровью. — Эти колдуны — мерзкие твари даже по моим меркам.

— Потом мы увидели, что вас нет в гавани, — продолжил Ранжисона. — Феликса сказала, что нужно искать знак или записку. Мы обшарили гавань, нашли тубус и светящийся амулет.

— Я же говорил, — сердито зашептал Фабио Акыру. — Все они нашли!

— Тубус оказался поддельным, — вздохнул сардан. — Ранжисона бы не догадался. И волшебница наша тоже не предположила... Лаэрт проверить решил. Башковитый он мужик, конечно...

— Канцелярия ему многое за это прощала, — фыркнул Фабио. — Потасовки с ревнивыми мужьями, например.

— ... И он предложил попробовать обмануть антимагов, — канонир не обратил внимания на ехидное замечание шпиона. — Составил план. Мы вышли на засаду раньше, чем их успели предупредить о нашем приближении.

— Много народу отрядили ловить вашу мертвую чародейку, — хмыкнула Анаштара. — Я наелась от пуза, еще и утомиться успела.

— И поэтому снизошла до бифштекса? — засмеялась Радна.

— Не знаю, — пожалла плечами демоница, беззастенчиво чавкая. — Просто от него вдруг так вкусно пахло. Меня всегда тянет на нормальную еду, когда крови напыюсь.

Фабио и Акыр переглянулись. Им обоим подумалось, что в этом может быть решение кое-какой проблемы.

— Ну, с засадой-то мы в общем справились, — Ранжисона продолжил свой рассказ, прожевав порцию печеной свинины. — Меня ранили слабо, повезло, — он ткнул на повязку на плече. — С антимагами драться не довелось, только с пособниками их. Лаэрту пришлось рубиться сразу с двумя — они его и покалечили. Он прямо там, в лесу, чуть кровью не истек...

Канонир вздохнул и принялся доедать завтрак.

— А что же Брисигида? — спросила Цефора. — Она не могла ему помочь?

— Она и помогла, — дернула плечом демоница. — Как сумела.

— Что значит — как сумела? — нахмурилась целительница. — Что не так?

— Ее душа в смятении, — пояснила Древняя. — Даже не знаю, как это вам, смертным.

объяснить. Когда нет ясности разума, голос богини звучит глуше. Брисигида считает, что сделала что-то неправильно, плохо поступила. Пока ее мучает совесть, ей тяжело обращаться к своему дару.

— И за что, по-твоему, ее мучает совесть?

Анашгара едва заметно вздрогнула. Феликса появилась на пороге кают-компании беззвучно. Лицо она прятала под капюшоном. Голос звучал глухо из-за повязанного через рот шарфа. Даже руки она спрятала в тонкие перчатки.

— Извините меня за такой вид, — чародейка ответила на вопросительные взгляды капитана и остальных. — Я не в лучшей кондиции, а Брисигиде нужен длительный отдых, прежде чем она сможет помочь мне. Или она уже не сможет? А, Анашгара?

— Я не так хорошо разбираюсь в людских душах, — развела руками демоница. — А за что ее совесть мучает... неужто сама до сих пор не догадалась?

— Сойдет за ответ, — Феликса прошла по каюте, села в свободное кресло. — Строго говоря, это твоя вина.

— Не перекладывай на меня ответственность, чародейка, — сверкнула глазами Анашгара. — В том, что происходит между двумя людьми, виноваты только двое людей. Тебе ли не знать?

Феликса грустно рассмеялась. “Мне ли, мертвой влюбленной дурочке, не знать, — с горечью подумала она. — И мне ли не волноваться, что через полгода, когда все мои человеческие эмоции начнут угасать, на этом корабле станет на одного безответно любящего мужчину больше”. Люди за столом недоуменно смотрели то на чародейку, то на Древнюю. Едва ли они понимали, о чем идет речь.

— Ладно, оставим эту тему, — решила Феликса. — Я пришла сюда за другим. Акыр, ты ведь взял курс на Шанафар?

— Да, — кивнул капитан. — Насколько я понимаю, там что-то чрезвычайно важное?

— Если верить видению, которое священная гора Джораакинли даровала Данатосу, — уточнила Феликса, — да. Там мы повстречаем один из ключей к Острову Жизни.

— Один из? — удивилась Цефора. — Я думала, Проводников только двое.

— Как я уже говорила, — напомнила Анашгара, — одних Проводников недостаточно, чтобы попасть на Остров. Мы можем указать путь к нему, но на сам Остров можно сойти, только если с вами та, что способна путешествовать между мирами.

— Странница из мира без сердца, — кивнула Феликса. — Дани видел девушку на окраине Шанафара, которой нужна помощь. Мы не знаем, кто она, но это однозначно относится к Острову.

— Мне известно, что Странница — не человек, — добавила Анашгара. — И даже не одна из нас, Древних. Ее сущность путешествует, и порой для этого приходится менять оболочки. Она может даже не знать, кто она такая.

Феликса обвела взглядом всех, кто сидел за столом. Никто из них ни разу не пожаловался за время их странствий, ни разу не обвинил ее, что вся ее затея слишком опасна. Никто не говорил о том, что вероятность достичь цели ничтожно мала. Практически вся команда вела себя так, будто они выполняли какую-то важную и благородную миссию.

Феликсе было от этого не по себе. Разве такую жизнь заслужили эти люди?..

Человек в черно-белом так боялся смотреть в зеркало, что забыл собственное имя. Еще

одна группа, отправленная в Сарданафар за беглянкой-еретичкой, потерпела неудачу. У дипломатической миссии, которая засекала девушку, дела шли не лучше — как бы не из-за все той же Ферран. Она несколько недель пробыла в лесах и наверняка успела повидаться с племенем влиятельных сардан-магов, Серебристых Форелей, с которыми рано или поздно тоже пришлось бы расправиться.

Координатор миссий в Сарданафаре знал, что теперь вероятность заключения любых договоров в Кессахе равна нулю. Докладывать об этом Владыке казалось равносильным прыжку в вулкан.

Хотя и это сравнение далеко от точности. Гнев Владыки редко оборачивался милосердной быстрой смертью. В конце концов, что можно получить с мертвого?

— Значит, снова неудача, — заметил голос из зеркала после того, как дослушал доклад. — И вдобавок — не одна.

— Еретичка все еще у берегов Сарданафара, — доложил человек перед зеркалом. Он хотел сгладить эффект рассказа о провале — предложить, как все исправить. — Я проанализировал магические аномалии в области. У меня есть предположение, где именно ее искать.

— Сколько людей мы потеряли? — перебил голос.

— Дюжину праведников, — доложил человек. — И две дюжины солдат.

Зеркало вздохнуло практически всей поверхностью. Человек сжался, готовясь защищаться.

— С господином послом осталось еще пять дюжин, не так ли? — пророкотал голос.

— Да, Владыка.

Зеркало молчало долго. Намного дольше обычного. Человек успел забыть не только свое имя, но и как проталкивать воздух в легкие и выпускать его обратно.

— Мы не можем позволить себе расплыть силы, — решил наконец голос. — Рано или поздно еретичке придется вернуться в Арделорею, если она хочет выполнить указ императора. Будет намного проще поймать ее здесь.

— А посол? И, — координатор сглотнул, — мое наказание?

— Наказание? — с легким удивлением переспросил Владыка. — У нас нет наказаний. Праведники лишь учатся, чтобы избежать дальнейших ошибок. Тебе придется учиться на ходу, Фрикос. Нет времени на тренировки. Еретики-водяные становятся все большей проблемой. Даже такие бестолковые идиоты, как ты, будут нужны мне здесь в ближайшее время.

Точно, вот как его зовут. Фрикос. Он Фрикос, и он снова может дышать.

— Свяжешься с послом. Пусть оставят все, что готовили для вождей, и плывут обратно.

Брисигида оклемалась через несколько дней, когда они уже почти достигли цели. Все это время Феликсе как умели помогали Маронда и Цефора. Целительница готовила полезные отвары, а старая волшебница заставляла тело девушки их переваривать и усваивать. Феликса даже не пыталась сама себя лечить: большинство магических действий заставляли черноту с пальцев пробираться выше и выше.

— Некроз нервных окончаний, — авторитетно заявила Брисигида, услышав о ее реакции на магию и постоянную апатию. — То, что ты чувствуешь, лишь защитная реакция твоей нервной системы.

— А такое бывает? — удивилась Цефора.

— Бывает, — с горечью подтвердила чародейка. — Чаще всего у некромантов и личей. Фу, гадость какая!

— Ну, все не так плохо, — улыбнулась жрица. — Ты еще способна чувствовать отвращение, так что не все потеряно.

Феликса натянуто улыбнулась. Она пока еще много всего чувствовала, но после драки с Окуби и антимагами приступы апатии становились все более затяжными.

— Ты просто перенервничала, — уверила ее Брисигида. — Такое и с живыми людьми бывает.

Успокаивало Феликсу только то, что она по-прежнему реагировала на прикосновения Данатоса. От них даже апатия сменялась тихой, размеренной радостью.

В моменты, когда накатывала тоска, когда ей казалось, что она чувствует трупный запах от самой себя, чародейка остервенело намывалась любимым яблочным мылом.

После Брисигиды к Феликсе пришел Фабио. Он редко приходил к ней в каюту и обычно спрашивал о делах. Сегодня он пришел с большой кружкой в руках и был необычайно напряжен и бледен.

— В чем дело? — нахмурилась Феликса.

— Есть способ сохранить тебе человечность, — выпалил шпион. — Теперь мы знаем, где искать Странницу и второго Проводника, а значит, можем примерно подсчитать, сколько времени тебе нужно продержаться. Анашгара проболталась...

— Нет! — ужаснулась чародейка. — Я знаю, о каком способе идет речь, и без этой твари знала. Мне это не по нраву!

— Так ты знала, — ахнул Фабио. — И ничего не говорила!

— И не сказала бы, — Феликса сложила руки на груди. — По-твоему, это нормально?!

Фабио пожал плечами.

— Во всем твоём состоянии нет ничего нормального. Так что я не вижу проблемы, — шпион был, как всегда, рационален.

— Не видит он проблемы, — заворчала чародейка. — Я не собираюсь отпаиваться кровью. Мне-то, в отличие от суккуба, свинья не подойдет! Кого мне просить о такой жертве? Или что, врагам в глотки вгрызаться? Я и так мертвячка, репутация — хуже не придумаешь.

— Но...

— Хватит! — разозлилась девушка. — Как я, по-твоему, пойду к команде с такой просьбой?!

— Да послушай же ты! — Феликса первый раз слышала, чтобы он повысил голос. — Во-первых, у тебя нет выбора! Ты изводишь Брисигиду этими постоянными сеансами целительства. Во-вторых, просить никого ни о чем не нужно. Все уже решено.

— В смысле?

Фабио протянул ей кружку, и Феликса уставилась на нее, будто впервые увидела. Но глиняный сосуд с тонким листовным узором был ей знаком. Дина сделала эту кружку для нее в кессахском порту, выклянчив у родителей поход в гончарную мастерскую. От кружки исходил едва заметный железистый кисло-соленый запах.

— Мы назначили график из добровольцев. Эту кровь отдала Цефора, — пояснил шпион. — Дина тоже хотела, но Брис ей объяснила, почему нельзя.

Феликса уткнулась лицом в ладони. Это ее ужаснуло, и ей стало невероятно стыдно; если бы она могла, то заплакала бы. Но мертвым слез не положено.

— Цефоре будет очень обидно, если окажется, что она напрасно пролила свою кровь, — укорил ее Фабио.

Чародейке было нечего возразить. Она приняла кружку из рук бывшего трактирщика и стала пить, медленно, неохотно, несмотря на то, что вкус крови взрывался сладкими, сводящими с ума каплями божественного нектара.

Когда она допила содержимое кружки, железистый привкус во рту уже казался тошнотворным.

— Спасибо, — выдавила она, возвращая кружку Фабио.

Тот кивнул и собрался уходить, но Феликса остановила его давно беспокоящим ее вопросом:

— Почему они так добры ко мне, Фабио? У вас с Радной не было выбора, но почему остальные поплыли со мной? Вопреки опасностям, вопреки тому... хм... вопреки мне? Мертвой мне?

Фабио приподнял бровь и уставился на нее.

— Ты наш лидер, — сказал он так, словно это все объясняло.

— Да, но почему? — Феликсе казалось, что он не понимает ее вопроса. — Все могли сойти еще там, на Паланийских островах. Могли уйти после Фарниссовых островов. Да и ты мог.

— Мог, — кивнул Фабио, — но зачем? Ради спокойной жизни? Ты наш лидер, — повторил он. — Не денежный мешок и спонсор. Для меня и для большинства других на этом корабле — еще и законный правитель нашей страны.

— А Кистень? Ранжисона? Их парни?

— Не заставляй меня проговаривать очевидное, — поджал губы шпион.

Феликса продолжала выжидательно смотреть на него.

— Для кого очевидное, Фабио? — спросила она наконец со вздохом. — Я не могу объяснить это себе. Я мертвячка. Я девка, — она хмыкнула. — Я бродяга! Я не нравлюсь людям — никто не садится выпить со мной и поговорить по душам...

— Лидер — это не тот, кто всем нравится, с кем весело и приятно, — фыркнул бывший трактирщик. — И не огромный воин, потрясающий мечом с утробным боевым кличем. Люди идут за тобой, потому что ты готова их вести. Потому что взяла на себя ответственность за свои решения и показала им какую-то цель, — он легонько щелкнул ее по лбу, как нерадивую ученицу. — Здесь сплошные авантюристы, искатели приключений — взять того же Ранжисону. Неужели ты думаешь, что они способны отсиживаться в тепле и покое или ходить на торговых судах?

Феликса хохотнула, представив себе Кистеня у штурвала кессахской шхуны с пряностями.

— А ты сама? — продолжал Фабио. — Не ты ли полжизни всем доказывала, что ничем не уступаешь мужчинам? Не ты ли плюешь в лицо страху раз за разом?

— Это называется безрассудство, — буркнула Феликса.

— Ты ведешь этих моряков, этих воинов, к славе. Большинству из них есть чему поучиться у тебя. Вот почему эти люди все еще здесь, — Фабио приподнял кружку. — И вот почему я пришел к тебе с полной крови кружкой. И завтра она будет полна снова.

Глава 5. Боль и голод

В Шанафар решили идти посуху. Большинство остались на кораблях. На берег сошли только Брисигида и сарданы. Жрице тщательно вымазали лицо, шею и руки, чтобы она казалась темнокожей. Грим наносил Лаэрт. В таком виде их группа могла сойти за местных.

Усилия оказались излишни. Корабли стояли в порту; вывески и флаги на улицах развевались — но повсюду стояла тишина, как в послеобеденном саду. Лишь птичьи трели и редкий собачий лай нарушали ее.

Улицы оказались пусты. У некоторых домов попадались опрокинутые бочки, ведра, разбросанный мусор. У строений похлипче снесло крыши, покосило стены. Один из переулков, мимо которого они шли, перегораживало поваленное деревце. Перевернутые лавки, битые глиняные сосуды — все выглядело, как после сильного урагана.

— Можно не сомневаться, здесь была какая-то волшебная хрень, — с важным видом ляпнул Таджи. — Ну, точно!

Они наконец-то увидели людей: тощего паренька в лохмотьях и маленького мальчика в одной грязной повязке. Оба были до полусмерти напуганы. Увидев целый отряд чужаков, они завопили и упали на колени, прижали лбы к утопанной земле.

Ранжисона подбежал к ним и затараторил что-то на местном наречии, размахивая руками. Следом за ним к детям подбежал и Таджи, и братья принялись поднимать бродяг из пыли. Те что-то лопотали, хватали канонира за руки и плакали.

— Что стряслось? — шепотом спросила Брисигида одного из сардан, кто немного понимал по-арделорейски.

— Утром была волна, — поспешно пояснил канонир. — Но не вода. Воздух. Многие люди упали, болели, — продолжил он. — Теперь прячутся. Боятся.

— А эти двое? — встревожилась Брисигида.

— Им негде прятаться, — буркнул другой канонир. — Бездомные.

Ранжисона тем временем подозвал одного из своих людей, вручил ему пару серебрянников и отослал. Таджи тоже обшарил карманы, но искал не монеты, а свой перекус. Он торжественно вручил сверток с вяленным мясом пацанам и тут же схлопотал от старшего брата подзатыльник.

— Ты что! — донеслось до жрицы. — Голодным нельзя сразу мясо!

Брисигида протиснулась между спин сардан.

— Дай помогу, — сказала она Ранжисоне. — Ну-ка...

Девушка давно не видела таких бродяг. В Славире жрицы заботились о том, чтобы даже самый распоследний бедняк был как следует накормлен и мог где-то переночевать. В провинциях дело обстояло похуже, но все же до такого редко доходило: у малыша живот вздулся от голода; оба ребенка явно нередко бывали жестоко биты.

Брисигида боялась сканировать их тела дальше. Молодым мальчишкам нередко доставалось и кое-что похуже побоев. Узнать о таком — все равно что сунуть голову в ведро, полное жидких вонючих помоев, и хлебнуть пару глотков. Жрица вдохнула поглубже и продолжила. Чтобы вылечить человека, надо знать, что лечить.

— Гадство, — прошептала она. — Какие же люди все-таки свиньи... некоторые...

Когда она закончила с лечением, прибежал сардан, отосланный Ранжисоной. Он был зол, а на кулаках Брисигида заметила ссадины.

— Боятся они, значит, — плюнул Ранжисона. — Даже миску бульона отказались продать?

— Считают, что боги гневаются, — ответил ему мужчина. — А все, кто не сидит по домам — грешники, навлекают еще худшую казнь.

— Ранжисона бы им показал гнев, — фыркнул главный канонир. — Как там ваша милая старушка говорит? Наконец охренели!

— Вконец, — поправила безучастно Брисигида. — Вконец охренели... Ранжисона! В Сарданафаре везде так?

Сардан смутился, будто имел какое-то отношение к тому, что по улицам Шанафара шляются голодные беспризорники.

— Не везде, — ответил за него Таджи. — Но много где. Гнид хватает.

Канонир, вернувшийся из таверны, все-таки принес правильную еду для мальчишек. Он дал им большую миску с куриным бульоном и свою походную ложку. Еще одну одолжил Таджи. Бродяжки, уже успевшие проникнуться недоверием и страхом ко всем вокруг, смотрели на него, как на спустившееся с небес божество. Что не помешало им тут же наброситься на еду. Младший потянулся было к мясу, но Брисигида мягко остановила его, а Ранжисона пояснил:

— Рано другое есть. Кишки свернутся.

Старший наелся быстрее и уже всю рассказывал канонирам и жрице, что у них случилось. Таджи и Ранжисона по очереди переводили.

Как уже сказал Брисигиде один из сардан, утром по городку прокатился чудовищный вал, который сломал и перевернул все, что попало на его пути. Мальчишки уверяли, что видели источник ураганной волны.

— Белая дьяволица, — описал ее старший из беспризорников. — Худая, голая. Ее схватили ночью моряки в порту. Делали с ней, что обычно с девками портовыми делают, но дьяволица брыкалась, и ее сильно избили.

Брисигиде вдруг стало чудовищно, невыносимо жарко. Даже лицо запылало. У Таджи на лице появились жесткие желваки. Бродяжка продолжал.

— Мы подождали, пока моряки пойдут спать, и отнесли ее подальше от порта, чтобы они ее больше не трогали. Не смогут найти — не смогут обидеть, — рассуждал мальчишка.

“Мать моя, богиня Триединая, — взмолилась она про себя. — Как допускаешь nepотребство? Разве можно детям так жить?” Жрица, конечно, не винила в людских бедах высшие силы. Просто так было легче собраться и подумать, чем можно помочь.

— Нас застукали, когда мы ее несли на окраину, — хлопнул носом бродяжка. — Били, потом прогнали. А когда хотели белую снова бить, поднялась волна! — он поднял руки, показывая, какая большая она была. — Но нас не сбило. Поэтому люди попрятались, а нас пускать никто не захотел.

— Покажете, где лежит девушка? — спросил Ранжисона.

Парнишка втянул голову в плечи. Младший наконец-то справился с бульоном.

— А вы не будете ее бить? — спросил он хриплым тоненьким голоском.

— Нет конечно, — пробасил сардан. — Если боитесь за нее, проводите только мою подругу, — он показал на Брисигиду.

— Ты ее вылечишь? — Таджи перевел вопрос младшего для жрицы.

Та закивала, с трудом справляясь с тем, чтобы нормально дышать. Руки у жрицы слегка тряслись.

— Проводим, — решил наконец старший из ребят. — Все равно вас больше.

“Белая дьяволица” лежала точно, как описал Данатос: в луже помоев, скрутившись так, будто пыталась спрятаться внутри несуществующей раковины, избитая до черных пятен, до кровавых потеков. На внутренней стороне бедер крови оказалось больше всего.

Брисигида вдохнула и выдохнула, снова вдохнула поглубже. “Только не впадать в ярость, — приказала она себе. — Злость не исцеляет ран. Неистовство не помогает срастаться костям. Ох, Триединая, прибуди со мной, пока я не впала в греховный гнев!”

Сарданы достали приготовленные жерди и ткань, соорудили крепкие носилки. Ранжисона и в одиночку был способен унести бедняжку, но Брисигида настояла на носилках — чтобы не тревожить девушку лишними переключиваниями.

— Так вы ее знаете? — удивился старший из их помощников.

— Нет, — покачал головой Таджи. — Мы только знали, что здесь есть человек, которому нужна помощь.

— Что теперь будет с ними? — Брисигида кивнула на мальчишек. — Им нельзя здесь оставаться.

— Эй, ребятки, — Ранжисона присел перед бродягами на корточки. — Вас теперь здесь невзлюбят, наверное?

Старший пожал плечами.

— Кто нас когда любил, — равнодушно ответил парнишка.

— Осилите пару дней пути?

Мальчишки переглянулись. Оставаться в городе было страшно, но уйти — тоже.

— Мы не умеем охотиться, — насутился старший.

— А если мы дадим вам припасов? — подхватил один из сардан. — И провожатого?

Ранжисона коротко взглянул на него и кивнул, мол, верно, сам и пойдешь.

Младший без раздумий прилип к высокому чернокожему воину, обхватив тонкими руками его колени — выше достать не мог. Сардан неловко улыбнулся, потрепал малыша по голове.

— Ранди чует хороших людей, — сдался старший. Подумал немного и добавил, будто пробуя давно забытое слово на вкус: — Спасибо...

— Добро, — расцвел в улыбке Ранжисона. — Припасов захватим, и мой друг отведет вас туда, где живет моя невеста, Афанса. Но у нее не забалуешь! — он шутливо погрозил пальцем. — Нужно будет по хозяйству помочь. Воду носить, скот пасти...

Старший гордо вскинул голову.

— Мы бездомные, а не лентяи!

Феликса никогда не видела Брисигиду в такой ярости. Она ходила по палубе — скорее даже бегала — как дикая кошка, фыркающая, вскрикивая и рыча.

— И эти животные называют себя людьми! — взревела жрица, завершая рассказ. — Говорят про богов! Ублюдки крапивные, да чтоб на них сифилис напал!

Феликса прыснула в кулак. Брисигида не использовала совсем непотребных ругательств и обычно старалась избегать любых браных слов. Но если уж начинала ругаться, то делала это тонко и изобретательно. Даже Кистень спрятался за бочкой и свернутым парусом, чтобы послушать.

— Заячьи задницы! Фекалии рыбы! Кастрировала бы каждого тупым ножом!

— Хочешь, дадим залп по порту, — предложила Феликса.

— Хочу! — взвизгнула жрица. — Вот хочу! Как можно так обращаться с женщиной! С детьми!

Феликса начала считать. Пять. Четыре. Три. Два. Один...

— Нет конечно, не вздумай! — уже тише крикнула жрица. — Мы-то не скоты! Ты не скотина, и я не скотина...

— ... Но рожи им начистить было бы честно, правда? — ухмыльнулась чародейка. — Или пусть посмотрят на настоящего демона. Анашгара не проголодалась, случаем?

Брисигиду как ледяной водой окатили. Она тут же застыла на месте.

— Довольно, — жрица сделала несколько глубоких вдохов-выдохов. — Все. Нет. Я против насилия. Это глубоко несчастные...

— ...ублюдки...

— Люди! — твердо договорила жрица. — Непорядочные, жестокие, невежественные — и потому несчастные — люди. Я очень расстроена...

— ... тем, какие они вонючие сифилитики...

— Их низкими поступками, — Брисигида постепенно приходила в себя, несмотря на ехидные ремарки подруги. — Но я им не судья.

— Ты начинала лечение? — Феликса перестала шкодно ухмыляться. Жрица успокоилась, и теперь ее можно было спокойно расспросить. — Она все еще без сознания?

— В отключке, — кивнула Брисигида. — Никакие исцеляющие заклятия на нее не действуют. Ни молитвы, ни чары, ни амулеты. С ней Цефора.

— Обычные средства помогают? — уточнила Феликса.

Брисигида кивнула.

— В таком состоянии нельзя расспрашивать девушку, даже если она очнется, — предупредила жрица. — Не исключено, что она нам тут все разнесет. Я бы по возможности переместила беднягу на корабль Беора. Его не так жалко... Когда ей станет лучше, конечно же.

— Нет, — покачала головой Феликса. — “Око Бури” прочнее. Ранжисона тоже считает, что девушка может быть опасна, поэтому принес ее туда, где мы можем защитить и себя, и ее саму.

— А ее зачем? — нахмурилась Брисигида.

— Если она не контролирует собственную магию, может навредить себе.

— Как-то я об этом не подумала, — жрица потерла висок.

Феликса приобняла подругу, хлопнула по плечу.

— Помоги лучше пока Лаэрту, — сказала она. — Остальное оставь мне.

С тех пор, как волшебницу стали отпаивать кровью, ей стало намного легче. Закостеневшие мышцы разглаживались, ток крови улучшился, и у нее исчезли болезненные пятна по всему телу. Первое время она снова начала чувствовать боль, но за пару дней все прошло.

Даже этой боли Феликса радовалась, как старому другу. Приятно было почувствовать себя снова хоть немного живой.

Одну из полных чаш ей принесла Ринна. Чародейка предлагала ей остаться с Форелями, потом поселиться в Кессахе, сейчас — отправиться к невесте Ранжисоны вместе с мальчишками. Предлагала оплатить ей проезд на любом корабле, идущем к Тандару, в порту. Охотница отказывалась раз за разом, ничего не объясняя. Феликса часто видела ее,

играющую с псом на верхней палубе: когда Харм убежал за брошенной палкой, Ринна рассматривала свои руки, раз за разом. Кажется, никак не могла привыкнуть к собственной гладкой коже.

Крови охотница налила щедро, в самую большую кружку, какую нашла. Ринна не ушла, пока не убедилась, что Феликса выпила все до дна, и лишь тогда сказала: “Не думала, что свобода от Беора и сраного демона обойдется мне так дешево. Не вздумай помереть раньше, чем оживешь. Я все еще считаю себя твоей должницей, волшебница”.

Многие члены команды, принося кровь, говорили что-то похожее. Кистень постоянно шутил, что Феликса слишком молода, чтобы ходить среди мертвых, или что это его единственная возможность без зазрения совести рассказывать портовым девкам, что он “анператорский шкипер”.

Несмотря на все усилия, спала чародейка по-прежнему плохо: к середине ночи выпитая кровь уже почти не действовала. Феликса все равно закрывала глаза и пыталась представить себе, какие могла бы сейчас видеть сны. Исполинские диниции с чуть слышно шелестящими коконами домов Форелей. Плавание между корней мангров. Полет в глубокую реку с водопада...

Горящие кошачьи глаза среди листвы.

“Надо позвать Дани, — подумала Феликса. — Он наверняка поможет девушке прийти в себя!”

Данатос вместе с Ранжисоной пытался ловить рыбу. Возле сардана стояла полная улова кадучка. У оборотня в ведерке лежала пара рыбин. Но он явно не расстраивался из-за скудной добычи: судя по всему, Данатосу нравился сам процесс. Он как загипнотизированный следил за поплавком и постоянно упускал момент, когда нужно доставать удочку.

— Сегодня едим окуней? — улыбнулась Феликса, подходя к рыбакам.

— Если Ранжисона с нами поделится, — перевертыш стрельнул глазами из-под опущенных ресниц. — Моего улова разве что Дине на ужин хватит!

— Ранжисона поделится, — хохотнул сардан. — Мои парни сами себе наловят. А тебя кормить надо хорошо, оборотням вес лишним не бывает!

Оба рассмеялись: Данатос на недостаток массы никогда не жаловался, даже в самые голодные дни.

— Ты не ходил к Странице? — тихо спросила чародейка, когда Ранжисона ушел со своим ведром с рыбой, чтобы отдать его Радне и кокам.

— Думаешь, это она? — заволновался Данатос. — Джораакинли показала мне эту девушку, но я не уверен, что это сама Страница.

— На нее не действует наша магия, — пожал плечами Феликса. — А свою она толком не может контролировать. Мне кажется, это похоже на того, кто путешествует между мирами.

Оборотень запустил пальцы в волосы, сжал губы.

— Не случилось бы беды, — выдавил наконец он. — Если на нее не действует магия, мало ли, как она отреагирует на меня?

— Я подстрахую, — пообещала Феликса. — Посоветуемся с Марондой...

— Ну... — Данатос вздохнул. — Давай попробуем.

Маронда раскладывала у себя в каюте таро, когда Феликса постучалась к ней.

— И года не прошло, — фыркнула старуха.

— Что ты имеешь в виду? — насупилась чародейка.

— Решила наконец-то посоветоваться?

Феликса поджала губы. Наставница была попросту не в духе, а значит, станет использовать малейший повод, чтобы ворчать. Феликса по опыту знала: умасливать старую волшебницу бесполезно — на лесть та только злилась.

— Я подумала, что Данатос может помочь восстановиться нашей подопечной, — объяснила Феликса, даже не пытаясь привести Маронду в более доброжелательное расположение духа. — Однако на нее не подействовала целительная магия. Наблюдательные чары тоже рассеиваются в каюте, где она лежит, — продолжила она. Маронда пока не реагировала, но Феликса знала, что старуха внимательно слушает. — Дани опасается, что его присутствие может сделать хуже.

— Опасается правильно, — заворчала Маронда, — но худа не будет.

— Объяснишь? — коротко уточнила Феликса, не особо рассчитывая на ответ.

Маронда закатила глаза, вытащила еще одну карту.

— Ни в одном обитаемом мире не найдется человека, — вздохнула старуха, — а хоть бы и не человека... который не любил бы котов. Разве что такой человек по природе своей двуличная скотина.

Феликса хмыкнула, но спорить не стала. Когда-то она сама не слишком жаловала усатых-хвостатых. Однако относительно Данатоса утверждение Маронды можно было принять за прописную истину.

Матинеру поразила Джамира до глубины души. Почему-то он думал о поселении элементарей как о женщине — тихой, мягкой, хитрой и сильной одновременно. Города всегда казались бывшему антимагу уродливыми искажениями природной красоты камня.

Матинеру стояла такой красавицей, что у горца язык не поворачивался назвать ее городом. Хоть размер и соответствовал.

— Нравится тебе у нас, смотрю? — Джамира сопровождала целительница Аня. Он никак не мог привыкнуть к ееговору. Зато из-за этого ни слова не пропускал из того, что та говорила.

— Это самая красивая... э-э-э... красивое...

— Не-не, говори — красивая. Матушка Матинеру.

— Здесь чудесно, — вконец стушевался горец. — Что значит Матинеру?

— Око воды, — пропела Аня. — Это на языке Древних, говорят.

Матушка Матинеру скрывалась в подземных и подводных пещерах. Вход в комплекс проделали в нагромождении скал и валунов, так, что непривычным глазом не сразу узнаешь. Несколько узких каменных лестниц начинались в разных частях крупной скалы и сходились вместе под землей, как цветочные лепестки.

Вдоль главной лестницы, вырубленной в незнакомом Джамиру белом камне, светились бирюзовые потоки воды. Этого струящегося света хватало, чтобы не споткнуться на ступенях и даже разглядеть барельефы на стенах туннеля. На самые большие — и важные — изображения падали солнечные лучи через систему зеркал и отверстия в скале. Кажется, их нарочно для этого вырубили.

Жилые кварталы строились уровнями вдоль стен пещер и соединялись хрупкими полупрозрачными мостами и лесенками. Днем Матинеру переливалась мириадами

хрустальных бликов: элементали волшебной поддерживали водяные светильники. Эти исполинские водопады струились по стенам тонким ровным слоем и в каждой капле несли свет с поверхности земли. В итоге поселение напоминало исполинский колодец произвольной формы, сверкающий от волшебных бликов.

Джамир ждал, что из воды вот-вот посыпятся летающие рыбы, феи в розблесках бриллиантов или еще что-то невыносимо волшебное.

Нижние кварталы выходили на белый песчаный берег подземной части Каракача. Вблизи Джамир заметил, что песчинки — на самом деле крохотные матовые хрусталики, совсем как дивный камень, из которого состояли лесенки между уровнями.

С хрустального пляжа уходила в туннель узкая тропа. Элементали называли ее священной.

— Куда ведет святая тропа? — любопытно спросил Джамир.

— К колодцу, — охотно рассказала Аня.

— Зачем же элементалям воды колодец? — удивился антимаг. — Разве тут нечего пить?

— Э-и-эх, драке ученый, а умом ленивый, — поддела его целительница. — Священный колодец, древний. Источник нашей силы — так говорят.

— И это правда?

— А кто ж его знает? — пожала плечами Аня. — Не всяк по тропе имеет право пройти. Глядун ходил, его спроси. Токмо он не расскажет. Он даже антимагу беглому не сказал.

— Это ничего. Я знаю, что такое святыня. Лезть не стану. Умом-то я не ленивый, а скудный... бабка мне так говорила.

Элементаль почему-то разозлилась.

— Умом скудный — это коли мычишь и слов связать не можешь! — фыркнула она. — Бывает, конечно, что мозга выдающаяся, не как у простого люда. А все же, кто размышлять не научен, тот ленивый! И неча на глупость сваливать.

Джамир от этой тирады втянул голову в плечи. Ему вдруг очень захотелось спросить, где здесь библиотека, и начать читать какую-нибудь книгу.

Все самое важное в Матинеру располагалось как можно дальше от выхода — кроме казарм и лазарета. Стражи от обычных людей и других магов почти не отличались, разве что по выправке Джамир понимал, что перед ним защитник Матушки. Солдат здесь называли “иосами” или просто сынами.

На нижнем уровне находился и госпиталь, где пару дней пролежал Джамир и где до сих пор выздоравливал Аянир. После прогулки с Аней антимаг вернулся туда, чтобы проведать цесаревича.

— Здравствуй, Джамир, — поздоровался с ним друг. — Как тебе город?

— Города — уродство, — ляпнул горец и тут же покраснел. — Но не этот. Не эта...

— Точно, — усмехнулся Аянир. — Здесь всем заправляют мужчины. Но родину почитают как мать. Совсем как в столице. Было...

— Как твои дела? — сменил тему Джамир. — Долго еще продлится исцеление?

— Еще несколько дней, — поморщился цесаревич. — Ядом меня попотчевали. Жрицу бы... но и элементали справляются намного лучше большинства целителей.

— Леветир к тебе приходил?

— А как же. Он каждый день заходит. Советуется.

— Кто он такой? — не выдержал антимаг. — Делает вид, будто нет никто и звать

никак. Аня над ним посмеивается. Но каждый здесь его, сопляка, слушает и делает, как он сказал. Даже капитан иосов!

Аянир улыбнулся, прищурил глаза, сел повыше на кровати. Посмотрел на Джамира, как на младенца.

— У элементарей нет правителей. Здешняя власть — гидра, и каждой голове плевать, которая из них самая важная, до тех пор, пока все в безопасности. Девять самых влиятельных людей образуют городской Совет, и каждого в Совет гнали чуть ли не насильно. Каждый житель знает, что власть членам Совета в тягость, — цесаревич заулыбался еще шире. — Это неофициальные должности. Они абсолютно ничего не дают. Идеальный аппарат управления.

— А если кто-то обманом попадет в Совет? Притворится добродетелем?

— Леветир выведет его на чистую воду, — совсем развеселился Аянир.

— Так он член Совета? — запутался Джамир.

— Леветир — тело гидры. Тот, кто способен вырастить на месте отрубленной головы две других.

— Я не понимаю, — признался антимаг. Он твердо решил наведаться в местную библиотеку, если ему позволят.

— Это ничего, — утешил его Аянир. — Главное, что тебе нужно знать о нем, это то, что Леветир — единственный человек, которому я доверяю безоглядно. И ты в нем не сомневайся.

Данатос выбрал обличье поменьше и поспокойнее: породистого домашнего полосатого кота. Феликса уговорила-таки Маронду помочь ей прикрыть оборотня, если что-то пойдет не так. Кажется, старая волшебница согласилась только потому, что считала, что ничего такого случиться не может. Но Цефору попросили на всякий случай спрятаться подальше, на верхней палубе или в трюме.

Кот прошел в каюту, потерялся о косяк. Странница — если это и правда она — лежала на кровати, вся в повязках и примочках, окутанная облаком резкого запаха от мазей. Феликса не успела толком разглядеть ее, когда сарданы доставили девушку на борт.

Сейчас она не могла понять, что же ей показалось таким жутким и потусторонним. Обычная девушка. Такая могла бы жить где-то в пригороде Славиры, выращивать зелень на продажу и помогать почтенному отцу в гончарной мастерской, а заодно гонять младших братьев от только вылепленных заготовок. Русые волосы, светлее, чем у Феликсы, но темнее, чем у Брисигиды. Простое лицо с чуть вздернутым курносом носом. Маленькая, немноготошавшая и бледная.

Феликса вздрогнула от внезапного озарения. Такой изображают младшую из ипостасей богини Триединой, юную деву: простая девушка невысокого роста, иногда в бледной россыпи веснушек, худощавая, будто стесняется проглотить лишний кусок. Чародейка вдруг преисполнилась уверенности, что если Странница откроет глаза, то взгляд будет как у древней старухи, старше Маронды, старше Анашгары — а может, и самой Джораакинли.

— Не уверена, что мы сможем что-то сделать, если она разозлится... — шепнула Феликса наставнице.

Та усмехнулась уголком рта. Можно не сомневаться: старуха сразу рассмотрела то, что дошло до Феликсы пару мгновений назад.

Данатос тем временем прошел к кровати и легко вспрыгнул на нее, лег к девушке под бок. Феликса видела, как чутко подрагивают настороженные уши, как дергается из стороны в сторону кончик хвоста. Странница шумно вздохнула, застонала, вцепилась правой рукой в простыню. Феликса услышала тихий звон: мелко переливались колокольчики на посохе Маронды.

Девушка на постели застонала громче. Стон был обрывистым, невнятным. Так звучат кошмары в устах сновидца. Цефора предупреждала их, что ее подопечная порой бредит и видит страшные сны. В такие моменты, по словам целительницы, в каюте начинали подскакивать вещи.

Странница вскрикнула, и все в каюте взмыло, зависло в воздухе. Феликсе и Маронде пришлось уцепиться за прибитые к полу шкафчики. Предметы начали кружиться, беспорядочно летать и падать. Мимо чародеек пролетела и со страшной силой ударилась о стену деревянная миска, в которой Цефора смешивала мази. Край миски треснул.

— Все еще уверена, что волноваться не о чем? — Феликса бросила яростный взгляд на вцепившуюся в комод Маронду.

— Посмотрим, — прошипела старуха, пытаясь удержать свой посох.

Напряжение в каюте нарастало: вещи бились о стены, рискуя покалечить двух женщин у двери; стакан с водой, в котором целительница смачивала повязки, разбился совсем рядом с виском Феликсы. Дышать в такой дикой круговерти становилось тяжело.

— Ты ведешь себя не как кот! — сердито прошептала Маронда. Феликса надеялась, что Данатос расслышит ее за стуком посуды и свистом воздуха. — Сделай что-нибудь кошачье!

Феликса в очередной раз уклонилась от летевшего в ее сторону предмета. “Маронда что-то мудрит, — раздраженно подумала она. — Как можно сделать что-то кошачье? Лапу начать вылизывать? Он и так лежит под боком, мохнатый и теплый...”

Данатос обернулся на них, тряхнул усатой мордой и...

...замурлыкал. Так, что было слышно даже сквозь звуки летающих и бьющихся предметов.

Вещи тут же попадали на пол. Правая рука девушки, вцепившаяся в простыню, мгновенно разжалась. Левая неуверенно вздрогнула. Данатос, заметив это, подался головой вперед, ткнулся в бледную ладонь.

— Котик... — выдохнула Странница, не открывая глаз. — Не уходи, пожалуйста...

Феликса тяжело привалилась к стене. Она вся успела покрыться испариной. “Уже и забыла, каково это — потеть от страха, — усмехнулась она. — Надо было ближе к вечеру идти, когда кровушка выветрится...” Данатос исправно мурлыкал, подставлял голову под ласковую руку.

Феликса отдышалась, нашла на полу опрокинутый табурет, села на него. Маронда предпочла крепкий стул — он твердо стоял на ножках. Тоже был прибит к полу, как и другая мебель. Чародейка заметила, что из ножки кровати торчат расшатавшиеся гвозди.

— По-арделорейски говорит, — заметила шепотом Маронда. — Только как-то странно. Половину звуков как будто глотает...

— Я такого акцента не знаю, — так же тихо ответила Феликса. — Ни на юге, ни на востоке так не говорят.

Данатос посмотрел на Маронду, прижал уши: мол, нечего тут болтать понапрасну. Феликса подняла треснувшую миску — там еще оставалось немного мази. Цефора просила по возможности сменить повязки на ногах. Чародейка аккуратно сдвинула одеяло, и ее

пробрала дрожь: часть бедер все еще была в крови. Отмыть девушку толком не удалось. Как только к ней прикасались, даже если это были женские руки, Странница дрожала и начинала кричать.

А вместе с криком поднимался ураган.

Чародейка как можно аккуратнее сняла несколько повязок с внешней стороны бедер — девушка даже не вздрогнула. “Фиговый из меня целитель, — досадовала она. — Но звать ради такой мелочи Цефору... и так вторые сутки с ней возится”. Феликса нанесла мазь, стараясь вспомнить и как можно точнее повторить действия Цефоры и Брисигиды. Когда мазь впиталась, Феликса прикрыла раны мягкой тряпочкой, не затягивая.

“Всю жизнь от целительства нос воротила, — Маронда воспользовалась телепатией, чтобы не тревожить больную. — Но избежать не избежала!” Феликса закатила глаза: “Хоть несколько минут могла бы без ворчания обойтись”, — ответила она наставнице.

— Кто здесь? — раздался хриплый шепот.

Феликса оказалась права: когда Странница наконец открыла глаза, те разительно отличались от остального лица, молодого и наивного. Без всяких морщин они казались частью древнего создания — два серо-зеленых источника; бесстрастные, глубокие, вечные.

— Друзья, — тихо ответила Феликса. — Мы забрали тебя на корабль, чтобы никто не обидел.

— Чтобы... — девушка прокашлялась. — Что? Никто не обидел?

Феликса прикусила губу. “Не сказать бы чего злого, — остереглась она. — Что из случившегося она запомнила?”

— Двое мальчишек, — девушка повернула голову к Феликсе, продолжая рассеянно гладить Данатоса в кошачьем обличье, — что с ними стало? Их не убили?

— Они живы и в полном порядке, — заверила ее чародейка. — Мы увели их из города.

— Зря, — вздохнула Странница. — Я хотела их поблагодарить...

— Мы заботились об их безопасности, — нахмурилась Феликса.

Девушка с глазами старухи посмотрела на волшебницу с легким прищуром.

— Почему я должна тебе верить? — сухо спросила она. — Или ей, шепчущей за моей спиной прямо у тебя в голове? — она кивнула на Маронду.

Старуха вздернула бровь и сложила руки на груди.

— А ты не должна, — хмыкнула Маронда. — Уж ли силенок не хватит самой разобраться?

Странница опустила веки. В каюте снова все задрожало, но не взлетело.

— Не могу, — прошептала девушка. Из-под век скатились две крупные капли. — Не выходит...

— Отдохни, — предложила ей Феликса. — Дани, ты побудешь с ней еще?

Кот-оборотень коротко мяукнул, показывая готовность помочь.

— Чудны дела твои, матушка... — шепнула Странница, с трудом поворачиваясь на бок. — Ладно, волшебница. Будем считать, что ты не злая. А теперь, пожалуйста, уйди.

Феликса помогла Маронде подняться с низкого стула, и они вышли из каюты. Мурлыканье Данатоса было слышно даже сквозь закрытую дверь.

Когда Джамир покинул госпиталь, элементали предоставили ему жилье в почетном районе — на одном из нижних уровней города-колодца. Как и другие здания, его домик

сложили из матового белого камня, такого же, как стены пещер Матинеру. Камень казался не слишком прочным, зато на нем не сказывалось постоянное соседство с водой.

Самые богатые дома — и самые старые — строились из мрамора либо были им облицованы. В технологии Джамир понимал мало, зато точно мог сказать, что без его соплеменников такое строительство вряд ли обошлось. Другие строения обкладывали плинфой, тоже белой.

Леветир стал заглядывать к антимагу почти так же часто, как к цесаревичу. Элементаль задавал много вопросов про Цитадель, но еще больше — про земли горных магов, элементарей земли. Джамир честно старался вспомнить все, что мог, понимая, что это нужно для борьбы с узурпаторами. Но вспоминалось обидно мало.

— Должно быть, детские годы были не самыми счастливыми, — почесал затылок Леветир после очередного “не помню” Джамира. — И память тебе с милости богини отшибло.

— Я уже говорил тебе, я жил с теткой. У нее было еще трое своих, все старше меня. Спал в сенях, ел, что останется, от работы по дому отлынивал. Поколачивали меня временами, так у детей это запросто, всегда так.

Элементаль сдвинул брови.

— Не припомню, чтобы моя покойная матушка говорила мне, что можно бить других детей, — выдавил он наконец. — Ты помнишь, как оказался у тетки?

— Я был сопляк совсем, — пожал плечами антимаг. — Тетка сказала, что отца за долги забрали, а мать одна не справилась. Пуп надорвала и заболела.

— Ваши старейшины не заботятся о тех, кто потерял кормильцев? — нахмурился Леветир. — Я слышал, некоторые народы выдают вдов замуж за кого-то из родственников или друзей погибшего.

— Должником быть позорно. Никто не захотел брать мать к себе, наверное, — вздохнул Джамир. — Разве это все важно? Уж какое было детство, и семья какая нашлась. Других уже не будет.

— Цесаревича ты ценой жизни был готов защищать, — протянул Леветир. — На такое и за брата не каждый пошел бы.

Антимаг замолчал — задумался. Что ему с цесаревича? Разве что бежать помог. Вот только и жаль его, умного, до одури.

— Ему-то с семьей меньше моего повезло, — ответил наконец Джамир.

— Не всякий, кто нам близок по крови, — семья, — покачал головой Леветир.

Бывший антимаг решил, что это справедливо, хоть и непривычно. Он вспомнил, что в Цитадели запрещали выдавать кому-либо свое имя: порой и соратники не знали, как кого зовут, использовали прозвища. Только Владыка владел всеми настоящими именами. И убитый Джамиром палач.

Леветир пил горячую сумаду с травами. Джамир как-то попробовал сумаду неразбавленной и долго плевался от сочетания приторного сиропа и миндальной горечи. Наверное, поэтому разбавленной сумада ему тоже не понравилась, как бы местные элементарии не нахваливали свой любимый напиток. В итоге Аня посоветовала ему малотиру, чай из горной травы-железницы, которая росла только у берегов Каракача. “Горцу — горное питье”, как она сказала.

Малотира пришлась Джамиру по вкусу. У него на родине таких трав не встречалось, но это несколько не мешало.

— Наверное, Аянир мне теперь больше семья, чем тетка, — признал горец. — Он был добр ко мне. И терпелив. Спас жизнь, впустил в свой дом, отвечал на все мои вопросы.

— Более чем достаточно, чтобы привязаться к человеку, правда? — улыбнулся элементарь. — Хочу познакомить тебя кое с кем. Допивай чай и пойдем. Если у тебя, конечно, нет других планов, — ехидно добавил он.

Джамир только хмыкнул. За несколько недель, проведенных с цесаревичем и в Матинеру, у него возникло новое чувство, прочно утерянное за годы в Цитадели. Он не взялся бы описать его словами. Человек творческий сказал бы, что антимаг, сняв черно-белую маску, отмывал клочок за клочком собственное лицо от толстого слоя пыли.

Они шли через несколько уровней вверх, каким-то окольными тропами в скале. Джамир не мог знать, что провидец элементарей нарочно ведет его туннелями, избегая тонких полупрозрачных мостов — видел, что горец их опасается, хоть не раз имел возможность убедиться в их прочности. Горец только вертел головой по сторонам: потоки, стекающие со скал, запускали множество механизмов и странных машин. Джамиру удалось узнать только водяную мельницу, причудливо вырезанную из незнакомой древесины и снабженную зачем-то дополнительно системой противовесов.

— Так куда мы идем? — спросил антимаг, устав удивляться устройству города в этой части пещер.

— Помнишь, ты спрашивал Аянира, почему его недостаточно, чтобы повести сопротивление в бой? — Леветир дождался, пока Джамир кивнет. — Я веду тебя к тем, кто знает ее лучше цесаревича. Кто уже видел, на что она способна, так или иначе.

Элементарь снова повел его обычными мостами. Туннели и механизмы на водных потоках остались позади. Джамир отметил, что они все еще достаточно низко, в престижных кварталах.

Леветир свернул к одному из самых больших зданий уровня. Оно прилипло к стене пещеры белокаменным полукругом. Крыша была таким же гладким куполом, как на здании лазарета, только виднелся над ним тонкий хрустальный кончик шпиля. Тот же хрусталь украшал резные белые колонны: на искусно выточенных цветах и травах мерцали в колдовских отблесках водопадов каменные капли — как роса.

— Это малая ратуша, — рассказал элементарь. — Здесь Совет Матинеру собирается, чтобы обсудить не очень важные вопросы. А еще мне здесь выделили кабинет. Как будто он мне нужен...

Джамиру послышался тонкий перезвон, и он быстро понял, откуда доносится звук: с края купола свисали каплевидные подвески. Там сидела маленькая птичка, бирюзовая, с желтым горлом, и ее лапки задевали подвески.

— Опять щурка заблудилась, — улыбнулся Леветир. — Бывает, что и алкионы залетают... как их по-вашему, столичному... зимородки, точно. Но редко. У них гнезда недалеко, а сюда они на блеск летят. Правда, потом совсем перестанут. Зима скоро.

Они вошли внутрь под хрустальный звон, чуть задержались на входе у алькова с алтарем Триединой, сделали несколько шагов по короткому коридору и оказались в просторном зале. Волшебный светильник из тысяч флюоритовых капель освещал длинный стол и множество кресел с высокими спинками, обитыми темно-синим тисненым велюром. Семь из них занимали люди: мужчина с проседью в волосах и выправкой солдата, двое юношей чуть старше Леветира, три девушки примерно того же возраста и одна совсем молоденькая, почти девчонка.

— Леветир! — обрадовался один из юношей, строгий, с печальными темными глазами. — Мы тебя ждали. Думали, что ты сегодня опять не придешь.

— Ой, прям, — отмахнулся элементаль, — как будто без меня не знаете, что делать. Вот, привел вам помощника.

— Тот антимаг? — прищурилась одна из старших девушек. Джамиру бросилась в глаза ее красота — навязчивая, как запах в нагретом розарии. Толстая светлая коса, синие глаза, темные брови, крупные яркие губы. И множество украшений в волосах, на шее и пальцах, целая россыпь колец. — Как мы можем ему доверять?

— Опять кабенишься, — Леветир скривился и сложил руки на груди. — Ишь, боярыня Горислава! Так и будем бодаться при каждой встрече?

Красавица надулась и замолчала. Другая девушка, сидевшая рядом с пожилым солдатом, закатила глаза, а потом улыбнулась Джамиру.

— Не обращай внимания. Горислава с детства привыкла, что все перед ней лебезят и на задних лапках ходят. Старший боярский род, единственная дочь...

— Да умолкни ты! — выплюнула “боярыня”.

— ...а теперь живем с ней в одинаковых домах, — проигнорировала ее девушка. — Меня зовут Дафна. А это мой отец.

Солдат приподнялся со стула.

— Пеней Потоми, — представился он с легким поклоном.

— Джамир Булат-улы. — Он так долго не произносил полное имя, что едва не подпрыгнул, услышав свой голос.

Третья из старших девушек подняла бровь, стрельнула глазами в сторону Гориславы и тут же расплылась в улыбке.

— Графиня Кирипина Озимова, — проворковала она. — Не боярыня, конечно. Ну да чего уж теперь титулами мериться, а, ваше сиятельство Горислава?

— Ладно, ладно, это ведь я начал. — Леветир поднял руки, призывая девушек не ссориться. — Горислава из рода Залесских. Таких, как Горислава, могли бы сватать за Аянира... ну, если бы не случилось то, что случилось.

Горислава выпрямилась со звоном и перестуком бесчисленных драгоценностей, поджала губы и сложила руки на груди.

— Да, я боярыня, — надменно выговорила она. — Боярыня Горислава Залесская. В моем роду были императрицы! Но родители и цесаревич признают местную власть, так что говори, юный провидец, зачем здесь он. И почему я, оставшись без свиты и стражей, не должна переживать?

— Сколько раз тебе повторять, красавица, — вздохнул Леветир, — Совет — не власть. Они управляют, но не правят. Но если тебе так нужны авторитеты, спроси Его Императорское Высочество Аянира Сперо. Джамир спас ему жизнь, едва ли не ценой собственной.

Элементаль чуть наклонил голову и выразительно посмотрел на Гориславу. Та вздохнула, кивнула и положила ладони на стол: мол, так и быть, продолжай.

— Джамир поможет Феликсе составить план против антимагов Аннаиры, — Леветир сел сам и предложил место горцу. — Я думаю, ему будет полезно узнать немного о будущей правительнице. А также о вас, ее верных союзниках.

Один из парней, темноглазый, который молча усмехался, глядя на ужимки Гориславы, протянул Джамиру руку, совсем как простой человек, незнатный.

— Меня зовут Горан Ослона, — представился он, деликатно сжимая ладонь. — Моя младшая сестра, Теона.

Джамир привстал и поклонился девочке. Та ответила кивком и теплым взглядом. Ее брат посмотрел на товарища, юношу с длинным русым хвостом и бледным лицом с по-девичьи тонкими чертами. Юноша пригладил короткую бороду, покачал головой, но тоже протянул руку бывшему антимагу.

— Меня зовут Ладомир Кралевич, — он чуть растягивал слова, а руку сжал слабо и мимолетно. — Кира... Кириппина — моя невеста. У нас должна была быть свадьба в конце лета. Так что Аннаиру мы недолюбливаем чуть сильнее прочих. Что касается Феликсы... — он хохотнул и сцепил пальцы. — Думаю, пусть лучше Горан сначала рассказывает.

Горан и Теона переглянулись и тоже заулыбались. Джамир решил, что они с Феликсой близкие друзья, раз Ладомир так сказал.

— Мы виделись всего пару раз, — тут же опроверг его догадку Горан. — Я учился в славирской Академии на пару курсов старше, вместе с Ладомиром. Но он с ней, можно сказать, ха-ха, поближе знаком!

Ладомир потер переносицу и покачал головой — вроде неодобрительно, но с легкой улыбкой. Так вспоминают справедливое наказание родителей за детские шалости.

— Но нам герцогиня Ферран оказала услугу, за которую жизни мало расплатиться, — добавил Горан. — Когда Теона была совсем маленькой, она заблудилась в лесу. Моя вина в этом тоже есть...

— Мы говорили об этом много раз, брат, — мягко прервала его темноволосая девочка, представленная сестра. У нее оказался неожиданно взрослый низкий голос, приятно переливающийся и вибрирующий на окончаниях слов. — Твоей вины здесь не больше, чем моей или родителей.

— В любом случае, — он кивнул, соглашаясь, — в лесу на нее напали чудовища. В то время находили много заброшенных магических лабораторий, последствия деятельности антимагов в том числе. Возле таких мест разбредались... эм... результаты экспериментов. Мутанты, редкие существа. Теона столкнулась с гулями, но отец вовремя нашел ее.

Джамир увидел, как девочка приложила три пальца к щеке.

— Да, на этом месте у нее были шрамы от когтей, — продолжал ее брат. — И она перестала разговаривать. Теоне пришлось нелегко. Дети в подростковом возрасте, да и те, что помладше, не всегда имеют достаточно духовных сил для сочувствия.

Ладомир смотрел в стол. Джамир закивал головой: о жестокости детей он знал не понаслышке.

— Я столкнулся с Феликсой в библиотеке Академии. — Горан покосился на Ладомира, но тот никак не отреагировал. — Пожаловался ей на беду с сестрой. Ферран уже тогда обладала определенного рода славой...

— Носы всем подряд ломала, — не удержалась Кириппина и поймала укоризненный взгляд жениха.

— ...и я никак не ожидал от нее предложения помочь. — Горан не обратил внимания на ехидное замечание. — Думал, мы с ней вместе наваяем обидчикам Теоны или вроде того. Но Феликса потратила несколько недель на заклятие, которое исцелило сестру. Лично пришла, чтобы ее вылечить.

— Вообще-то Ферран не целитель, — прокомментировал Ладомир.

— Это старуха Маронда ее заставила корпеть над медициной, — объяснила

Кириппина. — Ферран и тут отличилась, не просто лечить взялась, а сразу в душу полезла. Но у нее получилось, как видишь.

— Кто бы сомневался, — буркнула Горислава.

Теона широко улыбалась, слушая эти замечания. Джамиру показалось, что она самая спокойная и счастливая среди всех, кто собрался в ратуше, включая Леветира.

— Мотивы Феликсы Ферран в этом случае не важны, — сказала она. — Сначала я испугалась ее. Знаете, она такая суровая, все время брови хмурит, и губы сжаты, к тому же, из гораздо более знатной и богатой семьи... Но она вела себя так по-доброму, когда пришла. Взяла меня за руку. Говорила со мной, как с равной. Потом заходила проведать — говорила, мол, для экзамена нужны наблюдения, как подействовало заклинание, но всегда с собой приносила что-то вкусное, подарки, как будто она мне обязана чем-то, а не я ей.

— Насколько я знаю Ферран, — заговорил вдруг солдат Пеней Потами, — для нее это очень типично.

— Думать, что все вокруг зависит от нее, — согласилась Горислава, поправляя браслеты.

— И считать из-за этого, что она всем вокруг что-то должна, — с улыбкой закончила Дафна.

Впервые за разговор все за столом засмеялись и перестали о чем-то спорить.

Процесс восстановления сил Страницы обещал затянуться, даже несмотря на усилия Данатоса. Феликса и Акыр решили, что это хорошая возможность подумать, как быть с наймом команды.

— По правде сказать, — призналась Феликса, — я не знаю в Сарданафаре других крупных портов, кроме кессахского. То есть я, конечно, знаю, где расположены крупнейшие приморские города, но не имею ни малейшего понятия, что нас там ждет. В Палании тебе здорово повезло найти Ранжисону с парнями.

— Да уж, второй раз вряд ли так подфартит, — согласился Акыр. — Но зачем нам удача, если можно спросить тех, кто провел здесь всю жизнь?

— Но Ранжисона никогда не занимался наймом, — усомнилась чародейка.

— Ты нанимаешь или тебя нанимают — большой разницы нет, — пожал плечами капитан. — Особенно для тех, кто плавал с разными капитанами. По мне так наш канонир достаточно повидал, чтобы дать дельный совет.

К удивлению Феликсы, Ранжисона не только дал совет, но и подробно объяснил, почему им стоит поступить именно так, а не иначе.

— Если бы Ранжисона набирал себе команду, — гудел сардан, нависая над столом с картой, — он бы все равно не стал нанимать людей в Кессахе, столице исифунды Кессах...

— Исифунда — это он что так называет? — шепотом уточнил Акыр у Феликсы, пока канонир водил руками по карте.

— По-нашему — княжество, — пояснила та. — У сардан несколько наречий, одно похоже на другое. Но исифундами княжества называют в основном на юге и востоке. В центре материка тоже, но не все племена. В целом чаще говорят “фар”, земля. Сарданафар...

— ...потому что Кессах — страна торговцев, — продолжил Ранжисона, убедившись, что они снова его слушают. — Здесь моряки ищут легкой работы за хорошие деньги. Даже с

простыми разбойниками не все готовы драться, что уж говорить об антимагах и демонах!

Феликса кивнула: они с Акыром тоже так рассудили. Если в Бедеране Фабио и Радне набирали команду в основном из арделорейских беженцев и паланийских изгоев, то в Кессахе на такую роскошь рассчитывать не приходилось. Там привыкли торговать всем, от вонючей чанги до услуг краснодеревщика. Руководство кораблем тоже считали услугой, и не из дешевых.

— Еще один крупный порт — Кубулунгу в Нумедии. — Ранжисона ткнул пальцем в точку на восточном побережье. — Но там...

— Узаконена некромантия, — вспомнила чародейка. — Да, это можно не объяснять.

Сардан одобрительно улыбнулся. Кому-кому, а Феликсе можно было не рассказывать, чем плохи некроманты, демонологи и прочая шушера.

— Шанафар, как ты понимаешь, тоже нам не подойдет. Очень бедная территория. Ранжисона не считает любого бедняка разбойником, но в Шанафаре люд тащит все, что плохо лежит. Да и умеют только вдоль берега ходить. В открытом море боятся.

— Не так много мест осталось на северном побережье, — заметил Акыр. — предложишь на запад податься?

— Можно, — кивнул канонир, — но не обязательно. Я бы сначала заглянул в Ухамбо.

— Островная часть Умбузо? — Феликса едва нашла островок на карте. — А не маловат ли?

— Исифунда Умбузо не очень большая, но законы там чрезвычайно строгие, — усмехнулся Ранжисона. — Поэтому на остров Ухамбо отправляются все, кому они не милы. И иностранцев там встречают тепло. Особенно тех, что с властями не в ладах. Но совсем гнусных душегубов и там не жалуют.

— Значит, это что-то вроде Паланийских островов, только масштабом поменьше?

— Обижаешь, старпом. В Палании был Блод Беор, позор своего отца. — Сардан символически плюнул. — На Ухамбо есть правитель, но он почти ничего не решает и уж точно не торгует людьми. И ни за что не сдаст нас тем, кто считает себя властью Арделореи.

Феликса положила руку Ранжисоне на плечо и улыбнулась.

— Ну что, капитан. Теперь у нас есть курс.

Джулиан Сатибрионо Тан по прозвищу Мурена носил фамилию сарданки-матери, имя ферискейца-отца и груз ответственности почти за полторы сотни человек. Последнее время груз этот давил особенно сильно, потому что Мурену покинула удача.

Капитан Джулиан Тан сидел на Ухамбо почти месяц. Все это время он пытался найти выход из своего положения, но находил одни неприятности.

Началось все с того, что Мурена замахнулся на кусок, который не смог проглотить, и потерял корабль. Его прекрасный тридцатипушечный фрегат, “Октопину”, потопили во время попытки обчистить тайник одного нумедийского торговца рабами-зомби. Тогда это казалось Тану хорошей идеей, но сейчас он поверить не мог в собственную наивность. За тайником, конечно же, следили — и следили так, что Мурена до последнего этого не замечал.

Корабля было жаль, но еще больше Тан жалел об упущенной выгоде: без корабля и добычи нечего было и надеяться удержать команду при себе. На прошлой неделе отчаяние довело капитана до того, что он предложил свою руку и сердце дочери вождя Ухамбо — самой толстозадой сарданке из всех, кого он встречал, и самой сварливой. Но вождь,

разумеется, отказал оборванцу, прекрасно понимая, на что Тан надеется.

Удача улыбнулась было Мурене, когда в гавань Ухамбо вошла эскадра из трех шикарных кораблей, слишком бедно укомплектованных людьми. Капитан быстро спланировал вылазку в одну из непроглядных тропических ночей, чтобы угнать фрегат. Он все продумал: снабдил своих людей духовыми трубками и дротиками со снотворным, приготовил амулеты для маскировки и подавления шума.

Откуда ему было знать, что все его ухищрения бесполезны, а на борту не парочка рядовых ветродуев, а магистры чародейства?

Одна из магистров сидела прямо напротив него — рослая девица с толстой черной косой, в светлой замшевой юбке и дорогой белой рубашке. Все его артефакты, включая шляпу с алым страусиным пером и золотую серьгу с рубином, она безошибочно распознала и сняла телекинезом, так быстро, что Мурена и выругаться не успел. Его добро лежало перед чародейкой на столе.

Впрочем, шляпа-невидимка и рубин, помогающий расположить к себе собеседника, вряд ли помогли бы ему в этой ситуации.

— Любопытно. Не успела я толком разузнать, кто в Ухамбо самый отчаянный искатель приключений, как какой-то мулат попытался стащить мой корабль прямо из-под моего носа, — процедила чародейка. — И почти успешно. Хочешь знать, почему твой план со снотворным и прочей лабудой провалился?

Тан, в общем-то, догадывался. Но на всякий случай кивнул, стараясь не слишком закипать из-за “какого-то мулата”. Упоминание цвета кожи бесило Мурену до позеленения.

— Тебе просто не повезло. Один из моих людей... хм-м-м... отравился. И я осталась на этом корабле нести вахту вместо него. А я очень, очень плохо сплю. И очень, очень хорошо разбираюсь в магии. Словом, нефартовый ты.

Джулиан Сатибрионо Тан вздохнул. Это было самое точное определение его бед.

— И глупый.

Это замечание сделало определение еще точнее.

— Как тебя зовут, неудачник?

Мурена долго думал, стоит ли отвечать. Чародейка ждала с каким-то поразительно равнодушным терпением. В конце концов он решил, что раз у него спрашивают имя, вряд ли планируют убивать или калечить. А все остальное не так страшно, учитывая его положение.

— Капитан Джулиан Сатибрионо Тан. Но здесь меня называют Муреной, — проговорил он наконец.

— Что ж, капитан Мурена. Моего имени я тебе не доверю, пока ты не ответишь мне на несколько вопросов. До тех пор можешь звать меня Гарпией, раз тебе так нравятся прозвища, — предложила чародейка. Она поправила широкий пояс, разгладила ворот рубашки. — Почему капитан Мурена решил украсть мой корабль?

Тану очень не понравилась эта девица, Гарпия. Он вообще не привык видеть женщин на кораблях, да еще и командующих другими людьми. Чародейка же держалась так, будто вообще все на свете зависело от нее, к тому же с ходу ткнула Мурену носом во все, что он так в себе не любил.

Еще и этот вопрос!

— Я спрашиваю не просто так, — напомнила о себе Гарпия. — От этого зависит, выйдешь ли ты отсюда живым. Ты, возможно, раздумываешь, не выхватить ли сейчас палаш, отрубить мне голову и сигануть в море. Эти мысли тебе явно нашептывает неудача. Потому

что убить ты меня не сможешь, а в море тебя мигом найдут мои люди. Отвечай на вопрос, капитан Скользящий Угорь.

Мурена вспыхнул и схватился за рукоять палаша, хоть и понимал, что толку не будет — видел вокруг чародейки поблескивание магического барьера. Умирать Тану страшно не хотелось. Еще больше он боялся, что на Ухамбо рано или поздно заявится нумедийский работорговец, которого он попытался обчистить, и остаток жизни — или, точнее, уже нежизни — Мурена проведет в виде зомби.

Поразмыслив над перспективами еще разок, Тан ответил:

— Мне нужно как можно быстрее уплыть куда-нибудь отсюда. У меня есть люди, но нет ни денег, ни корабля.

— А мой ты выбрал, потому что решил, что раз у меня мало людей, корабль плохо охраняется? — хмыкнула Гарпия.

— Да. Мало и чужие. Могли не знать про сонное зелье. Мало кто из белых знает. Это лучше, чем резать глотки.

— Что, не терпишь насилия? — выгнула бровь чародейка. — Любопытно, учитывая, что моих спящих стражей ты планировал сбросить за борт, чтобы они захлебнулись.

— Милосердная смерть, — пожал плечами Мурена. — Если бы я мог выбирать, я бы тоже выбрал смерть во сне.

— Я учту, — осклабилась Гарпия. — Значит, ты счел мой фрегат легкой добычей. Ты привык брать чужое? Чем ты занимался, когда у тебя был корабль?

Предыдущий вопрос, про причину кражи, был обидным. Этот для Мурены оказался просто сложным. Он и сам себе толком не мог объяснить, чем занимается. Когда у Тана появился первый корабль, он пытался торговать, но возить дорогие товары не получалось, оборот был слишком мал. Так что торговля всякой дешевой ерундой Мурене быстро наскучила, и он подался в наемники. Но и тут его ждала неудача — вполне понятная, учитывая, что Тан не переносил вида крови с тех пор, как пришлось убить отчима, чтобы тот не убил его, а потом и собственную мать, которая почему-то решила отомстить за жестокого говнюка.

Временами команда пыталась уговорить Мурену заняться тем, что и так напрашивалось — обычным морским разбоем. Изредка он поддавался на уговоры, и они устраивали засаду, брали суда на абордаж и орудовали в основном магией и все тем же снотворным. Так он и получил свое прозвище: не желал зваться именем отца, а потому получил другое — за манеру прятаться между скал ночами и хватать проплывающую мимо добычу.

Так что Мурена занимался...

— Всем понемножку, — прищурился он. — Торговля. Охрана...

— Воровство, мошенничество, похищения и вымогательства, — закончил за него мужской голос. Кажется, он исходил из алмазной подвески на рубашке Гарпии. — Это про него мне вчера рассказывали местные. Зря его прозвали Муреной. Морская Крыса больше бы подошло.

— Это ничего, Лаэрт, — Гарпия чуть склонила голову к подвеске. — Строго говоря, мы тоже воры. Хотя если он предал кого-то из союзников...

— Капитан Тан так не работает! — не выдержал он. — Да, грабить мне не впервой. Верно и то, что честная драка не по мне. Врать тоже доводилось. Но мои люди идут за мной, потому что знают, что я их точно не оставлю. Я бросил свой корабль, но их спас!

— Слыхал, Лаэрт? Это тебе не Блод Беор, который родную мать мог в бордель продать.

Что еще говорят о нем в порту?

— Что он нынче беден, как паланийский раб, — отозвалась подвеска. — И полон отчаяния. Еще ходят слухи, что его ищет какой-то важный и абсолютно беспринципный нумедиец. Ну да кого здесь только не ищут, а?

Гарпия засмеялась вместе с подвеской. Мурена чуть поморщился от этого смеха, низкого, раскатистого смеха злой, дерзкой, уверенной женщины. Жизнь приучила Тана держаться подальше от красоток, которые так смеются.

Впрочем, красоткой чародейку он бы не назвал. Лицом приятна, только глаза хищные, цепкие, а губы плотно сжаты. В плечах не по-женски мощна. Белая рубашка лишь чуть натянута там, где пышным сарданкам вечно жмут платья и блузки.

— Слушай, мой скользкий друг, что я хочу тебе предложить, — заговорила Гарпия. — Ты, конечно, плут и убийца, и я страшно зла на твою попытку украсть мой корабль. Я взяла его кровью. Той самой, которой ты, похоже, так боишься.

Джулиан Тан медленно кивнул.

— Я считаю, что за свою выходку ты должен заплатить. Мертвым ты мне бесполезен. А вот живым можешь оказать услугу.

— О чем речь? — насупился Мурена.

— Ты пойдешь на этом корабле со своими людьми, как и хотел. Но туда, куда велю идти я, — прищурилась чародейка. — Места, куда я держу курс, далеки от безопасности, которой ты ищешь, но все же — шанс выжить там немного выше, чем в водах, где рыскают нумедийские некроманты. К тому же, я готова платить тебе и твоим людям жалование по ставке императорского флота. Ты ведь наемник? Должен понимать, что это довольно щедро.

— А если откажусь — убьешь? — Мурена скрестил руки на груди. Пока выбор между неизвестной опасностью и известной ему не слишком нравился.

— Нет. — Гарпия встала, подошла и нависла над ним, как штормовой вал. — Напою тебя и всех, кто пришел с тобой, твоим же зельем. И оставлю спать где-нибудь у границы Нумедии.

Тан сцепил зубы. Ладонь на рукояти палаша буквально чесалась.

— Но есть у меня для тебя и сладкий пряник. — Чародейка сделала два шага назад, запустила руку в карман широкой юбки. — Если согласишься, по окончании плавания получишь возможность заработать, — она подчеркнула это слово, — этот прекрасный фрегат. И при этом никогда не приближаться к водам Нумедии. Ну, что скажешь, капитан Мурена?

С этим вопросом Гарпия протянула ему серьгу с алмазом, почти таким же крупным, как у нее в подвеске.

— Ты велела держать курс на юго-запад Сарданафара, — ворчал Акыр на Феликсу, — но так и не сказала, что там.

— Да-да, Гарпия, — раздался гнусавый голос из подвески чародейки. — Мои люди волнуются. Мало того, что ты вынудила пойти нас с тобой шантажом, еще и до сих пор скрываешь свою цель!

Феликса закатила глаза. Едва ли не каждую секунду с того момента, как он согласился отправиться в плавание с ней, мулат с рыбьим прозвищем ныл — что ему угрожали, что мужчине его возраста и положения стыдно подчиняться женщине, что ставка императорского флота не оправдывает всего риска, который взяла на себя его команда, что

ему слишком мало рассказывают...

— Отстань, Мурена, твое нытье вызывает у меня желание утопить тебя вместе с кораблем, — отмахнулась чародейка. — Данатос видел выползающего на мелководье древнего дракона, — напомнила она Акыру. — Какое место ассоциируется у вас со спящим драконом?

Капитан нахмурился. Подвеска присвистнула голосом Джулиана Тана.

— Мы опять направляемся в какое-то мифическое место? — горец скептически поджал губы.

— Ты не иначе как о Драконьих островах речь ведешь? — добавил Тан.

— Именно, — кивнула Феликса.

— Они ведь ушли под воду много лет назад, — заметил Мурена. Акыр сдвинул брови еще ближе друг к другу. — Что тебе там ловить? Разве там может кто-то жить? Как?

— Да запросто, — пожалала плечами Феликса. — Во-первых, острова затопило не по естественной причине. Их погрузила под воду магия.

— И что? — не понял капитан.

— Это значит, что магия могла позаботиться и о возможности дышать под водой для того, кто остался на островах, — терпеливо объяснила чародейка. — Судя по описанию Дани — это леший. Так лесных духов называют в Арделорее.

— Кто?! — Акыр чертыхнулся. — Такой же, как наша чернокожая, что ли?

Из подвески донесся возмущенный вопль и несвязные ругательства, и чародейка, поморщившись, приглушила магический передатчик.

— Ну, с твоей точки зрения они очень похожи, — усмехнулась Феликса. — Вообще-то я не слишком много знаю что о суккубах, что о леших. Объединяет их то, что оба напрямую взаимодействуют с миром духов и частично такими же духами и являются.

Капитан махнул рукой: мол, какая разница, все равно не пойму. Некоторое время оба слушали скрип снастей и посматривали на то, как Дина сосредоточенно учит заклинания — задание от Феликсы.

— Этот твой горе-грабитель нас слышит? — шепотом спросил горец.

— В ближайшее время не должен, — покачала головой чародейка.

— Почему ты наняла его? — Акыру новый капитан явно не нравился, как и многим другим морякам, а также Лаэрту. — Это ж висельник, каких поискать!

— Тут ты не совсем прав, мой друг, — возразила она. — Мурена, как и большинство из нас, потерял свое место в мире. А может, и вовсе его никогда не имел. Представь себе, он до смерти боится вида крови.

— Тоже мне, мужик, — плюнул капитан.

Феликса хмыкнула, поправила подвеску на кафтане.

— И тем не менее, он ведет за собой немалую банду, и на Ухамбо их не считают злодеями. Даже укоряют в излишней щепетильности. Из-за этого Джулиана Тана последнее время все реже кто-то нанимал — так Лаэрт слухи пересказывал. — Чародейка перекинула косу, жестом попросила у Акыра подзорную трубу. — Взгляни на него. Это не разбойник с кучей малолетних девок в трюмах.

Капитан принял у нее трубу и направил на другой императорский фрегат, названный Муреной “Октопиной” в честь своего погибшего корабля. Похоже, он увидел там то же, что Феликса: начищенную до блеска палубу, идеальный порядок и манерного смуглого капитана в щегольской шляпе с пером. Тан собрал вокруг себя офицеров и что-то объяснял им, бурно

жестикуюлируюя.

Все его люди, до самого распоследнего матроса, были чисто выбриты, аккуратно одеты и четко знали свое место. Для морских разбойников такая дисциплина считалась чем-то излишним, если не постыдным.

— Пока я только вижу, что он не бестолочь, — буркнул Акыр. — А что он такое про шантаж талдычит?

— А, мелочь, обычное нытье, — пожала плечами Феликса. — Припугнула его, что сдам тому самому нумедийцу, от которого он хотел бежать на нашем корабле. Ни за что не поверю, что он принял угрозу за чистую монету. Делать мне больше нечего, как к некромантам его возить!

Горец хохотнул и убрал трубу в футляр.

— Ну, допустим. А польза-то нам с него какая? Ты хотела нанять команду, которая способна тебе помочь добраться до Острова. Не сбежит на полпути-то?

— Не получив жалованья? На приметном арделорейском фрегате? — Феликса улыбнулась. — Это было бы очень глупо. К тому же, Маронда считает, что со временем он поймет, что согласился на мое предложение ради совсем другой награды, а не денег или корабля.

— Это какой же?

— Он получил цель. Мало кто в жизни может похвастаться такой роскошью. Я думаю, что даже ты и Ранжисона до сих пор здесь, а не в кессахской таверне в поисках работы на какого-нибудь торговца пряностями, именно поэтому.

Акыр крякнул, пригладил усы. Насупился. Посмотрел на Феликсу искоса и тут же улыбнулся — мол, может оно и так, но ты много о себе не думай.

“Людей-то Маронда знает получше моего, — подумала чародейка. — Похоже, что и тут она оказалась права”.

— А что с той девчонкой, которую приволок Ранжисона? — вспомнил Акыр. — Она пришла в себя?

— Ей лучше, — кивнула Феликса. — Но я бы не сказала, что она пришла в себя. То есть она очнулась, если ты об этом, — чародейка вздохнула, — но, кажется, слишком потрясена. И дело не в злых людях, которые ее...

Феликса скривилась и не договорила. Акыр скрестил руки на груди и свел брови так, что между ними пролегло две глубокие борозды.

— Она поспала, и Цефора смогла помочь ей помыться, — продолжила чародейка. — Не знаю, чем еще можно помочь. Магия не действует. Нормально спать она может только в присутствии Данатоса, — девушка еле заметно поджала губы. — Я стараюсь не ходить к ней в каюту лишний раз.

— Почему? — удивился Акыр.

— Говорит, что от меня мертвечиной несет. И кровью.

Капитан вздохнул. Сегодня его предплечье было как следует перевязано, так что Феликса могла с уверенностью сказать, кому обязана своим прекрасным самочувствием на ближайшее время.

— Дружелюбной ее не назовешь, а? — подмигнул горец.

— Приятного пока мало, — усмехнулась Феликса. — Но рано или поздно ей станет полегче, и тогда она маленько пообреет. Надеюсь.

— Имя хоть у этой Страницы есть? — спросил Акыр.

— Она сказала, что мы можем называть ее Элиэн, — ответила чародейка. — Но это скорее прозвище. Она спрашивала, как мы ее называем на нашем языке. Я сказала — Странница.

— Ей не понравилось?

— Не знаю, — призналась Феликса. — Просто просила не называть ее так.

Вскоре на палубу поднялся Данатос в сопровождении Лаэрта. Лицо у оборотня было невыносимо несчастное, зато его друг смеялся во весь голос.

— Это не смешно! — донесся до Феликсы голос Данатоса. — Сколько можно, Лаэрт ну!

— Чего ты злишься, ты же котик, — фехтовальщик снова прыснул от смеха. — Коты должны мурлыкать. А орут они только по весне!

Данатос не выдержал и отвесил другу подзатыльник, от чего тот только громче рассмеялся.

— Скорее бы Элиэн поправилась, — пожаловался Данатос, подходя к Феликсе и капитану. — Я не могу столько валяться без дела.

— А еще она его во сне за уши дергает, — доложил Лаэрт. Данатос закатил глаза.

— Думаешь, когда раны заживут, она сможет спать спокойно? — спросил Акыр.

— Насилие не единственное, от чего Элиэн пострадала, — пояснил Данатос. — Ей бы поговорить с кем-то... я не знаю... кто как она. Кто похож на нее.

— То есть с женщиной? — уточнил горец.

— Нет, — замотал головой оборотень. — Она прогоняет и Феликсу, и Брисигиду. А Цефору терпит только потому, что она не владеет магией и помогает ей.

Феликса сжала зубы. Не хватало только, чтобы Странница вела себя так же, как антимаги!

— Она что-то имеет против магии? — Лаэрт захлопал глазами. — Вот это новость!

— Не магии, — перевертыш почесал висок. — Я ведь тоже превращаюсь благодаря волшебству. Тут дело в чем-то другом.

— Да ладно, девочке наверное просто колдовством тоже навредили, — предположил капитан. — Вот она теперь и злится на всех магов...

— Меня она тоже выгнала, — заметил Лаэрт. — А во мне мага распознать едва ли возможно. Видимо, потому что я не маг, — хохотнул он. — Но все равно чем-то ей не понравился.

Феликсе постоянно казалось, что она вот-вот поймет, почему Элиэн всех прогоняет, поймет, что с ней не так. Ответ лежал на поверхности, но раз за разом ускользал. Девушка отвернулась от болтающих мужчин, оперлась о борт. Через пару недель они подойдут к водам, где когда-то находились Драконьи острова. Много веков назад их населял мастеровитый народ — гномы. Но они ушли вслед за другими волшебными существами, а несколько лет спустя весь архипелаг ушел под воду. Единственная, кто мог помнить эти острова — Анаштара...

Анаштара! Феликсе и в голову не могло прийти попросить демоницу поговорить со Странницей; напротив, она просила Брисигиду не выпускать Древнюю из каюты. “Но мы все видели эти странные глаза, — вспомнила Феликса. — И это отвращение ко всему, связанному с магией... уж не держит ли Элиэн обиды на Всематерь Триединую, как Анаштара когда-то?”

Феликса сорвалась с места, помчалась на нижнюю палубу к каюте суккуба.

— Ты куда?.. — донесся ей вслед растерянный возглас Данатоса.

— Есть идея! — отмахнулась на ходу чародейка.

Анашгара левитировала с закрытыми глазами в полуметре от пола, избавившись от ненавистной темной робы. Длинные острые рога демоница сменила на аккуратные маленькие рожки.

Сейчас она казалась почти обычной женщиной — разве что извалявшейся в золе с головы до ног и отрастившей слишком длинные волосы и ногти.

— Нужна помощь, — выпалила Феликса.

— Хоть бы постучала, — пропела Древняя, не открывая глаз. Свою медитацию она прерывать не собиралась.

— Анашгара, пожалуйста!

Суккуб открыла глаза.

— Надо же, — улыбнулась она, показав клыки. — Какие слова мы вспомнили! Еще немного, и здороваться со мной начнешь, как с человеком!

— Строго говоря, это в твоих же интересах, — небрежно добавила Феликса, прищурив глаза. — Или ты не хочешь добраться до Острова?

Анашгара раздраженно повела плечами.

— Ну что ты, — буркнула демоница. — Обожаю качку. Нет ничего лучше скрипучей посуды, на которой все время тянет блевать. Разве что дурацкие тропики, где постоянно воняет то гнилой листвой, то гнилым мясом. Или поганый город с кучей людишек...

Она мягко опустилась на пол, набросила на себя балахон.

— Так что тебе от меня нужно, змейство?

Феликса проглотила грубость, будто и не слышала.

— Чтобы ты помогла Странице.

— Серьезно? — Древняя вздернула алую бровь. — Я думала, ты меня и на сто перестрелов боишься к ней подпускать.

— А сама-то ты не боишься к ней подходить? — хмыкнула Феликса.

— Двум смертям не бывать, — равнодушно заметила Анашгара. — Рано или поздно нам с ней придется действовать вместе. Пойду хоть взгляну на нее.

Анашгара прошла мимо Феликсы, безошибочно определив, на какой палубе и в какой каюте была Страница. Чародейка поспешила за ней.

В каюту Элиэн Феликса не пошла — не хотела снова выслушивать за “мертвецкий запах”. Вместо этого она прошла чуть дальше, к лестнице на верхние палубы, присела на ступеньку.

Через несколько минут к ней спустился Данатос. Постоял немного в раздумьях, потом сел рядом.

Из каюты Страницы не доносилось ни звука.

— Так что ты придумала? — спросил оборотень вполголоса.

— Позвала Анашгару, — так же тихо пояснила Феликса. — Ты ведь тоже заметил этот взгляд у Элиэн?

Данатос покачал головой.

— Когда я кот, все воспринимается... кхм... несколько иначе. Не так, как у людей, но и не совсем как у котов, — ответил он. — Я только чувствую что-то странное. Спящую силу. Огромный магический потенциал. Несравнимо больше твоего, — признался он, пряча глаза, будто Феликса могла обидеться на такие слова. — Еще — что-то темное, как Анашгара. И

что-то столь же светлое... Слишком много всего, чтобы понять, кто она на самом деле.

— У нее лицо, как у статуй Триединой в Арделорее, — Феликса задумалась. — И эти глаза — словно она видела сотворение мира...

— Может, и видела, — серьезно кивнул Данатос. — Сама ведь она из другого мира.

— Мир без сердца, — вспомнила чародейка слова пророчества.

— Что же это за мир такой? Разве так бывает? — удивился оборотень.

— Я думаю, это мир, где не существует магии, — Феликса прикусила губу.

Эта мысль вызывала головокружение и прошибала липким холодным потом. Мир, где волшебство невозможно, кошмар для любого мага. Кто может жить в таком мире? Мутанты? Демоны?

— Наверное, поэтому ей неприятно быть со мной или Брисигидой в одной каюте, — рассудила она.

— А я? Странница знает, что я оборотень, но все равно... — Данатос развел руками. — Мне от этого не по себе.

— Твои способности — дар Триединой, — улыбнулась Феликса. — Разве ты не выучил урок Джораакинли? — чародейка заглянула оборотню в глаза, и тот виновато пожал плечами. — Тебя питает не сердце мира, хоть ты и становишься от него сильнее. Твоя сила идет от самой природы.

— Все равно не сходится, — нахмурился Данатос. — Разве с Брисигидой не то же самое?

Феликса подперла голову рукой.

— Вообще Брис отличается от других жриц, — она стала рассуждать вслух. — Вы оба благословлены богиней. Но чаще всего она пользуется обычной жреческой магией, которая хоть и обращается к Триединой, питается все равно маной, — высказала теорию девушка. — И использует молитвы как заклинания...

— Рассуждаешь ты логично, — донеслось от двери каюты, — но на деле все гораздо проще.

В дверном проеме стояла Анаштара, поддерживая Странницу. Та продолжила:

— Со всеми вами мне тяжело совершенно по разным причинам, — пояснила девушка, осторожно выходя из каюты. — Вот ты, например. Феликса, верно?

Феликса кивнула. Элиэн сделала еще шаг.

— Ты, во-первых, мертвая, — Странница вздохнула. — Только не обижайся. Когда я говорю, что от тебя пахнет смертью и кровью, я говорю не о физическом запахе.

— Ладно, — чародейка встала, предложила Элиэн руку, чтобы зайти на ступеньку. Против ее ожидания, девушка приняла помощь. — А во-вторых?

— Во-вторых, ты полна невысказанного страдания, — Странница подняла на нее древние, усталые глаза. — И страха. И если со страхом тебе помогают справиться гордыня, высокомерие и влюбленность, то страдание и угрызения совести... похоже, беспочвенные... порой сводят тебя с ума. Не хочу на это смотреть.

Феликса проглотила комок в горле. “Я бы тоже не хотела...” — подумалось ей.

— С жрицей еще хуже, — Элиэн была беспощадна. — Она разрывается между желанием любить и нежеланием испытать боль. Желание любить, конечно, сильнее. Но оно никому не подвластно.

Анаштара и Феликса поддержали пошатнувшуюся Странницу, помогли ей выйти на свет.

— Юноша-проводник, — перечисляла Элиэн. — Безответная любовь. Это похоже на раскаленное клеймо, которое раз за разом наносят на одно и то же место. Невыносимо.

— А Маронда? — Феликса уже не была уверена, что хочет знать ответ.

— Волшебница устала так сильно, что даже мне ее жаль, — девушка склонила голову, снова посмотрела на Феликсу, нерешительно, искоса. — Тебе бы следовало быть с ней помягче ближайшее время. Старуха не хочет, чтобы ты знала, каково ей, и оттого ершится и бравирует.

Элиэн вышла наконец на палубу, прошла с Анашгарой к борту. Феликса кусала губы, думая о Маронде.

— А самое главное, — Странница снова посмотрела на Феликсу, — действия одного из твоих соотечественников в итоге привели меня сюда. В этот мир.

— Чьи именно? — растерялась чародейка.

— Понятия не имею, — Элиэн закрыла глаза. — Этот человек не на корабле. Ты правильно сделала, что позволила Древней прийти ко мне. Я, видишь ли, мало что помню после перехода между мирами... первые дни даже не знаю, кто я.

Некоторое время девушка стояла молча. Лицо ее было непроницаемой маской, и Феликса не могла даже предположить, о чем та думает. “Должно быть, это страшное ощущение, — вздрогнула чародейка, — не помнить, кто ты, где находишься. Не знать, что дальше делать — и надо ли что-то делать вообще. И при этом проживать каждый миг чужие проблемы, беды...”

— Не ожидала от тебя сочувствия, — призналась Элиэн. — Помогите мне вернуться в каюту, пожалуйста. Я очень устала.

Глава 6. Лоза и свет

Матинеру с каждым днем нравилась Джамиру все больше. Что ему не нравилось, так это то, что Аянир спустя три недели все еще нуждался в присмотре целителей. Горцу всегда казалось, что лечение магией проходит намного быстрее, но раны цесаревича заживали чуть ли не как у обычного человека.

В конце концов он решился спросить у самого больного, в чем дело.

— Неужели твои раны хуже, чем на вид? — бурчал Джамир у постели цесаревича. Аянир уже вставал и мог сам пойти, куда ему надо, но не слишком далеко. — Нас всегда предупреждали, что мага нужно бить быстро, иначе он легко излечится от ран. Лжа что ли?

— Нет-нет, мой друг, это правда, — возразил цесаревич, наливая себе горного чая, малотиру. Как и Джамир, он не переносил приторного вкуса другого традиционного напитка каракачинцев. — Магия способна исцелять очень, очень быстро, особенно чары жриц. Но и элементали воды прекрасные врачеватели. Дело во мне.

— Ты не хочешь, чтобы тебя лечили волшебством? — Бывший антимаг прищурился, сам не веря в свою версию.

— Мои желания здесь значения не имеют, — развел руками Аянир. — Это генетика.

— Что?

— Ох, прости. Никак не избавлюсь от этих заумных терминов... — цесаревич почесал лысый затылок. — Я родился с мощным сопротивлением чарам. Это, в общем-то, и натолкнуло меня когда-то на мысль, что из нас с Аннаирой получились бы хорошие специалисты по борьбе с обезумевшими магами. У нас это в крови.

Как всегда, при упоминании сестры Аянир нахмурился, а потом долго молчал. Джамир уже почти привык к этому и просто пил чай. Сидеть рядом с цесаревичем в полном молчании было на удивление спокойно. Тогда, еще в хижине, они тоже проводили много времени в безмолвии, но всегда занимались чем-то по хозяйству. Джамир только сейчас осознал, что вспоминает эти дни с теплотой. Никто не гнал его по улицам южного города, чтобы похитить маленькую девочку. Никто не пичкал дурацким зельем, не пытал видениями, не гонял по тренировкам. Не приходилось ютиться на холодной жесткой койке, просыпаясь каждый раз от прикосновения к ледяной стене Цитадели.

— Ты уже виделся с Гораном и Пенеем? — встрепенулся от раздумий Аянир. — Леветир говорил вроде что-то об этом.

— Да, и сегодня он обещал познакомить меня с Советом Матинеру, — кивнул Джамир. Совет и друзья будущей императрицы — жизнь его не готовила к таким встречам. — И с боярами тоже.

— Боярыня из них только Горислава, — усмехнулся цесаревич. — А Дафна и вовсе не аристократка.

— Вот почему она такая милая, — хохотнул горец. — Хотя погоди, Теона тоже очень добра, а ведь они с братом знатного рода.

— Что ж, вот тебе еще один урок: не суди людей по их положению в обществе.

Джамир подумал, что Теона тому не самый яркий пример. Аянир с сестрой демонстрировали эту нехитрую мудрость куда более наглядно.

— Если ты волнуешься из-за встречи с Советом, я могу пойти с тобой, — предложил цесаревич. — Аня говорит, мне пора проветриться, а она свое дело знает лучше кого бы то

ни было.

— Да! — выпалил Джамир. — То есть, да, сходи со мной, пожалуйста. Если тебя это не слишком утомит.

— О-о, да ты переживаешь даже сильнее, чем я думал. — Аянир допил чай, поставил белую глиняную кружку, проследив, чтобы доньшко пришлось точно на подставку и не запачкало каплями травяного варева светлый стол. — Тебе не кажется немного нелогичным, что меня, императорского сына, ты стесняешься меньше, чем горстки городских чиновников и нескольких славирских аристократов?

Джамир не нашелся, что на это ответить, разве что: “Никто из них не спасал мне жизнь, и никого из них не довелось спасти мне”. Вот только это тоже не настоящая причина. А настоящей он все равно не знал.

Как только Аня сделала Аяниру перевязку, они отправились к ратуше. На этот раз шли по ажурным полупрозрачным мостикам, от которых у антимага все еще кружилась голова. Но он стойчески превозмогал боязнь, потому что другой путь им не подходил: целители запретили цесаревичу ходить через пещеры, где воздух заметно охлаждал.

Сегодня у ратуши не летали заблудшие птицы, снаружи стало слишком пасмурно для таких полетов. Внутри их уже ждали девять старцев, Леветир и беженцы из Славиры — все, с кем Джамир познакомился прошлый раз.

Несмотря на успокаивающее прикосновение Аянира на его локте, Джамиру показалось, что внутренности подскакивают к горлу.

— Друзья, — Леветир поднялся с кресла, подошел к ним, тепло поприветствовал, — это и есть наш новый союзник. Джамир, э-э-э... а, Булат-улы. Сын гор, так сказать.

Непринужденный тон провидца подействовал на горца самым благотворным образом. Он уже успел разглядеть, что старцы Совета, чей авторитет поверг его в такой трепет, на самом деле обычные люди. Он припомнил, что на самом деле никто не говорил ему, что они старики — он сам себе это придумал, вспомнив свою деревню.

Девять членов Совета выглядели очень по-разному, и в них не просматривалось ни капли надменности или властности. Даже их одеяния различались. Седыми оказались всего двое. Трое из членов советов были женщинами, чего Джамир никак не мог ожидать. Один похвалялся гладким юным лицом с едва заметной бородкой — старше Леветира, но явно младше остальных.

— Здравствуй, Джамир, — младший из членов Совета первым поздоровался. — Спасибо, что присоединился к нам сегодня.

— Не переживай, — мягко добавила одна из женщин, округлая, чуть полноватая, с прекрасными темными глазами в лучиках крохотных морщинок, — сегодняшнее собрание не будет ни долгим, ни утомительным.

Горец, тщетно пытаясь не дать удивлению завладеть полностью его лицом, поблагодарил за гостеприимство и сел рядом с Аяниром на свободное кресло. Славирцы с улыбками поглядывали на него, кто снисходительно, кто с сочувствием, пока правители Матинеру называли свои имена. Больше всего Джамир боялся их не запомнить.

Совет некоторое время обсуждал местные вопросы: оборону Матинеру, состояние продовольственных запасов, проблемы жителей. Все докладывали по очереди, не обращаясь ни к кому конкретно, но заканчивали говорить и садились только после того, как Леветир переставал задавать вопросы. “Он ведь совсем мальчишка на вид, — поражался Джамир, — как будто даже младше меня. Да, где-нибудь в столице он мог бы руководить отрядом

стражников. Но целым народом?”

— Знаю, о чем ты думаешь, — шепнул ему цесаревич. — Первое время я тоже не мог поверить своим глазам. Во-первых, Леветир чуть старше, чем кажется. Во-вторых, его мудрость — результат не жизненного опыта, а благословения духов старого Каракача. Он сам толком не понимает, как это работает. Он даже не осознает.

Понаблюдав немного, Джамир пришел к выводу, что цесаревич прав. Элементаль ни разу не посмел никого перебить, держался с почтением и, казалось, не придавал никакого значения тому, как реагируют советники на его слова. Когда последний из Совета договорил, все замерли, ожидая вопросов провидца, а Леветир так ничего и не спросил, словно не заметил. Вместо этого он подлил трем седым советникам сумады — позаботился о старших. Потом повернулся к Джамиру:

— Что ж, я думаю, теперь ты имеешь некоторое представление о наших делах, а мы полностью готовы выслушать тебя. Расскажешь нам об антимагах? Кое-что мы знаем от Аянира, но последние события нам неизвестны.

Леветир все собрание говорил не “я”, а “мы”.

— Даже не знаю, с чего начать, — стушевался горец. — Про Владыку Аннаиру я знаю мало. Только что она общается через зеркала и всегда наказывает за неудачу тренировками, которые на самом деле как пытки...

— О, нет, это не главное, что нас интересует, — покачал головой провидец.

— Расскажи про ваше столкновение с Феликсой в Бедеране, — попросил Горан. — Последнее, что нам известно о ней, это то, что ее выловил из неудачного портала в море один из связных Тайной канцелярии.

— Вот только канал связи с ним односторонний, — добавил Ладомир.

— Так что сейчас мы ничего толком о ней не знаем. Жива ли хоть... — Горан сдвинул брови и чуть прикусил губу.

Джамир на несколько минут погрузился в раздумья. Тот день в Бедеране оставил ему не самые радостные воспоминания, так что он редко к нему возвращался. Хотя кое-что, конечно, он бы никогда не забыл.

— Ваша чародейка жива, это я могу сказать с полной уверенностью, — начал рассказывать горец. — И сопровождают ее такие союзники, что я сомневаюсь, что антимаги достанут ее в ближайшее время. Один из них мог полностью уничтожить мой отряд.

Пеней Потоми недоверчиво покачал головой.

— Кто способен уничтожить целый отряд, да еще и таких бойцов, как люди Аннаиры?

— Это был не человек, — пояснил Джамир. — Огромная хищная кошка — не уверен, что за порода, похожа на пуму, что водятся в южных горах. Только здоровая, как медведь, если не больше.

— Оборотень, — предположила Кириппина, — он вел себя как зверь? Или больше как человек?

— Я бы сказал, что это существо очень разумно, — решил Джамир.

— Точно оборотень. Перевертыш.

— Еще с ним был очень ловкий мужчина, — вспомнил горец. — Молодой, светловолосый, довольно высокий. Он так двигался — не знаю, как объяснить... будто перетекал с места на место. И верхом на этом оборотне держался лучше, чем иные на коне в хорошем седле.

— Лаэрт! — обрадовался Ладомир. — Это может быть только он. Ходили слухи, что

Лаэрт сотрудничал с жрицами Триединой. Этот оборотень — наверняка кто-то их храмовых стражей.

— Мы слишком мало знаем о них, чтобы это утверждать, — заметила Дафна. — Но я думаю, ты прав. Почти все, кто был вынужден бежать из Арделореи во время революции, искали убежища в Бедеране. Все-таки один из крупнейших портов западного побережья Тандара. Феликса могла заручиться поддержкой беженцев, в том числе той части жречества, которая спаслась.

— Нам быгодились детали, — намекнул Горан.

Джамир не сразу сообразил, что от него ждут подробностей о бедеранской миссии. Он прикрыл на пару секунд глаза, потер висок. Воспоминания ускользали, расплывались южным зноем, таяли, как наледь на весеннем полуденном солнце. Джамир помнил пыль, бьющий в ноздри запах, мантру, нудную, вибрирующую в мозгу демоническим шепотом. И шок от чего-то огромного и опасного — все его инстинкты в этот момент призывали к одному: сбежать и спрятаться.

— Я читал мантру для Колодца Тавроса, — выдавил наконец он. — Мало что заметил. Видел корабль, к которому нас вел оператор Колодца, но не возьмусь сказать, сколько там было людей. Я очень мало помню из того дня.

— Это ничего. — Теона жестом остановила брата и продолжила своим вибрирующим, не по-детски низким голосом: — Такое бывает, когда вспоминаешь что-то... болезненное. Неудачи. Постыдные поступки. Просто помни: то, что ты сделал, часть прошлого тебя, но не нынешнего. Невозможно отрицать то, что было. Можно лишь сделать так, чтобы это не повторилось.

Джамир уставился на нее с приоткрытым ртом. То, как она выглядела, совсем не вязалось с тем, что она говорила.

— Не будем заставлять нашего нового друга мучиться, — предложила девочка. — Мы узнали главное: Феликса жива и в компании если не друзей, то могучих союзников. Джамир, если ты не против, мы вернемся к тем событиям позже. Я помогу тебе вспомнить. Будет лучше, если на тебя не будет давить так много людей, согласны?

Аянир первым поддержал Теону, затем кивнул ее брат и Пеней Потоми.

— Доверимся целительнице душ, — предложил Леветир. Члены совета тут же согласно загудели. — Молодость не преграда мудрости, я считаю. И Теона уже успела нам это доказать.

Теона зарделась и приложила ладонь к груди, принимая похвалу.

— Что ж, на этом предлагаю сегодняшнее собрание закончить. Я оповещу всех, когда Джамир что-нибудь вспомнит. До тех пор предлагаю продолжать, как обычно.

Совет не стал спорить с Леветиром, и Джамир почувствовал облегчение — сегодня ему не придется вспоминать тот ужасный день. Он смотрел, как члены Совета прощаются друг с другом, столичными жителями и провидцем, а потом с удивлением обнаружил, что они подошли попрощаться и с ним.

— Добро пожаловать в Око Воды, к Матушке Матинеру, — улыбнулась ему одна из женщин и сжала его ладонь в своих руках. — Не бойся здесь ничего. Мы убедились, что ты нам не враг.

— Заходи к нам, в казармы, — пригласил Джамира самый молодой советник. — Аянир пока не может вести для иосов специальные тренировки. Да и воин из тебя по его словам даже лучше. Научишь нас?

— Конечно... — промямлил бывший антимаг.

Джамир никогда не встречал подобных людей. В какой-то момент он просто устал удивляться сердечности, с которой облеченные властью люди вели себя с ним. Но эта усталость не изматывала — она походила на возвращение домой после долгого, трудного пути.

— Время для прогулки по озеру, — раздался рядом с горцем голос Теоны. — Пойдем. Аянир уже согласился. Здесь самые красивые лодочки!

Джамир невольно улыбнулся. Теперь он видел действительно очень молодую девушку. Конечно, в его родной деревне таких уже выдавали замуж, но Джамир знал, что во всем остальном мире не так. И даже считал, что это более разумно. Особенно сейчас, когда темноволосая девочка тянула за руку старшего брата и едва не подпрыгивала в предвкушении.

Теона и Горан повели друзей от ратуши вниз, к хрустальному пляжу. Они прошли к длинному причалу с несколькими пришвартованными лодками — все они были без мачт и парусов. Вёсел Джамир тоже не заметил.

— Как же управлять? — шепнул он себе под нос.

— Силой мысли, — так же шепотом ответил Аянир. — Мне это недоступно, как и Горану или Пеню. А вот Ладомир, Кириппина, Горислава, Дафна и Теона прекрасно справляются.

— Пф-ф, так тут без магии не поплавать? Что ж за отбор такой, нечестно!

— Для таких как мы есть шест, — цесаревич позволил себе снисходительную улыбку.

Лодкой управлял Ладомир. Джамир некоторое время разглядывал волнообразные узоры на белом деревянном борту, пока не понял, что они отплыли уже далеко. Он сообразил, что они почти в центре озера, по тому, как его обволокло свечение стен “колодца”, по которым вились улочки Матинеру.

— Дивный пейзаж, правда? — Кириппина прижалась к плечу жениха. Горислава чуть закатила глаза.

— Поэтому я так люблю эти озерные прогулки, — кивнула Теона. — Джамир, ты когда-нибудь видел что-то подобное?

— Да... то есть, не совсем. Я бывал на дне червоточины в горах. Она, конечно, была намного меньше, кривая, и никакого волшебного света. Но по стенкам тоже стекала вода. — Горец прикусил губу, дернул себя за мочку уха. — Я по дурости туда провалился, просидел полдня, пока не вытащили. Замерз, оголодал... а меня еще выпороли, потому что от работы сбежал.

— Сурово у тебя в семье, — заметил Горан. Теона тут же укоризненно зыркнула на брата.

— Да у нас вся деревня так живет...

Теона задавала другие вопросы, внимательно слушала. Горислава вяло переругивалась с Дафной, поглядывая искоса на Пеню. Ладомир с Кириппиной шептались о чем-то, и чародейка иногда тихо хихикала. Горан достал из-за пазухи губную гармошку и наигрывал какую-то незамысловатую мелодию; он умудрялся делать это на удивление тихо, и звук плавно разносился над водой.

Лодка сделала небольшой круг вдоль кристального берега и остановилась все у того же причала.

Только тогда Джамир вспомнил, что все это время так много говорил, что забыл задать

вопрос, который терзал его любопытство с окончания собрания Совета.

— Теона, Леветир назвал тебя целителем душ. Что это значит?

Горан ответил вместо сестры:

— Целитель душ — это особый вид врачевателя при храме. Жрицы принимают к себе только тех, у кого есть магические способности определенного уровня. У Теоны они недостаточно сильны.

— Но я пошла в целители душ не из-за этого, — поджала губы девочка.

— Я этого и не говорил. — Горан поднял ладони, как бы защищаясь. — Целитель душ помогает справиться с душевными травмами. С расстройствами психики, даже безумием.

— Чаще доводится помогать людям пережить горе, — добавила Теона. — Успокоить, поговорить, чтобы человек разобрался в собственных мыслях. Наверное, мне когда-то мог бы помочь и целитель душ, а не Феликса, но родители стеснялись меня водить в храм. На это ведь могло уйти несколько недель, а то и месяцев.

Они сошли на берег. Белые лодки с лаконичной резьбой на бортах чуть покачивались у причала. Джамир смотрел на них завороченно, осмысливая такое необычное занятие — исцелять людские души.

— Надо бы Аянира до лечебницы проводить, — заметил Пеней Потоми.

— Да ну что вы...

— Надо, надо, — согласился Джамир. — А то Аня кому-нибудь из нас по голове настучит. Скорее всего, мне.

— Пойдем все вместе, — предложила Теона. — Я все равно хотела помочь целителям с перевязками. Говорят, иосы снова столкнулись с людьми Аннаиры.

Горислава вздохнула, но пошла вместе со всеми, позвякивая бесчисленными браслетами.

— Значит, Бедеран — город посреди кучи песка? — Теона продолжила свои расспросы по пути.

— С одной стороны — да, — припомнил Джамир. — Но и зелени там много. Приморский город, несколько мелких рек впадают в море. Но они все за городом. А еще там рисовые поля с какой-то хитрой штукой для полива.

— Оросительная система, — подсказал Аянир. — Ферискейская, наверное.

— Да. Мы получали информацию от одного барона, он переехал туда из Ферискеи как раз. А ваша Феликса еще и у него засветилась, украла что-то важное...

Джамир сам не заметил, как рассказал Теоне все, что произошло в Бедеране, в мельчайших подробностях.

— ...и вот Колодец уже работает в полную силу, а девчонке хоть бы хны! — закончил он. — И как такое предугадать?! У меня мигрень на всю голову и вся одежда пропотела, а мне еще и наказание. Несправедливо же! Я и бежал.

Джамир осекся. То, что его разум упорно отрицал, всплыло само собой, успокоенное мягким низким голосом.

— Я ведь терзался этим, — выдавил горец.

— Но больше нет? — Теона заглянула ему в глаза. Джамир покачал головой. — Вот так и работает целитель душ. И нужна-то всего капелька магии, да и то не всегда. Я научилась справляться с прошлым — не только своим, но и чужим — благодаря ей. Феликсе Ферран.

— Вас послушать, так она вершитель судеб, эта Феликса, — приподнял бровь Джамир.

— А я закончила Академию, потому что она помогала мне первые несколько лет, —

добавила Дафна.

— Киру и меня Ферран спасла от пиратов как-то раз, — призналась Горислава.

— А мне расквасила нос лет семь назад, — усмехнулся Ладомир. — Но незадолго до революции преподала важный урок. И вытащила отца из крупной передраги.

— Феликса вспыльчива и безрассудна, — заявил Горан. — Но это цена самоотверженности, которой она пытается задавить свою гордыню. Эта девушка прекрасно знает, что с ней не так, и готова умереть, но доказать всему миру, что ей небезразличны чужие жизни.

— Будто заглаживает вину за что-то, — хмыкнул Пеней.

Джамир крепко задумался. С того самого момента, когда Аянир сказал ему, что лидер, которого они все здесь ждут, молодая женщина, горцу это казалось глупостью, блажью из приказа стареющего императора. Но по словам этих людей выходило, что Феликса Ферран в первую очередь защитник тех, кому нужна помощь, а не просто девчонка из знатного рода.

Не таким ли его собственное племя видело вождя?

С тех пор, как Элиэн попала на борт, прошло больше месяца. Она уже спокойно могла перемещаться по кораблю без посторонней помощи. Странница по-прежнему была неразговорчива, суха и вела себя подчеркнуто отстраненно.

Единственным, чьему обществу она по-прежнему радовалась, оказался Данатос. Все, что она считала нужным донести до Феликсы, Элиэн передавала через оборотня. Порой Феликса испытывала от этого постыдное неоправданное бешенство.

Джулиан Сатибрионо Тан появлялся на “Оке Бури” раз в неделю, чтобы доложить о состоянии “Октопины”. Во время его последнего визита, когда Феликса сочла, что они уже достаточно далеко от береговой линии безопасных для Тана княжеств-фаров, она наконец-то рассказала ему все о себе. Первое время Джулиан кривил полные широкие губы, но чем дальше шел ее рассказ, тем больше сочувствия проявлялось на капризном лице.

— Значит, ты, Гарпия — чародейка, сирота, императрица и мертвец?

— По законам Арделореи я уже почти пять лет как совершеннолетняя, — поправила его Феликса, — так что не могу считать себя сиротой. Сиротами у нас зовут детей без семьи, а я давно не ребенок.

— Пф-ф, — фыркнул Мурена, — важно ведь все остальное. Пункт “императрица” интересует меня чуть больше.

— Об этом рано говорить, — призналась чародейка. — Указ о передачи власти мне можно считать действительным только в том случае, если я жива. С этим пока... сам понимаешь.

— Тебе стоило начать с этого, когда ты поймала меня, — блеснул улыбкой Тан. — Таких влиятельных нанимателей у меня никогда не было!

Феликса расхохоталась. Вся ее влиятельность сейчас сводилась к тому, чтобы не попасть в лапы горстки антимагов.

— Не хочу держать тебя в плену иллюзий, Мурена, — криво усмехнулась она, — но сейчас я императрица без империи и без власти. Горстка людей — вот и вся моя империя.

— И правда, для императрицы ты маловато понимаешь во власти, — теперь рассмеялся Тан, запрокинув голову и взмахнув ладонями в брыжах кружевных алых манжет. — Насколько я понял из твоего рассказа, у тебя в руках немалая доля императорской казны,

лидер духовенства, которому доверили документ высшей юридической силы, а также одна из ближайших советников и самых влиятельных магов страны. Поправь меня, если я понял не так.

— Для сарнафарского авантюриста ты удивительно точно и эрудированно изъясняешься, — осклабилась чародейка. — Да, все так. Кое-какими возможностями я все же располагаю. А ты ничего не хочешь рассказать мне о себе, Джулиан Сатибрионо Тан, сардан с ферискейским именем?

Мурена, удивительно расслабленный по сравнению с той ночью, когда Феликса чудом услышала проникших на корабль чужаков, почесал шрам на левой брови и изогнул губы почти как Данатос — по-кошачьи коварно, многообещающе и двусмысленно. Правда, в отличие от оборотня, от прекрасно знал, кому, когда и зачем так улыбаться. И какой эффект он этим производит.

— Мой родной отец был дипломатом. Посольство Ланвена в Умбузо. Мать служила при посольстве кухаркой, — он повел плечом. — Готовила ужасно, так что компенсировала все в постели посла. Пока шла дипломатическая миссия, я рос при отце. Он был тот еще ублюдок, но все равно лучше матушки и ее мужа.

Он умолк, и Феликса не решилась расспрашивать дальше. Тан еще какое-то время провел на борту “Ока Бури”, донимая экипаж расспросами. Его деланное недовольство и оскорбленная мина испарились, как роса под июльским солнцем.

Вечером того дня, когда они почти достигли потопленных Драконьих островов, Данатос постучался в каюту чародейки.

— Можно? — он просунул в приоткрытую дверь одну голову, как кот морду.

— Конечно, — Феликса поспешно набросила на плечи кафтан, в котором ходила днем, прямо поверх ночной рубашки. — Что-то случилось?

— Мне весь день снились странные сны, — призналась перевертыш. — Ты же знаешь, Элиэн просит меня...

— Знаю, — Феликса поджала губы.

— Да. Кхм... Большую часть времени рядом с ней я сплю, — Данатос зябко поежился. — Мне снится что-то... не могу найти этому объяснения. Просто не понимаю того, что вижу. Но все равно — это как кошмары видеть.

— Думаешь, здесь ты будешь спать лучше? — недоверчиво улыбнулась чародейка. — На кровать ты вместе со мной не поместишься — если только опять не превратишься в кота.

Оборотень фыркнул, сложил руки на груди.

— Ну уж нет! Сколько можно! — он слегка наклонился вперед. — Эм... Просьба немного неприличная, я понимаю, и все-таки — можно я посплю на полу?

— А как же ваша с Лаэртом каюта?

— Эти сны тянут из него магию. Это как настойки валерианы хлебнуть, я сразу дичаю. Ну так что?

Феликса рассмеялась, думая, что оборотень шутит. Но тот действительно ждал ответа.

— Хорошо, — согласилась она, — если тебе так будет спокойнее...

Данатос кивнул, закрыл за собой дверь и сел на коврик, скрестив ноги.

— Что, прям так? — чародейка всплеснула руками. — Хоть бы подушку взял!

Данатос пожал плечами, стянул рубаху, туго свернул ее. Феликса громко вздохнула и отвела глаза.

— Что-то не так? — смутился оборотень.

— Отвернись, пожалуйста, — попросила она вместо ответа. — Кафтан сниму. Я ведь уже собиралась спать.

Данатос послушно отвернулся и даже закрыл глаза. Феликса задула пару волшебных свечей на столе, сняла кафтан и юркнула под одеяло. Обычно мягкое, сегодня оно казалось колючим и неудобным, так и напрашивалось на то, чтобы скинуть его. И перелечь на пол.

— Хочешь, я расскажу тебе сказку, чтобы лучше спалось? — предложила она, понимая, что сегодня уснуть будет непросто.

— Хочу, — ответил оборотень. В его голосе слышалось легкое придыхание, как у юного кадета, которому впервые вручили боевой клинок.

Феликса украдкой поправила рубашку, чуть прикусила губу: “Будь я живой... О, Триединая. Если бы только я была живой!”

— Хорошо, — чародейка несколько секунд молчала, собираясь с мыслями. — Давным-давно, когда мир был совсем юным и люди не успели по нему расселиться, у берегов Сарданафара можно было встретить древних стражей, драконов.

— Что они охраняли? — прошептал Данатос.

— Драконам тогда приходилось стеречь тонкую грань, отделявшую путь к островам, где жили последние представители волшебных народов, — рассказывала чародейка. — В те времена добраться до Острова Жизни было намного легче. Постепенно все волшебные существа отправлялись туда, чтобы перейти через порталы в другие миры. И не смотреть, как магия людей губит их родной мир.

Эту легенду она прочла когда-то давно в храмовой библиотеке. Книга со сказаниями о древних народах была настолько старой, что грозила рассыпаться в руках. Только благодаря этому Феликса ее и увидела: древний фолиант достали из архивов, чтобы сделать копию. Мало кто считал, что эти легенды могут быть полезны, но Феликса не сомневалась, что многое из написанного — если не все — правда.

— Потом острова за завесой, которую охраняли драконы, опустели. Остался только один, самый упрямый народ — гномы. Они поддерживали связь с людьми, даже когда не смогли больше жить на материках из-за ауры человеческой магии. Гномы переселились на острова, но одному племени не хватало места, — Феликса вздохнула, — и тогда один из стражей, тот, что был больше и сильнее всех, пообещал подарить им новый дом.

— Я видел это на Джораакинли, — сонно промурлыкал Данатос.

— Да, — подтвердила Феликса. — Этот дракон был самым старым и устал от своей службы больше всех. Он выполз из моря туда, где дно подходило ближе к поверхности, лег на брюхо, разбросал свои огромные когтистые лапы — и на долгие века уснул. Пока гномы скитались по другим островам, маленьким и скудным, каменная спина и лапы дракона превратились в горы и поросли густым лесом. Так появились Драконьи острова: из спины, лап и хвоста великого стража. Только гномы знали, как можно добывать на этих островах камни, не вспарывая пустую породу кирками, не калеча их покровителя. Много лет они жили на нем, но все равно вынуждены были уйти — новый мир противился их существованию и грозил бедами. Когда гномы покинули Драконьи острова, туда пришли жадные люди и стали бить стража кирками и калечить лопатами его плоть, чтобы добыть редкие самоцветы. Тогда-то острова и ушли под воду и забрали с собой одержимых блеском драгоценных камней людей.

С пола до Феликсы уже доносилось ровное дыхание оборотня. “Хотела бы и я так же

быстро уснуть”, — позавидовала чародейка.

Заснула Феликса только под утро. Всю ночь Данатос вздрагивал во сне и что-то шептал. Феликсу так напугал этот шепот, что она решила попробовать подсмотреть, что ее друг видит во сне.

Сон оборотня погрузил ее в темноту, пронизанную зелеными и синеватыми бликами. Это немного напоминало астральный план, но все казалось куда более вещественным. Например, Феликса чувствовала, что здесь есть верх и низ, а еще — здесь можно было двигаться. Чародейка попробовала двинуться вперед и поняла, что плывет, совсем как в толще воды.

Феликса направила тело вперед и вверх. Сине-зеленые блики становились прозрачнее с каждым ее движением. Вскоре она стала различать исполинские водоросли, выющиеся чудовищными искривленными спиралями, как виноградная лоза. Водоросли оплетали что-то белесое.

Когда ей стало казаться, что она вот-вот увидит источник бликов, Феликса услышала утробный низкий гул. Он давил на уши, как пар в кипящем чайнике, плотно закрытом крышкой.

Давление и гул резко усилились, и Феликсу выбросило из сна Данатоса. Сколько она ни пыталась, вернуться туда так и не смогла.

Днем Данатос едва вспомнил свой сон. Он заметно посвежел по сравнению с последней неделей.

— Вода? — удивился он. — Думаешь, мне снилась вода?

— Извини, — Феликса опустила глаза. — Ты странно вел себя, и я влезла в твой сон.

— Могло неловко выйти, — буркнул оборотень, почесывая щеку, — мне ведь не только кошмары снятся... Кхм. Да. Может, я поэтому и не мучался так сегодня от него. Спасибо.

Ближе к закату Акыр заявил, что они достигли координат, которые указала на карте Феликса.

— Твои затопленные острова должны быть где-то здесь, — Кистень ткнул пальцем в карту, а потом махнул рукой в сторону моря. — Велишь лот достать?

— Нет, — покачала головой Феликса. — Лотом такое не найти, даже если они очень близко к поверхности.

Для поиска островов под водой они с Марондой долго изобретали заклинание. Веками эта земля скрывалась от людей под океаном — нечего было и надеяться обнаружить ее простым магическим поиском. Драконьи острова искали авантюристы, жадные до сокровищ гномов, ученые-чародеи, снедаемые желанием разгадать древние секреты волшебного народа, лидеры, надеявшиеся снискать славы. Все они терпели неудачу, а то и вовсе не возвращались из походов.

Но никто из них не был таким блестящим специалистом по тайной магии, как гроссмейстер Маронда, и не обладал дотошностью и упрямством Феликсы. Они спорили, наизусть цитировали трактаты мудрейших магов, проводили эксперименты с украшениями из императорской сокровищницы — то есть теми из них, что явно изготавливали гномьи мастера.

В конце концов поняли, что для успешного поиска нужно не выбирать лучший подход, а объединить оба: хитрость арканы и надежность традиционной магии подобия.

Почти неделя ушла на то, чтобы объединить поисковые чары для обычной и тайной магии. После некоторого раздумья Маронда посоветовала добавить еще и сканирующее заклятие для стихий.

— Никаких исследований, никаких маятников? — удивилась Брисигида. — Даже сейчас?

— Здесь ведь нет аномальной зоны, как у Анаштары, — объяснила Маронда. — А кем является второй проводник, мы и так знаем. Это леший.

— И где он? — удивился Акыр.

— Под водой, разумеется, — фыркнула Маронда. — Рассуждаем логически: мать-гора показала нам Драконьи острова, потом лешего. Значит, леший на Драконьих островах. Острова под водой, следовательно, и леший под водой!

— Гениально! — поджал губы капитан. — А нам-то туда как попасть?

— Вам — никак, — отрезала Феликса. — Под воду безопасно погружаться только мне. Если магия возле Древнего вдруг перестанет действовать и я не смогу больше дышать воздухом, я не умру. Любой из вас запросто задохнется.

— А давление воды? — настаивал Акыр. — Если этот леший сидит глубоко, тебя расплющит раньше, чем ты до него доберешься.

Феликса тоже об этом думала. Оставалось надеяться, что Древний, как и любое живое существо, должен дышать, а значит, сидит в какой-то пещере, где сохранился приток воздуха. Самой высокой точкой Драконьих островов была “голова дракона”. Ее вершина могла выходить на поверхность над уровнем воды, укрытая магией. Но магическим мог оказаться весь воздуховод. Феликсе оставалось только уповать на удачу.

— Погружаться слишком глубоко я не стану, — решила чародейка. — В крайнем случае, попробуем соорудить какой-нибудь сосуд для погружения.

— Мне не нравится твоя затея, — совсем по-отечески нахмурился Акыр.

— Особого выбора у меня нет, — напомнила Феликса.

Она отошла от стола с картами и стала готовиться к сканированию морской толщи и дальнейшему погружению: повесила на пояс несколько свинцовых грузов, соорудила на ногах ласты из металлических прутьев и воцеленой кожи, прикрепила их к сандалиям, подаренным Серебристыми Форелями. Вместо сабли взяла с собой острогу — еще один подарок сардан.

Вместе с Марондой и парой гребцов они сели в шлюпку. Старуха запустила подготовленные чары, и море подсветилось золотистыми искрами. Вскоре искры сбились в плотные воронки и устремились в разных направлениях. Через несколько минут золото начало светиться под водой, показывая силуэт горного хребта и венчающих его вершин.

— Голова дракона должна быть в той стороне, — Феликса указала матросам направление. Те покачали головами — мол, вот уж диво так диво, — и стали грести.

Феликса удивилась, какими маленькими оказались Драконьи острова. Дракон таких размеров был исполином, а острова — небольшими клочками земли, чуть больше того, где они прятались в Паланийском архипелаге.

— Остановите, — попросила она гребцов. На плавание все же ушло немало времени, но место для стоянки кораблей выбрали удачно: дальше от “хвоста”, ближе к “голове” и “лапам”.

— Удачи, девочка, — Маронда сжала ее руку. Феликса едва уловила дрожь в ее голосе и вспомнила слова Элиэн.

— Я люблю тебя, — чародейка поцеловала старуху в лоб. Потом бросила последний взгляд на эскадру — три величественных корабля с едва трепещущими на ветру парусами — села на борт шлюпки спиной к морю и одним кувыркком ушла в воду.

Маронда проводила ее озадаченным взглядом и потеряла лоб.

Под водой Феликса провалилась во тьму, как в яму, полную чернил. Золотистое свечение от заклятия пропало. Чародейка оказалась полностью дезориентирована.

“По крайней мере, заклятие подводного дыхания действует”, — утешила себя девушка. Феликса попыталась зажечь огоньки на кончиках пальцев, но любимый трюк не сработал. Несколько мгновений она перебирала ластами, оставаясь примерно на одном месте — по ее ощущениям. На деле океан мог отнести ее на пару метров от лодки.

Чародейка прикинула по памяти, в какой примерно стороне должна оказаться голова дракона после того, как она нырнула. У нее не было даже приблизительной уверенности, что она выбрала верное направление, но если болтаться на месте, ничего не изменится.

Феликса поплыла медленно, стараясь направиться туда, где по ее прикидкам должно быть дно. Она зажала нос, готовясь выровнять давление с глубиной... но никакого давления не было. “Наверное, дно не в этой стороне”, — решила Феликса.

Но в какую сторону она бы ни двигалась, давление и боль в ушах так и не появилось. “Боль я могу списать на свою мертвецкую бесчувственность, — недоумевала она, — но давление воды я бы почувствовала! Хотя бы слухом!”

Здесь, в темноте, звуков оказалось удивительно много. Чародейка была так озадачена поиском направления, что не сразу поняла, что подобных звуков под водой быть не могло. Она различала звонкую размеренную капель; мягкий приятный звон, будто миллион стеклянных звездочек перекатывался в огромной хрустальной вазе; шелковистый шелест, напомнивший ей, как мать опускала балдахин над ее кроватью; клейкий треск, с которым расцветают растения и лопаются свежие почки при магически ускоренном росте...

Феликса перестала искать верное направление и позволила звукам и ощущениям нести ее тело, помогая им слегка ластами. Через несколько минут она начала различать синезеленые блики, а глаза стало намного меньше щипать от соленой воды. “Сейчас меня выбросит отсюда, — испугалась она. — Как ночью из сна...”

Блики становились все ярче. Разглядеть что-то кроме синезеленого свечения оказалось невозможно. Вскоре оно стало не просто ярким, а слепящим, и Феликса зажмурилась. Капель, звон и шелест стали четче; эти звуки доносились словно со всех сторон сразу, ввинчивались в мозг, ускорялись, рискуя довести чародейку до безумия...

... Волны ударили ее о скальную полку. Феликса судорожно вцепилась в подобие берега, несколько взмахов ногами вытолкнули ее вперед. Еще одна волна грубо толкнула ее дальше, и чародейка сильнее ухватилась за край поросшей острыми ракушками скалы, чтобы ее не слизнуло обратно в океан. Она ощупала все вокруг, нашарила следующую “ступеньку”, куда можно было взобраться, сняла уже ненужные ласты.

Подниматься пришлось в основном на ощупь, но иногда где-то дальше и выше вспыхивали бледные синезеленые светлячки. В этих вспышках стало видно, что острые краешки наростов на скалах — вовсе не ракушки. Это были самоцветы, сапфиры и изумруды, аквамарины, флюориты, аметисты, какие-то фантастические минералы, которых она никогда не встречала — камни, большинство из которых ни за что не могло бы

сосуществовать в природе.

Очередная вспышка высветила впечатанный в скалу череп — кристаллы самоцветов проросли прямо сквозь него. Еще череп. И еще. Скоро она поняла, что лезет практически по одним только черепам. “Если Анаштара символизирует источник мертвой воды, — подумала Феликса, — то второй Проводник должен бы вести к источнику живой воды. Но пока что-то не похоже”.

Очередная ступенька наконец вывела ее к источнику вспышек — огромной пещере. Она точно так же поросла щетками кристаллов, и свет отражался в них мириадами разноцветных бликов, в основном синих и зеленых. Сам светоч оказался крошечным: белое пятнышко размером не больше яблока.

Феликса застыла. Ближущие кристаллы были не главным чудом в этом месте.

Противоположная стена пещеры, та, от которой долетал пульсирующий свет, сплошь поросла лозами. Толстые, как древесный ствол, основания переплетались с нежными свежими ростками. Ростки же непрерывно ползли, крепили и выстреливали новые листья и гибкие усы, которыми цеплялись за старые участки. Стена лозы была такой плотной, что Феликса не могла различить за ней скалы.

Постоянно растущая лоза избегала одного места в центре — источника света и того, кто его оберегал. Белый светоч вспыхивал между двух светлых витых рогов. Рога принадлежали существу с бледной кожей, испещренной темно-зелеными татуировками. Те, казалось, тоже двигались и рисовали на его коже новые ростки, в то время как старые сохли, бледнели и исчезали. Ниже пояса тело покрывала блестящая темная сине-зеленая чешуя. Ноги по форме напоминали задние конечности горного козла, но копыта были гораздо мощнее.

Леший спал. Широкая грудь мерно вздымалась в такт пульсации светоча между рогов. Феликса боялась сделать шаг и разбудить его, боялась, что если он проснется, то лозы прекратят свой рост, светоч погаснет, и волшебная пещера погрузится во тьму, из которой она только что выплыла.

“И все-таки, как я сюда попала? — Феликса с досадой осмотрела израненные мелкими кристаллами руки. — И почему плыла сквозь тьму вместо океана?” Глядя на лешего, она все-таки придумала объяснение: должно быть, тьма — это сон Древнего, оберегающий священное место от вторжений. Но что тогда ее пропустило? “На Проклятых островах Анаштара сама вела нас к ней, — вспомнила чародейка. — Течения подхватывали корабли в тумане и гнали к острову. И так же, наверное, какая-то древняя магия ведет через тьму его сна”.

Но все, кто прошел через сон, теперь были вмурованы в скалы убежища Древнего. “Не кончить бы тем же”, — вздрогнула Феликса.

Свет вдруг замерцал быстрее и ярче. Лозы взбухли змеиными кольцами, разрастаясь с такой скоростью, что чародейка едва могла уследить за движениями ростков. Больше всего на свете ей хотелось развернуться и сбежать обратно в океан. Но что-то подсказывало ей: побег бесполезен. И она стояла неподвижно.

Когда одна из лоз оплела ее руку, Феликса вздрогнула и стиснула зубы. Зеленые плети оплели ее ноги, талию, вторую руку и потащили прямо к лешему. Из-под опущенных век древнего струился слабый белый свет.

— Кто ты? — голос лешего звучал низко и гулко, как чугунный гонг — если бы кому-то пришлось в голову сделать такой.

— Я — мертвец поневоле, — ответила Феликса. Это был странный ответ. Но очень

честный.

Леший распахнул глаза, обдав ее волной белого огня.

— Мне хватает здесь мертвецов, — пророкотал Древний. — Все они хотели что-то украсть. Несколько камней. Кусочек живой лозы... А зачем пришла ты?

— Я пришла умолять тебя о помощи, — призналась Феликса. Белый свет заставлял слова вырываться из ее рта практически без ее участия. Сердце колотилось в агонии, как угодившая в костер лягушка.

— Любопытно, — леший прищурился. — Очень любопытно.

Он заставил лозы отпустить девушку. Феликса осела на пол, хватая ртом воздух. Легкие горели, все мышцы ныли, порезанные руки кровоточили.

— Зачем ты пила мертвую воду, девочка? — пророкотал Древний. Одной рукой он коснулся света между рогов, и тот стал ровным и мягким, повис в воздухе в центре пещеры.

— Чтобы другая могла пить живую, — прохрипела Феликса. Так плохо ей не было со дня побега из Арделореи. — Чтобы моя подруга не умерла.

— А теперь ты тоже хочешь жить? — леший склонился над ней, провел рукой над ее головой. Феликса наконец-то смогла нормально вдохнуть.

— Очень хочу, — чародейка села, отдышалась. — Я должна жить.

— Проще уничтожить тебя, — равнодушно сообщил Древний. — Ты слишком опасна.

Феликса шмыгнула носом, утерла слезу со щеки. Сил спорить не было.

— Если сочтешь нужным — убей, — чародейка посмотрела ему в глаза. — Но мне бы не хотелось умирать, даже не попытавшись спастись.

Глаза лешего были сплошной сине-зеленой радужкой с черной прожилкой вертикального зрачка. Феликса вспомнила, что уже видела такое. На ожерелье с драконом, которое так и не надела...

— Ты очень странный мертвец, — решил леший. — Я уже видел людей, выпивших мертвой воды — их не звал мир живых. Что тебя держит?

Молодой побег вновь оплел ее запястье.

— Данатос, — выпалила она. — Маронда. Дина. Брисигида. Лаэрт. Арделорея...

Лоза отпустила руку Феликсы. Леший едва заметно улыбнулся.

— Много причин, чтобы жить, — признал Древний. — Я могу тебе помочь. Но за все нужно платить, мертвец. Ты знаешь цену.

Феликса встала, выпрямилась. О да, она знала цену. Догадалась несколько минут назад, вспомнив, что рассказала Брисигида об их противостоянии с Анаштарой.

— Мое имя Феликса Ферран, дочь Драгана и Валисс Ферран, Стальная Гарпия Арделореи. Вот моя цена.

— Только половина, — гулко ответил леший.

Лозы набросились на Феликсу миллионом ядовитых аспидов. Каждое касание зеленого ростка жгло кислотой. Она шипела от боли, но не пыталась вырваться. За ней не стояла могущественная богиня — но, как и на Проклятых островах, она бы ее и не услышала.

Лозы оплетали шею, сжимались на руках, стягивали ребра так, что чародейке казалось, будто она слышит их треск. Феликса смотрела на лешего неотрывно, стараясь игнорировать боль.

Лоз становилось так много, что чародейка перестала дышать. Она не могла понять, сколько времени висит так, одновременно распятая и спеленутая в кокон ядовитых побегов. Минуту? Час? “Что я делаю не так? — судорожно соображала Феликса. — Как мне вернуть

ему имя? Чего я не понимаю?”

Чародейка закрыла глаза. Вместо темноты перед глазами полыхали белые и алые пятна. Борясь с желанием сжечь чудовищную лозу, Феликса погрузилась в собственные мысли, потянувшись к астральному плану. Ростки хлестали ее по щекам, мешали сосредоточиться. “Боль — всего лишь напоминание тела о том, что ты еще существуешь, — вспомнила она слова отца. — Порой этим знакам следует внимать. Но тому, кто хочет уметь защитить себя и других, необходимо забыть о жалобах тела. Боль не должна тобой помыкать”.

Феликса заставила себя расслабить все мышцы, сопротивляющиеся тугим плетям лозы. Пятна перед глазами наконец-то поблекли, рассеялись. Тьма арканы охотно обволокла ее разум, помогла рассмотреть дух Древнего.

Многие века назад этот дух горел ярко, ярче луны и звезд — почти как солнце. Даже под землей, в одиночестве, белый свет пылал путеводным маяком. И когда пришла вода — свет все равно не померк.

Но время прожорливо. Духу стало нечем кормиться, и время тянуло из него силы, медленно, но неумолимо. Он надеялся, что люди, которых так тянуло сюда, помогут ему, подпитают... но жадные души, искавшие лишь наживы, не могли прокормить светлого духа. Свет не способен расти там, где его только поглощают — и ничего не дают взамен.

Тогда дух окружил себя спасительной тьмой. Лишь в черноте первобытной тьмы он мог по-прежнему быть светом. Самым ярким и чистым...

— Гори мной, — шепнула Феликса. — Пусть я мертва, и душа моя когда-то блуждала во тьме. Возьми все, что я пронесла сквозь нее, и все, что могла бы нести дальше. Этот источник не исчерпать и тысяче смертей. Гори, как я горю.

Лозы на ее теле, ранящие, калечащие, сочащиеся ядом, вспыхнули — но не огнем. Чистый, незамутненный белый свет током пробежал по старым стволам и свежим побегам, наполнил всю пещеру. Вслед за лозой побелели и татуировки на теле лешего, виток за витком.

Остался последний шаг. Последний — и, как это часто бывает, самый трудный.

Внутренняя сила охотно горит, когда кажется, что кто-то могучий способен подхватить и спасти в последний момент. Но в сердце Феликсы, в отличие от Брисигиды, не было места чужой силе, древним богам и их тайнствам.

Зато в нем поселился сын одного из них, сын Великой Матери. “Как мать узнает имя своего ребенка? — вспыхнула внезапная догадка. — Как капитан узнает имя корабля, всадник — имя коня, древний воин — имя меча?.. Как узнать имя того, кто сам его не помнит?”

Это и правда было сложно, хоть лежало на самой поверхности.

— Я прошу твоей помощи и плачу полную цену, — Феликса открыла глаза. — Владей своим именем, Древний. Я отдаю тебе его... Септаграт.

Белое сияние заполнило глаза лешего, пробежало по витым рогам и длинным темно-синим волосам. Феликса снова услышала капель, перекааты и звон стеклянных звезд, теплый шелест... потолок пещеры раскрылся, как свежий бутон. Вода хлынула по стенам: пещера оказалась почти на самой поверхности.

Тугой кокон из стеблей разжался, выпуская чародейку. Лозы тут же переплелись под ее ногами, свились в большую зеленую лодку.

Феликса легла на плетеное дно, закрыла глаза и тут же уснула — так крепко и сладко, как не спала даже в детстве.

Целители наконец-то отпустили Аянира, но попросили Джамира какое-то время пожить с ним. Джамир был только рад. Последнюю неделю он постоянно тренировал иосов, и советник, который ими командовал, патерос Плиммира, очень гордился результатами. Почему-то бывшего антимага это пугало.

— Что тебя тревожит? — недоумевал цесаревич. — Ты хороший воин, но что гораздо важнее — хороший учитель. Иосы тебя понимают. Советник Плиммира сказал, что ты даже подсказал, как соединить магические приемы и... кхм. Забавно. И антимагические.

— Патерос Плиммира и правда меня хвалил. — Джамир все никак не мог привыкнуть говорить местное “патерос” вместо привычного “генерал”. — Вот только когда военачальники хвалят, жди сложных заданий.

— Тебя не попросят сделать что-то, с чем ты не справишься, — заверил его Аянир.

— Тебе-то почему знать?

Они разговаривали на берегу подземного озера. Джамир выполнял свои ежедневные упражнения. Аянир любовался игрой бликов на водяных светильниках — в полдень и пару часов после него в пещеру Матинеру проникало больше всего света. Цесаревич, казалось, успел совсем позабыть, что тоже когда-то учился в Цитадели антимагов.

— Здесь ведь не Цитадель, — напомнил он. — А патерос — не Аннаира. Не твой безликий Владыка. — Джамир покосился на цесаревича, взмахнул тренировочным шестом и покачал головой. Аянир понял. — Ну ладно. Ты прав, я знаю, потому что мне уже сказали, о чем собираются тебя попросить.

— Так скажи мне.

Горец завершил движение, встал спокойно, выдохнул. Отложил тяжелую палку, стянул промокшую от пота рубашку и медленно вошел в озеро. Он поежился: в это время года вода и на поверхности холодила, что уж говорить о подземной части потоков. Но Джамир все равно не собирался плавать и плескаться, только освежиться. Сосредоточиться перед собранием Совета, на которое их снова пригласили.

— Ты давно виделся с Теоной? — спросил Аянир, будто не услышал его просьбу.

— Вчера, — ответил горец. — А что?

— Она помогла тебе вспомнить Бедеран. — Цесаревич протянул ему пушистое полотенце. — А последнее время вы наверняка много говорили о твоей деревне, верно?

— Все так, — кивнул Джамир. — Но как это относится к... О, нет! Только не говори мне, что в этом и состоит ваш план!

— Понимаю твои опасения, — осторожно начал Аянир, — но это всего лишь дипломатическая миссия. Кто лучше тебя поймет твоих соотечественников? Последним, кто поладил с горцами, был герцог Драган Ферран, но он погиб во время переворота. К тому же он ездил в другие горы. Не к твоему народу.

— Мой народ! — простонал Джамир. — Я такой же чужак для них, как и ты, как любой из славирских аристократов. Если ты не прожил с ними всю жизнь, ты чужой. И никто не станет тебе помогать.

— Но ты их хотя бы знаешь. — Аянир положил руку ему на плечо. — Друг мой, послушай. Не руби с плеча. Хотя бы послушай, что скажет Совет. У них ведь есть план.

— Мура ваш план, — заявил Джамир. — Вы хотите уговорить горцев под девкой ходить. Да будь она хоть трижды императрица! Никакой дипломат их не убедит.

— А как же ее капитан? — с хитрой улыбкой напомнил цесаревич.

Джамир осекся. Он совсем недавно рассказывал об этом Теоне: как Владыка Аннаир велела целому отряду объединить усилия и захватить горца с семьей, чтобы использовать их как приманку для еретички, то есть Феликсы. Тогда он был настолько далек от места, где вырос, что его удивило лишь количество воинов, отряженное на сражение с еретичкой.

— Это все равно очень непросто, — вздохнул Джамир.

— А ты? Ты сам согласился бы слушать женщину?

— Не знаю... — Джамир совсем запутался. Он ведь и так служил женщине долгое время, даже не зная того. И разве он подвергал сомнению ее приказы? Разве ему было дело до того, чей голос выносит приговор через зеркало? — Наверное, согласился бы. Пока ты не сказал, что Владыка — твоя сестра, я понятия не имел, что подчиняюсь бабе. А о ней ведь хорошего не скажешь! Не то что об этой вашей волшебнице.

— Как часто повторяют наши славирские друзья, — улыбнулся Аянир, — Феликса безрассудна до безобразия. Но и до безобразия эффективна. Так она когда-то и завоевала авторитет во флоте, отвагой, безумием и благородством. Все, чему ей осталось научиться, это думать на холодную голову. А этого, например, и ты пока не умеешь.

— Значит, нас научишь ты, и ее, и меня, — Джамир хлопнул себя по бедру. — А я, так и быть, попробую поговорить со своим народом.

Аянир склонил голову в одобрении.

— Я рад твоему решению. Обсудим остальное с Советом. Буду ждать тебя в ратуше через час.

К условленному времени Джамир успел переодеться, поволноваться и заставить себя снова пройти к ратуше хрупкими мостами, а не через ходы в стенах пещеры. Эта прогулка заставила его немного отвлечься от переживаний по поводу того, как он будет искать путь домой, и начать переживать из-за тонких полупрозрачных перегородок, в чью прочность Джамир никак не мог поверить.

В ратушу горец вошел почти спокойным.

— Поздорову тебе, — поднялся со своего места патерос Плиммира. — Я как раз рассказывал, сколь многому ты научил наших воинов.

— Здравствуй, Джамир, — улыбнулся Леветир, чуть приподняв голову от какого-то свитка. — Присядь, подожди. Мы начали немного раньше, чтобы не утомлять тебя нашими отчетами. Пару минут, я допишу...

Другие советники тоже тепло приветствовали его. Джамир старался отвечать тем же. Наконец он сел в кресло рядом с Аяниром. Цесаревич передал ему карту южных губерний, в том числе подробно прорисованную горную местность. Поселения были отмечены лишь у подножья гор. Вдоль хребта искусный картограф начертал: Шимольская гряда.

— Я позволил себе намекнуть нашему другу, о каком деле мы хотим его попросить, — сообщил Аянир, когда Леветир отложил свиток. — Джамир не слишком уверен в успехе переговоров с элементами земли.

— Что в целом вполне обоснованно, — заметила самая старшая из советниц. — Ведь мы собираемся помочь ее императорскому высочеству Феликсе Ферран занять ее законное место. А власть женщины патриархальные общества, вроде племен горцев, неважно, с юга или севера, едва ли могут принять.

— Речь идет не о том, чтобы навязать им женское руководство, — добавила другая советница, — а о поиске некоего компромисса. К тому же, элементы земли не единственные потенциальные союзники. Огненных магов отыскать непросто, но ходят

слухи, что их направляет женская рука. Такой народ вряд ли станет возражать против молодой императрицы на троне.

— Тем сложнее будет уговорить вождя Каратау объединиться, — невольно вздохнул Джамир. — Не говоря уже о правителях Яширина. Там я вообще никогда не бывал, но знаю, что это город не меньше вашего. И без их одобрения ни один шимольский маг даже не покинет гор. Разве что бестолковый и бесталаный сирота вроде меня, до которого никому нет дела.

— Если они ни разу не столкнулись с силами антимагов, переговоры можно даже не начинать, — нахмурился Леветир. — Но Шимол находится не так далеко от тундры Цитадели — по сравнению с другими поселениями элементарей. Я уверен, что твои соплеменники ненавидят прихвостней Аннаиры не меньше меня.

— Она ни разу не отправляла отряды к горам? — спросил Плиммира.

Джамир почесал висок. Он считался хорошим исполнителем, но возглавить отряд ему так и не довелось, поэтому о чужих миссиях он знал мало. Смутно, очень неуверенно он припомнил, что порой антимаги возвращались в Цитадель со снаряжением для путешествий по горам во вьюках.

— Возможно, отправляла, — он пожал плечами, — но меня среди них не было. Послушайте. Не так важно, дрались они или нет — я все равно плохой переговорщик. Я не привык много и красиво говорить.

— Зато объясняешь понятно, — улыбнулся ему довольный патерос. — Иосы быстро усвоили твою науку.

— Так то драка! — возмутился Джамир и тут же смутился своей реакцией. — Да, я знаю, чего ждать от шимольцев. Смогу не потеряться на местности, это действительно непросто для чужаков. Но мне нужна помощь. Кто-то, кто умеет ладить с людьми, мужчина, авторитетный.

— О, Триединая! — фыркнул Леветир. — Да скажи ты уже прямо, что без Аянира ты шагу ступить не готов.

— Леветир! — возмутился цесаревич. — Иногда ты меня неприятно удивляешь.

— Воплощенная дипломатия, — резюмировал провидец. — Ты прав, мой горный орел. Вдвоем вы справитесь лучше. Не обижайся, Аянир, но ты здесь прячешься, в то время как можешь заняться делом. К Цитадели за Джамиром ты тоже сперва не рвался идти.

— Поддерживаю, — кивнула старшая советница. За ней следом поддержали и остальные.

Цесаревич покачал головой.

— А я-то, наивный, надеялся хоть немного передохнуть. Видит Триединая, не судьба.

Маронда ждала несколько часов. И она, и гребцы успели устать и проголодаться, но никому из них не пришло в голову уплыть без Феликсы. Алмазный кулон на груди старухи иногда заговаривал с ней голосами Брисигиды, Акыра, Ранжисоны и того странного метиса-разбойника, Джулиана Тана.

Моряки видели, как девушка ушла под воду, но она скрылась из вида так быстро, что даже самые зоркие не уследили. “На глубину ушла, наверное”, — так решили матросы.

Старая волшебница подозревала, что дело было не в глубине. Магическим взором она она тоже не могла различить ученицу.

Еще через пару часов в нескольких десятках метров от шлюпки вода вспенилась, закрутилась воронкой. Из центра водоворота брызнул слепящий свет, ярче солнца, начавшего клониться к горизонту.

— Хороший знак? — спросил Маронду один из гребцов.

— Хотела бы я знать, сынок, — вздохнула старуха.

Вскоре свечение стало мягче. Водоворот замедлился, а после и вовсе стих, позволив разглядеть, что появилось на поверхности воды.

— Странная лодка, — шептались матросы.

— Никогда таких не видал, ага, — отвечали другие.

Лодка, сплетенная из сочных зеленых стеблей и иссохших старых лоз, плыла сама по себе. Леший стоял в ней в полный рост — один. Больше никого не было видно.

— Что же это, — матросы зашептались, кто-то схватился за острогу, — где старпом? Где Феликса?..

Зеленая лодка поравнялась со шлюпкой, остановилась. Леший медленно повернул к ним рогатую голову.

— Многовато нынче гостей, — пророкотал он густым басом. Маронда вздрогнула от взгляда огромных сине-зеленых глаз на плоском лице.

— Мы здесь не для того, чтобы гостить у Древнего, — прищурилась старуха. — Где Феликса? — волшебница встала, опираясь на посох с латунными бубенцами.

— Так мертвая пришла не одна, — гулко проговорил леший. — Ты одна из тех, кто держит ее с живыми?

Маронда кивнула.

— Мертвец спит, — Древний указал на дно своей лодки, и наставница наконец-то разглядела Феликсу, свернувшуюся калачиком среди стеблей и листьев. — И если боги будут к ней милостивы, проспит еще долго. Она дорого заплатила за мою свободу.

— Возвращаемся на корабль, — скомандовала Маронда. — Смотри, Древний. Видишь корабли? Каждый из тех, кто на борту, готов следовать за этой девочкой хоть к демонам в пекло.

— Нам не привыкать, — хохотнул один из матросов, — у демонов-то уже бывали!

— Точно! Точно, бывали! — подхватили остальные.

— Бывали! — кивнула старуха. — Так что не отставай, плыви за нами. Сегодня не мы твои гости, а ты — наш.

— Будь по-твоему, — леший равнодушно отвернулся. — Я давно не ходил на корабле.

Они не решились продолжить путешествие без Феликсы. Та провалилась в сон столь беспробудный, что даже Брисигида с братом не смогли заставить ее очнуться. Древний даже снизошел до того, чтобы объяснить причину:

— Я проспал в пещере дольше, чем любое другое существо на земле. Так было нужно, чтобы выжить. Феликса Ферран, дочь Драгана и Валисс Ферран, Стальная Гарпия Арделореи, — леший повторил то, как чародейка представилась ему, чуть нараспев, растягивая слова, — отдала слишком много сил. Не будь она мертвой, скорее всего, погибла бы. Но магия этого места отогнала от нее гибель так же, как и от меня. Глубоким сном.

Посоветовавшись, Маронда и три капитана приняли решение устроить стоянку до пробуждения Феликсы. Место выбрали как можно дальше от обитаемых земель — на юге Сарданафара это не составило труда. Здесь жили в основном дикие племена, с которыми

мало кому удавалось встретиться.

Мурена, сойдя на берег, постоянно изводил всех вопросами. На этот раз он пытался достать Брисигиду, потому что Маронда, знавшая больше всех, либо осыпала его матюками, каких он совсем не ждал от женщины столь почтенного возраста, либо и вовсе игнорировала.

— Так значит, чтобы оживить нашу великую императрицу, — рассуждал Тан, активно жестикулируя и сверкая глазами, — нужно найти двух легендарных существ, которых никто никогда не встречал, пройти их испытания, не умерев и не чокнувшись, да еще и найти способ помочь пришельце из иных миров прийти в себя после неудачного перехода. А потом надеяться, что эти трое доставят всех нас на Остров, в существование которого большая часть цивилизованного мира перестала верить еще несколько столетий назад. Я ничего не упустил?

Брисигида только развела руками. Тело Феликсы по-прежнему нужно было поддерживать в жизнеспособном состоянии, да и Элиэн порой еще нуждалась в помощи. На это уходили все силы жрицы. На то, чтобы оградить себя от напористого капитана, их совсем не оставалось.

Что не ускользнуло от внимания Лаэрта, который следил за каждым шагом наемника.

— Ты упустил то, что нам приходится терпеть твой несносный трындеж, — проворчал Лаэрт, подходя к Тану. — Отстань от Брисигиды со своими дурацкими расспросами, изверг! Ей и без тебя есть чем заняться.

— Я с удовольствием пристану к тебе вместо прекрасной дамы, — с шутливым поклоном заявил Мурена. — Прекрасный юноша меня тоже вполне устраивает.

Тан улыбнулся и двинул бровями вверх-вниз. Кажется, он рассчитывал смутить Лаэрта этим жестом, но фехтовальщик только расхохотался и хлопнул капитана по спине.

— Ну хоть кто-то здесь неравнодушен к прекрасным юношам! Расспрашивай сколько хочешь, только не лезь к Брис, — Лаэрт тут же посерьезнел и нахмурился. — Обидишь ее — шкуру спущу. — И добавил чуть тише: — Если раньше этого не сделает Анаштара...

— За мертвую императрицу ты тоже убить готов? — усмехнулся Мурена.

— О-хо-хо, — покачал головой Лаэрт, — наша чародейка, во-первых, сама за словом в карман не лезет, а прибить букашку вроде тебя может вообще не напрягаясь. К тому же, о ее благополучии заботится кое-кто другой, с кем тебе тоже лучше не нарываться.

— Тебя послушать, так я тут каждого второго бояться должен.

— Акыр с Ранжисоной не жаловались, а ты вдруг разнылся, — фыркнул шпион. — Брось, Мурена. Признайся, тебе нравится быть в такой компании. Ты же весь светишься энтузиазмом, а Анаштару и этого зеленого рогача разглядываешь часами с открытым ртом.

Джулиан Тан закатил глаза, взмахнул кистью в красных кружевах и перевел разговор на другую тему. Но от Брисигиды отстал — и не донимал больше никого пустыми расспросами, а если ему нужно было узнать что-то важное, спрашивал у Лаэрта, Акыра или Ранжисоны.

А также охотно присоединялся ко всем спаррингам.

— Легче, Мурена, легче! — смеялся над ним Лаэрт. — Ну же, у тебя шаг танцора и цепкие руки. Ты не должен пропускать такие простые финты. Еще раз!

Джулиан нападал. Лаэрт делал пару шагов, уклонялся и переходил в контратаку, играючи управляясь с клинком. Тан едва успевал следить за его движениями.

— Я еще не встречал такой скорости движений, — признался Мурена после очередной стычки. — Я считал быстрым себя, но ты... где ты этому научился?

— Такому учат только улицы, — хмыкнул Лаэрт. — Если хочешь выжить в трущобах большого портового города, нужно быть быстрым и ловким. Сила не поможет удрать от стражников или тупых бандитов. А вот гибкость, скорость — о, этому я не сразу научился. Но стоит пару раз полежать в подворотне пегим от побоев, и наука как-то сама приходит.

— Вот как! — Тан утер пот с высокого лба. — Мне тоже доводилось много бегать. Но больше по морю. Постой, если ты рос босяком, как же ты выучился фехтовать? Или у вас в Арделорее любой оборванец владеет саблей?

— Это не совсем сабля, — вздохнул Лаэрт и чуть поджал губы. — Такой клинок зовется карабелой. Она досталась мне вместе с кольцом... от друга. В награду за упорство в учебе. Он меня и пристроил в кадетский корпус учиться, усыновил, чтобы были у меня нормальные документы. Умудрился сделать это при живом отце — старик мой пил не просыхая, ему все было до едрени фени.

— До чего?

— В смысле, насрать.

Джулиан снял шляпу, промокнул виски платком. Ущипнул себя за подбородок, косясь на Лаэрта.

— Не смотри так. Меня все об этом спрашивают. Нет, тот друг меня не совращал. И отец тоже. Бить бил. В остальном не трогал.

— Не каждый спокойно расскажет незнакомцу о своем детстве, — заметил Мурена.

— А чего тут скрывать, — фыркнул Лаэрт. — Когда меня это волновало, я не рассказывал. Зато по борделям ходил, как нормальные люди на молебен — каждый день. Потом появились Данатос и Брисигида. С тех пор, как бабка моя померла, людей ближе у меня нет. И детских травм — тоже.

Джулиан стянул рубашку, скинул сапоги и пошел к морю. Окунулся, с наслаждением фыркая и плескаясь. Длинные темные волосы, обычно завитые на железках по ферискейской моде, облепили жилистую смуглую спину.

Вскоре Лаэрт последовал примеру Мурены, с разбегу нырнул в воду, обдав капитана лавиной брызг. Спустя пару минут вынырнул, вышел на мелководье, стряхнул воду с волос.

— Ух, хорошо! Водичка-то теплая, не то что в Палании.

— Вы приплыли оттуда? — поднял брови Тан.

— Мы провели там какое-то время. Потом отправились к Проклятым островам.

— Там вы и встретили эту рогатую бестию?

— Ты об Анашгаре? — хмыкнул Лаэрт. — Да. Сперва она похитила меня. Украла, как породистого коня, представляешь? Не знаю, что Брис с ней сделала, но сейчас она кротка, как восточная женщина при отце.

— А синеглазый? — Джулиан скрутил пряди волос, отжал воду. Осмотрел себя, провел ладонью по плечу и предплечью, ощупывая надувшиеся от тренировки мышцы.

— Пес его разберет, — пожал плечами Лаэрт. — Пока Феликса без сознания, он и слова не говорит. Отвечает иногда, односложно. И то — если Маронда спрашивает или Дани. Других будто за букашек считает.

— Чего еще ждать от нелюдя, — скривился Тан. — Хотя уж Гарпия-то его приструнит, не сомневаюсь!

— Ты редко зовешь ее по имени, — заметил Лаэрт. Тан с неудовольствием отметил, что арделорейский фехтовальщик не только атлетически сложен и приятен лицом, но и бойцовски жёсток: на загорелом теле виднелись еле заметные ниточки шрамов, светлая

борода отрастала густо, цепкий взгляд успевал отметить любые детали. Джулиана, бывало, принимали за девушку. Этого человека за девчонку принял бы только слепец. — Все Гарпия да Гарпия. Почему?

— Похожа сильно, — рассмеялся Тан, беззастенчиво продолжая разглядывать Лаэрта. — Видел на гравюрах этих гарпий... вроде красивые, но страшные. Вот и ваша императрица такая же. Собою недурна, хоть и не писаная красавица. Но иногда как посмотрит... не знаешь, то ли бежать, то ли защищаться. — Он взмахнул рукой, покрутил кистью. — А вы, похоже, близкие друзья?

— Да, наверное, не будет преувеличением так сказать. Хотя столько всего смешалось... Она спасла Брис. Вытащила нас из Бедерана. Научила меня управлять опасным даром. Е конце концов, она наша императрица, я должен был бы ей служить, даже если бы не хотел. — Лаэрт глянул на “Око Бури”, стоявший на якоре, где в одной из кают спала Феликса. — Но мне только в радость быть здесь. Знать, куда мы плывем и зачем. Выполнять не приказы, но просьбы от той, кому я могу доверять, кто сочувствует мне, когда мне кажется, что я не достоин сочувствия.

Джулиан Сатибрионо Тан в ответ промолчал. Он мог лишь надеяться, что по его лицу не слишком очевидно, что он чувствует нечто подобное — хоть и не может так же понятно объяснить это, даже самому себе.

Феликса очнулась только через три дня. Ее так и не решились переносить из каюты. Леший, поднявший ее на борт “Ока Бури” в люльке из сплетенных лоз, игнорировал всех, кто пытался узнать у него, каким курсом вести корабль. Брисигида хотела заставить Анаштару говорить с ним, но та только качала рогатой головой:

— Бесполезно. Феликса вернула ему имя — только при ней он может вести нас. Если бы ты была без сознания, я бы тоже не могла ничего сделать.

Так что все три дня Данатос и Брисигида постоянно дежурили у спящей чародейки. Жрица несколько раз проводила сканирования, выискивая некроз, но за время сна организм Феликсы не приблизился к смерти ни на йоту.

Когда чародейка наконец проснулась, вид у нее был дикий. Феликсу долго и бурно тошнило, трясло от лихорадки, она не могла вымолвить ни слова. Кое-как Брисигиде удалось стабилизировать состояние чародейки — только с помощью Лаэрта и Данатоса одновременно.

Феликсе пытались снова давать кровь, хотя бы по чуть-чуть, но ее организм больше не принимал чужой жизненной силы. Кровь попросту не усваивалась.

— Не понимаю, — Брисигида заламывала от ужаса пальцы, искусала себе все губы. — Что ты такого сделала, что это стало бесполезно?

— Кх... кха-а-а, — прохрипела Феликса, пытаясь ответить жрице. Та наклонилась поближе к подруге. — С-се-п-х... с-се... — чародейка снова прочистила горло. — С-сеп. Та. Грат, — выговорила она наконец по слогам.

— Септаграт? Что? — не поняла Брисигида.

Пока жрица раздумывала над загадкой, в дверь каюты кто-то постучал — очень сильно, так, что звякнули стаканы и миски на столе.

— Кто там? — испугалась Брисигида.

— С-се... С-сеп... — Феликса уцепилась за руку жрицы.

— Септаграт? — Брисигида хлопнула себя по лбу. — Проводник-леший! Его имя — Септаграт?

Феликса подняла и опустила веки, на кивок сил не хватило. Жрица поспешно открыла дверь, и леший прошел в каюту, заставив ее посторониться. Он сел на колени у постели Феликсы, провел ладонью над укрытым одеялом телом. Чародейка стала дышать ровнее.

— Ты перешагнула черту, — сообщил ей Септаграт. — Ты сжигала свои силы гораздо быстрее, чем могла себе позволить.

— Там, в подводной пещере, — вспомнила Феликса. — Ты заставил меня жить на какое-то время.

— Не путай жизнь и иллюзию жизни, — покачал головой леший. — Твои друзья и я — даже все вместе мы не сможем долго поддерживать тебя.

— К счастью, это и не требуется, — Феликса поморщилась, села на кровати, придирчиво осмотрела себя. — Оба Проводника здесь. Даже Странница из древнего пророчества явилась.

Леший кивнул.

— Все так, — пророкотал Септаграт. — Но чем ближе к Острову Жизни, тем хаотичнее течет время. Для тебя это путешествие может стать последней каплей.

— Если что-то пойдет не так, ты уничтожишь меня, — пожала плечами Феликса.

— Теперь не смогу, — возразил леший. — Мы в одной лодке, девочка. За проезд уплачено сполна.

— Мы о ней позаботимся, — пообещал Брисигида, бледнея. — Мой брат поклялся. Мы не допустим, чтобы Феликса начала творить зло.

— Я это запомню, — Септаграт поднялся с колен. — Готовьтесь к последнему путешествию. Завтра мы проложим вам путь.

Глава 7. Чешуя и кость

Рассвет залил две высокие фигуры на носу корабля золотыми розблесками. Антрацитовое тело Анаштары лоснилось в первых робких лучах. Демоница снова отрастила широкие ветвистые рога. Пряди длинных алых волос укрывали ее, стекались за спиной, как кровавый плащ.

Глаза Септаграта светились белым, словно подпитываясь рассветом. Растительные татуировки на теле пульсировали, непрерывно взрывались буйным ростом, цвели, крепили и иссыхали — снова и снова. Меж витых рогов, напоминающих виноградную лозу, теплилась белая искра. По сапфировым волосам и бирюзовой чешуе пробегали белесые молнии.

Древние плели заклятие согласными движениями. Вокруг Анаштары кружились черные хлопья, похожие на сажу. Лепестки черноты подхватывали искры белого пламени и устремлялись вперед, зависая над водой серебряными бликами. Блики сливались друг с другом, пульсировали и мерцали, пока наконец не срослись в одну яркую звезду. Она поднялась выше, подхватила лучи поднимающегося солнца и расплескала вокруг трепещущие отблески.

Анаштара и Септаграт прижались друг к другу спинами, переплели руки в локтях. Ноги суккуба стали покрываться блестящей черной чешуей. Витые рога Септаграта выбрасывали новые ростки, ветвились, темнели у основания. Древние закрыли глаза — и их путеводная звезда устремилась вперед.

— Держать курс на звезду, — Кистень отдал приказ рулевым. — Отставить матюки! Такой момент портите, мудачины...

Даже Элиэн наблюдала за ритуалом молча, широко открыв глаза. После появления Септаграта девушка перестала держаться так отстраненно. Странница начала помогать матросам — магия внутри нее требовала выхода, и Элиэн пыталась проложить ей путь. Она поднимала в воздух канаты и сворачивала паруса, зажигала движением век фонари с наступлением темноты. Заставляла левитировать припасы и тяжелый котел с водой для Радны.

Дина пыталась научить Странницу призывать ветер, но стихийная магия отказывалась подчиняться девушке. Даже огнем она управляла как-то странно: маленькое пламя могла зажечь без усилий, одной только мыслью, но заставить его разгореться Элиэн было не по силам.

Иногда Странница забывалась и отвечала на вопросы, не произнесенные вслух. Иногда — сама забывала говорить вслух, звуча сразу у всех в голове. Хуже всего было, когда ее накрывало чужими чувствами: Элиэн металась, выкрикивала бессвязные ругательства, плакала, грызла ногти. По ее поведению запросто можно было определить, что Брисигида закрылась в каюте и хандрит, или что Маронда, ругаясь под нос, пытается унять приступ радикулита, или вычислить, что Лаэрт умыкнул у Радны бутылку чего-то крепкого и горланит где-то в трюме пьяный.

Септаграт был на борту всего несколько дней, и за это время Элиэн ни разу не поддалась чужим эмоциям.

— Не думала, что магия бывает такой красивой, — пробормотала Странница вполголоса, увидев на палубе Феликсу.

— В твоём мире магия другая? — удивилась чародейка. — Я думала, что магия вообще

тебе незнакома.

— Там, где я прожила свою первую жизнь, магии не было совсем, — призналась Элиэн. — Когда я вспоминаю то время... ту жизнь... становится до смерти тоскливо.

— Почему? — нахмурилась Феликса.

— У меня не было магии, — вздохнула Элиэн, — но у нас ходило много историй о волшебстве. Мол, где-то оно есть. Кто-то выдавал себя за чародеев, но на деле они все оказывались лишь ловкими мошенниками. И я мечтала о магии, я жаждала ее так сильно...

Феликса не могла себе толком представить, каково это — хотеть волшебства и не иметь даже возможности его увидеть. Очень старалась, но не могла. Элиэн покосилась на нее, усмехнулась.

— Из-за этого я не смогла умереть. В новой жизни ко мне прорвалась память прежнего тела — и все началось сначала. Я сходила с ума, потому что мне казалось — вот оно, руку протяни, скажи пару заветных слов, и чары прольются на меня, как летний дождь.

— И зачем тебе нужна была магия? — недоумевала Феликса.

— Я думала, что с помощью волшебства можно исправить все несправедливости, — хмыкнула Странница. — Мне даже казалось, что я знаю, как. Что будь у меня сила, я бы сделала всех на свете счастливыми.

— Магия решает не больше проблем, чем любая другая сила, — пожала плечами Феликса. — И по меньшей мере столько же проблем создает.

— Точно! — Элиэн рассмеялась. — Дорого тебе далась эта мудрость?

Чародейка сникла, скривила губы.

— Дороже, чем хотелось бы, — признала она. — Спасибо Маронде, что я вообще это уяснила.

— Тебе по крайней мере хватило на это одной жизни, — поморщилась Странница. — Когда меня закинуло в другие миры, где магия существовала, я не сразу научилась ей пользоваться. Кажется, я побывала на каждой войне, где сражались маги, во всех мирах, в тысяче разных времен...

Феликсу пробрала дрожь от взгляда Странницы — и от ее слов.

— ...и всегда последним, что я видела, были боль, кровь и смерть, — закончила она. — Все — от магии. Нет, что-то, конечно, от огня и железа, но даже они были призваны чарами!

— И иного ты никогда не видела? — ужаснулась чародейка.

— Видела, — Элиэн закусил губу. — Но после нового перехода я вспоминаю об этом не сразу.

— А о чем ты вспомнила сейчас? — поинтересовалась Феликса.

Странница улыбнулась тепло и мечтательно. Эта улыбка совсем не вязалась с уставшим взглядом древнего существа.

— В одной из жизней я узнала, что где-то для меня есть дом, — произнесла она, закрыв глаза. — Такое место, где я обрету покой. Где я останусь навсегда. Где мне останется лишь одна битва — последняя и единственная, которая будет исполнена смысла...

“Пока тьма не сойдется со светом...” — вспомнилось Феликсе.

— Если и есть такое место, — чародейка положила руку на плечо Элиэн, — то это Остров Жизни. А мне суждено тебя туда отвезти.

— Суждено? — Странница резко стряхнула ее руку. — Какие громкие слова! Особенно для той, кто считает меня последней надеждой. Ты ведь стремилась туда до того, как встретила со мной, — окончательно нахмурилась она. — Не пытайся убедить, что

плывешь туда ради меня!

Феликса отшатнулась. Элиэн разозлилась так резко, что она никак не могла понять, с чего вдруг все началось. Чужой гнев свалился на нее огромной несправедливостью, но вместе с тем Феликса давно ждала чего-то подобного. Тот, кто так легко улавливает чужие мысли, наверняка был о ней не лучшего мнения: в голове последняя время царила смесь из постоянно сдерживаемой ярости, ревности и презрения к себе.

— До недавнего времени я знать не знала о тебе, да и откуда бы! — вспыхнула чародейка. — Но когда узнала, приоритеты изменились.

— Да, конечно! — Элиэн цокнула языком. — И теперь тебе совсем не хочется вернуть себе нормальную жизнь и ты не надеешься, что я это сделаю для тебя!

— Я не говорила такого! — возмутилась Феликса, пытаясь отделаться от мысли, что ее слова на самом деле и есть самая правдивая правда. — Да, я не настолько самоотверженная добрячка. Я хочу спастись! Но весьма вероятно, что когда мы доберемся до Острова, для меня будет слишком поздно. Тогда меня никто не спасет, даже ты. И все-таки — мы плывем туда, и корабли причалят к Острову Жизни, со мной или без меня.

Чародейка вдохнула, медленно выдохнула, надеясь прогнать собственный постыдный гнев.

— Когда-нибудь настанет момент, когда смерть заставит меня забыть, кто я, — продолжила она сквозь зубы. — С моими возможностями, с моей силой... я стану одним из самых опасных врагов всего живого.

— Дальше меня ты все равно не уйдешь, — процедила Элиэн. Ее волосы поднялись в воздух хищными змеями. — Я прошла достаточно войн. Уж я позабочусь, чтобы мертвая злая Феликса ушла на вечный покой!

— Спасибо! — выкрикнула Феликса. Дыхание снова сбилось, злость клокотала в глотке. — Спасибо, что не пытаешься кормить меня ложной надеждой! Хоть кто-то ведет себя со мной так, как я этого заслуживаю!

Странница вздрогнула, закрыла глаза, отвернулась. Феликса поморщилась, снова попыталась выровнять дыхание.

— Нет, — выговорила наконец Элиэн. — Такого даже ты не заслуживаешь.

Она закуталась в плащ и ушла на нижние палубы.

Путеводная звезда Древних горела все так же ярко, и все на корабле смотрели только на нее. Никто не заметил их краткой ссоры.

Звезда уводила корабли на юг. Анаштара и Септаграт неподвижно стояли спина к спине на носу “Ока Бури”.

Три дня и три ночи вокруг было только море. Менялась погода, сменяли друг друга моряки на вахте, но кроме бескрайней темной синевы впереди не было ничего.

На четвертый день они попали в шторм. Феликса и родители умоляли Дину остаться в каюте, но у девочки появился неожиданный союзник — Элиэн.

— Если вы хотите, чтобы наша мертвячка добралась до Острова в здравом уме, — жестко сказала Странница, — не давайте ей колдовать. Дина не фарфоровая кукла. И лучше вас знает, на что способна.

Феликса знала, что пришелица права. Что Дине управиться со штормом будет намного проще, чем ей, и не будет так дорого стоить. Акыр и Цефора тоже смогли ничего возразить.

— Я помогу, — пообещала чародейка. — Маронде нездоровится, но если что, она

прикроет тебя, ладно? — она посмотрела Дине в глаза. Девочка кивнула.

Дина стянула сапоги, распустила завязки на рукавах, вытащила из косы ленту. Она больше не ежилась от холодных соленых брызг, как раньше на уроках.

— Папа, прикажи убрать только часть парусов, — попросила девочка. — Мы используем шторм себе на пользу. Как мне действовать, наставница?

— Встань твердо, — посоветовала Феликса, — как если бы ты хотела подхватить под уздцы строптивного коня. Да, вот так. Теперь будь осторожна, штормовой ветер всегда норовит ускользнуть, сбросить тебя. Не пытайся его пересилить, перебить, только давай направление. Давай, потихоньку...

Дина тряхнула головой, раскинула руки. Корабль бросало с гребня на гребень, но девочка держалась крепко. Движения рук были плавными, экономными. “Око Бури” по-прежнему шел рывками, но уже не так резко. Два других корабля тоже пошли плавнее.

Первый успех приободрил Дину, и движения ее рук стали решительнее.

— Не торопись, — попросила Феликса. — Ощущение контроля очень обманчиво...

Девочка снова чуть замедлилась, но вскоре плавность из взмахов опять ушла. Дина сцепила зубы, на скулах появились желваки. Из-за постоянно льющей на палубу воды было непонятно, вспотела она или просто намокла. Несколько раз Феликса напоминала ученице, чтобы та не пыталась бороться со штормом. Но буря усиливалась, и Дине становилось все тяжелее контролировать себя.

— Довольно, — проворчала себе под нос Феликса.

Она встала рядом с маленькой элементалью, подхватила магию. Сила бури едва не сбила чародейку с ног. Она пропустила ветер, повела порывы широкими кругами, вливая в паруса.

Путевая звезда впереди вспыхивала ярче одновременно с разрядами молний.

— Это не обычный шторм! — крикнула Феликса. — Это часть пути к Острову! Дина, пожалуйста, побереги себя, ты истощаешься!

Девочка упрямо продолжала направлять потоки, хотя они рвались из рук, угрожая унести ее с собой.

— Акыр, забери дочь! — рявкнула Феликса. — Лучше мне сгинуть, чем ей!

Капитан подхватил Дину. Та попыталась вырваться, но только раз: силы оставили девочку. Цефора забрала ее, прижала к себе, увела в каюты.

Спустя пару минут на палубу поднялся Лаэрт. Он подошел к грот-мачте, подозвал Акыра жестом и дал ему пару веревок:

— Привяжи меня покрепче, чтобы не смыло и не тряхнуло, — попросил юноша. — А то собьюсь.

Его глаза уже заливало глубоким сиреневатым индиго. Феликса ощутила приток сил, и сдерживать бурю стало немного легче.

Чародейка не сразу заметила головную боль. Она вгрызалась потихоньку, маленьким червячком. “Откуда боль? — успела удивиться она. — У мертвецов ничего не может болеть...” Феликсу тряхнуло с ног до головы, и она едва не прошла очередным порывом шторма по палубе, сметая людей в море.

— Убирай паруса! — заорала Элиэн Акыру. — Снимайте паруса, живо! С ней что-то не так!

Феликса обхватила себя руками, разорвала связь со штормом. Мысли в голове путались — дурной знак. На смену им врывались чистые древние эмоции. Доминировала животная

ярость. То, чего она так боялась с самого начала, происходило неотвратимо, оставляя в ней место для осознания, повергая во всеобъемлющий ужас. Чародейка пыталась сказать, чтобы они бежали от нее, сбросили ее в море, пыталась позвать Странницу, чтобы та исполнила обещание... но человеческие слова упорно не давались. Ярость и отчаяние перешли в иступление, и вместо слов из губ вырвался хриплый надсадный крик.

Еще несколько секунд ей удавалось бороться с безумием. Приток магии иссяк, но все ее естество жаждало вернуть его.

Угасшее было свечение вернулось к Лаэрту, заставило его вскрикнуть, пронзило болью — совсем как раньше, когда он этим не владел. Он дернулся, но веревки держали крепко.

Элиэн выругалась. Она удерживала рвущийся парус, чтобы матросы могли его спокойно убрать, но теперь пришлось переключиться на веревки Лаэрта. Освободившись, он упал на палубу.

Феликса уже шла к нему. Ее руки снова почернели, глаза подернулись серой мутью. Чем ближе она подходила, тем явственнее становилась сине-фиолетовая светящаяся пуповина между ней и Лаэртом...

— Что ты наделала! — в проходе с нижних палуб появилась Брисигида, подхватила юбки, подбежала к Феликсе. — Остановись!

Мертвая чародейка ударила ее наотмашь черной рукой. Брисигида схватилась за лицо, отшатнулась, широко распахнув глаза.

— Триединая...

Перед жрицей засиял золотистый щит. Феликса стукнула по нему кулаком, зло зарычала. Брисигида беспрестанно шептала, вскидывала руки, зажигая перед собой бело-золотые огоньки. Огни окружили чародейку, окутали ее светлыми нитями. Феликса рвала их черными когтистыми руками. Жрица продолжала шептать, развешивать новые огоньки, которые взрывались у лица Феликсы, вызывая новые утробные яростные вопли.

Лаэрт позади нее смог наконец подняться. Акыр подбежал к нему, подхватил, помог убраться подальше от рычащего лича, который еще недавно был чародейкой Феликсой Ферран.

— Надо позвать... — фехтовальщик закашлялся. Капитан протянул ему свою флягу с водой. — Данатоса. Позови его. Брис не способна причинить подруге вред, она так скоро выдохнется.

Акыр кивнул и скрылся в проходе.

Щит перед Брисигидой замерцал и погас. Теперь жрице приходилось отдельно блокировать каждый удар когтистой руки. Черные ладони Феликсы стало окутывать дымкой; ее губы, растянутые в безумном оскале, тоже чернели. Жрица отступала, борясь с желанием бежать подальше с корабля.

Мертвая чародейка, казалось, чужла страх Брисигиды, подобно охотящемуся зверю. Ее удары становились свирепее; яростные вопли заставляли жрицу втягивать голову в плечи. Очередной удар разбил ей подставленный щит и пришелся на запястье. Левая рука тут же отнялась по плечо. Брисигида не успела подставить другую руку со щитом, и следующий удар швырнул ее на палубу.

“Прощай, подруга”, — успела подумать Брисигида.

Огромная темно-золотая тень мелькнула перед ней, прыгнув прямо на Феликсу. Чародейка увернулась скользящим движением, на какое не способен ни один живой человек. Данатос развернулся, прыгнул снова. Феликса пригнулась, но попала под чудовищный удар

лапой, который впечатал ее в доски.

За долю секунды оборотень разлегся на мертвой волшебнице, прижал лапами черные руки. Та рванулась, но даже ее сверхъестественной силы не хватило, чтобы выбраться из под тяжелой пумы.

— Дай-ка мне, — Элиэн, закончив с парусами, подошла к личу и оборотню, присела у головы Феликсы. — Да уж. Выглядишь погано.

Фигура лича снова дернулась, издав утробный крик. Странница положила ладони Феликсе на виски, закрыла глаза. Невыносимо долгую минуту чародейка металась, визжала, закатывала глаза, плевалась черной слюной. Потом успокоилась. С ладоней пропали когти, сошла чернота. Элиэн приподняла Феликсе веко — серая мутная пелена с глаз спала.

Данатос медленно встал, сделал пару шагов назад, но все равно был настороже. Пара матросов помогли подняться Брисигиде, и жрица тоже подошла к Феликсе.

— Что ты сделала? — спросила она Элиэн. — Она... ее надо...

— Нет, — успокоила ее Странница. — Еще не все потеряно. Я немного поковырялась в ее мыслях... У Феликсы большой резерв. Только пользоваться она им не умеет.

Брисигида присела рядом на мокрую палубу, погладила Феликсу по волосам. Данатос вернулся к человеческому облику, подошел ближе.

— Нельзя допустить, чтобы это повторилось... — он втянул носом воздух, огляделся. — Что-то не так.

— Шторм закончился, — добавил один из матросов.

— Слишком быстро он закончился, — буркнул другой. — Не бывает так.

Элиэн встала, посмотрела на путеводную звезду Древних, все так же висящую перед носом корабля.

— Смотрите, — она махнула рукой на звезду.

С юга, куда указывала Странница, надвигался густой молочный туман.

— Как на островах Анаштары, — заметил Данатос. — Что это значит?

— Это значит, — Элиэн закусил губу, — что Остров испытывает меня. Если я — ключ к Острову Жизни, то сейчас защита Острова проверяет, подхожу ли я к скважине. Этот шторм... — она вздохнула, потерла виски. — Это, наверное, тоже было мое испытание. Феликса обезумела, потому что пыталась сделать мою работу...

Странница уперлась лбом в мачту, обхватила голову руками.

— Убирайтесь все с палубы, — глухо сказала она. — И другим передайте. Я поведу корабль сама.

Несколько дней Элиэн никого не выпускала с нижних палуб. Всем такелажем Странница управляла с помощью своего странного, необычайно мощного телекинеза. Откуда ей было известно, как со всем этим обращаться, оставалось только догадываться.

Феликсу, в отличие от остальных, это нисколько не удивляло.

— Она влезла ко мне в голову без всяких чар или зелий, — напомнила чародейка. — Ее магия отличается от той, что владеем мы. Элиэн не использует ни ритуалы, ни амулеты, ни заклинания — она все делает интуитивно. Усилием воли.

— Но не может заклинать стихии, — тихонько добавила Дина. После борьбы с бурей она целый день пролежала в постели.

— Именно! — Феликса улыбнулась. — Я вообще думаю, что ее испытанием был не

шпорм. Ее задачей было справиться со мной.

Чародейка опустила глаза. Ей все еще было больно от воспоминаний о том, как она потеряла контроль.

— Как она вернула тебе разум? — поинтересовался Данатос.

Феликса отвела глаза, надеясь, что никто не заметит, как к щекам прилил жар.

— Ну-у... — протянула чародейка. — Она как бы... не знаю, как объяснить. Нашла у меня в мыслях что-то очень важное, очень сильное, но чего еще не случилось. И она вытянула это наружу и показала мне, как будто это сбывается.

— Какое-то сокровенное желание? — предположила Брисигида.

— И да, и нет... — Феликса совсем не хотелось рассказывать всем об увиденном. Это было только ее. — Я ведь даже не думала о том, что хочу этого.

— А чего ты хочешь?

Чародейка закатила глаза и не ответила.

Никто не мог толком понять, сколько времени прошло, пока Элиэн вела корабли сквозь туман. Акыр пытался вести отсчет по песочным часам, но несколько раз забывал их перевернуть. Кистень утверждал, что прошло чуть меньше двух суток по его ощущениям. У Феликсы и Лаэрта ощущения оказались примерно те же.

На третьи сутки корабли погрузились во тьму.

— Теперь это похоже на сон Септаграта, — прокомментировала Феликса, глядя в окна в кают-компани. — Темнота и редкие цветные вспышки, синие и зеленые.

— Я видел то же самое во сне, — вспомнил Данатос. — Блики, а потом боль...

— Надеюсь, звезду еще видно, — вздохнула Брисигида. — Интересно, что будет, если подняться и посмотреть одним глазком?

— Я бы не рискнула, — покачала головой Феликса. — Септаграт и Анашгара задействовали какую-то древнюю магию, не знакомую мне. Если воды, что мы проплываем, похожи на их острова...

— ... Домены, я бы сказала, — вмешалась полусонная Маронда.

— ...да, пускай домены, — согласилась Феликса. — В общем, если здесь так же, то ничего хорошего с нами не случится. Элиэн наверняка как-то отгородила внутренние части корабля от внешних, как мы отгораживались барьером. И алмазные передатчики больше не работают. Надеюсь, Ранжисона и этот хлыщ Джулиан в порядке.

— Из того, что известно современной магии, — прогундела Маронда, — эти чары больше всего похожи на аркану. С ней шутки плохи. Тайное должно оставаться тайным!

Еще пару дней тьма за окном не менялась. Иногда корабль сильно трясло. Несколько раз Феликса слышала протяжный потусторонний гул.

Кистеню однажды привиделось огромное синее щупальце, но никто не придавал этому значения, потому что штурман со страху пил, не просыхая.

Когда все снова стали терять счет времени, за окнами наконец просветлело.

Через несколько минут после появления света в кают-компани появилась Элиэн.

— Мы почти на месте. Можете выходить на палубу, — сообщила она.

Вид у Странницы был потрепанный. Плащ, который ей одолжила Феликса, из черного стал серым и протерся в нескольких местах. В волосах проглядывали серебристые прядки. Лицо, правда, осталось таким же юным, почти гладким: только между бровей пролегла суровая глубокая морщинка.

Акыр тут же вскочил, толкнул в плечо Кистеня:

— Вставай, свиная харя! Легенду пропустишь!

— Афхрр... кхе, кх-ха-а-ам, — Кистень прокашлялся, проморгался. — О! Свобода что ли?

— Шевелись, старпер! — покивал капитан и ушел отдавать приказы.

Элиэн опустилась на его место, свернулась в кресле с высокой спинкой.

— Мы можем тебе как-то помочь? — забеспокоилась Брисигида. — Ты выглядишь очень уставшей.

— Сколько времени по-вашему прошло? — отозвалась Страница.

— Дней семь-восемь, может, чуть больше, — ответил ей Лаэрт.

— Мне показалось, что прошло лет десять, — усмехнулась девушка. — Годы бессонницы и одиночества...

— Кошмар, — пискнула Дина. — Тебе надо поспать? Хочешь, я расскажу тебе сказку?

— Хочу... — зевнула Элиэн.

Девочка стала рассказывать старое сказание горцев об ирбисе и орле, которые не поделили добычу. Дина сбивалась, постоянно переспрашивала подробности у Цефоры, но Страница уснула с первых же слов и не могла заметить мелких огрехов рассказчицы.

Данатос дождался, пока девочка закончит историю, и отнес Элиэн в ее каюту.

— Земля!

Кайл кричал из вороньего гнезда. С палубы еще ничего не было видно — только морская синева до самого горизонта.

— Смотри-ка, — Лаэрт хлопнул Феликсу по плечу, — добрались таки. Даже прикончить меня не успела!

Феликса поперхнулась ломтиком вяленого мяса, который рассеянно жевала последнюю минуту.

— Рада, что у тебя есть настроение так шутить, — съехидничала она, прочистив горло. — Мне вот что-то вообще не смешно.

— Зато я воочию убедился, что тебя реально надо спасать, — улыбнулся Лаэрт. — Прежде из тебя была не очень убедительная мертвячка.

— И когда у меня руки почернели по локоть? — подняла бровь чародейка.

— Я этого не видел.

— И когда я черной слизью блевала после похода на Окуби?

— Видал пищевые отравления, которые выглядели пострашнее, — хохотнул фехтовальщик. — Предвосхищая твой вопрос про Септаграта — от него ты вернулась просто чуть бледнее обычного. Ну, может синенькая маленько местами...

Феликса скрестила руки на груди.

— Да... знала бы, что ты такой непробиваемый — покусала бы еще на Паланийских островах.

Лаэрт рассмеялся. Вспышка некротического гнева Феликсы на него будто ни капли не повлияла.

— Да я лакомый кусочек! Каждый норовит откусить.

Анаштара и Септаграт больше не поддерживали свое путеводное заклятие. Они очень изменились за время, проведенное в пути. Демоница больше не похвалялась ветвистыми рогами — на голове остались только маленькие отростки. Алые волосы стали заметно короче. Глаза теперь походили на человеческие — светлые белки, круглый зрачок и

радужка, правда, ярко-оранжевого цвета.

Септаграт и вовсе лишился рогов. Ноги приняли обычный вид, как у смертного мужчины, не считая остатков чешуи на бедрах, ягодицах и лодыжках. Татуировки потемнели и больше не шевелились.

— Свобода-а-а! — Анашгара танцевала на кончиках пальцев, размахивала руками.

— Свобода... — эхом отозвался Септаграт. — Мы дома.

— Еще нет, — на палубу вышла Маронда, опираясь на посох двумя руками. — Акыр!

Капитан подошел к старухе ближе — ее голос сильно ослаб за время путешествия.

— Ляг в дрейф, сынок, — попросила его чародейка. — Не спешите туда, на Остров.

— Почему? — нахмурился горец.

— Чуйка на сердце давит, — Маронда сторбилась, закашлялась.

Феликса подошла к ней, обхватила за плечи.

— Что с тобой? — тихо спросила девушка.

— Устала я, девочка, — вздохнула Маронда. — Все-таки в моем возрасте такие путешествия изматывают.

— Попрошу Брисигиду...

— Брисигида уже сделала все, что можно было сделать для такой развалины, как я, — прервала ее наставница. — Вот что, дорогая... пойдём-ка подальше от этих древних чертей, — она кивнула на пляшущую демоницу и неподвижного лешего.

Маронда тяжело прошаркала к борту поближе к корме. Феликса медленно шла за ней.

— Странице еще предстоит последнее испытание, — проговорила старуха, — но я не сомневаюсь, что она с ним справится. А ты — не вздумай к ней соваться, если что случится, поняла?

— Не буду, — пообещала Феликса, поджав губы. — Мне хватило.

— Смотри у меня, — буркнула старая волшебница. — Что ты будешь делать, когда спасешься?

Феликса несколько раз моргнула. И правда, что?

— Не знаю, — призналась она. — Не думала еще. Как-то не до того было...

— У-у, балда, — махнула рукой Маронда. — Забыла что ли, в чем твой долг?

— Какой долг? — снова моргнула девушка. — А-а-а, ты про приказ императора?

— Ветер один у тебя в голове, — ворчала старуха, — я уж думала, ты хоть немного повзрослела за это время!

Феликса вздохнула.

— И что я должна с этим делать? У меня нет ни армии, ни даже просто последователей, ни оружия...

— У тебя есть казна, — наставница подняла вверх узловатый палец. — На казну ты наймешь себе армию. Союзников ты найдешь себе без проблем среди волшебников, элементали уж точно не поддерживают антимагов...

— Зачем мне вообще бороться за власть? — меланхолично возразила Феликса. — Революция увенчалась успехом не без причины. Простым людям, может быть, после переворота живется лучше, чем до.

Маронда покивала.

— Рада, что тебя это заботит. Но предположение до невозможности глупое! — тут же плюнула она. — Ты видела, что творят антимаги. Это надругательство над природой! Мне с таким уже доводилось бороться, и я тебя уверяю — никто не хочет жить под властью тех,

кто рушит законы природы.

— Кто же тогда их поддержал? — подняла бровь Феликса. — Раз никто не хочет...

— Те, у кого есть деньги и власть, но нет магии, — прошипела Маронда. — Эти денежные мешки ставят мне палки в колеса, сколько я себя помню!

— О чем ты?

Старуха оперлась о фальшборт, громко хмыкнула и зыркнула на нее из-под рыжеватой, выцветающей пряди.

— Твой отец, Драган Ферран, носил уникальный титул, как ты помнишь. Тот же, что сейчас носишь ты. Уникальный для Арделореи, я имею в виду.

— Герцог Ферран, — кивнула Феликса.

— Именно. Знаешь, как он его получил?

Чародейка пожала плечами и сама себе удивилась, почему раньше не спросила отца.

— Ваш род — по его линии — один из древнейших боярских родов. И должна бы ты зваться боярыней. Но бабка Драгана вышла замуж за ферискейского лорда. И умудрилась заставить его перебраться в Арделорею, — криво улыбнулась Маронда.

— Эту историю я слышала, — Феликса нетерпеливо засопела. — Лорд, при всей своей знатности, оказался практически нищим, а бабуля Клавдия — невероятно предприимчивой.

— О, не то слово! — хохотнула старая волшебница. — Предприимчивой и нахальной, как императорская фаворитка после пары бокалов вина. Чуть не спровоцировала дипломатический конфликт. К счастью, ее избранник был еще и конченным подкаблучником. Сделал все, что она ему велела. И вы, Ферраны, получили два титула с тех пор: боярский арделорейский и какой-то там ферийский. В конце концов остановились на титуле, который существовал во многих странах и был всем понятен.

— Ну так что с того?

Маронда поджала губы и постучала пальцем по виску. Этот жест был хорошо знаком Феликсе, и она тут же окунулась в воспоминания об Академии — те из них, что были неприятными щелчками по носу. “Думай, Ферран, думай! Мозгом работать выгоднее!”

— Это кому-то не понравилось, — предположила Феликса.

Старуха кивнула. “Интересно, — подумалось чародейке, — видела ли Маронда те события воочию? Видела ли мою прабабку?”

— Другим боярам не понравилось, что кто-то из них выделился. — Старая волшебница криво усмехнулась, прочистила горло. — Пусть даже таким формальным образом. Два поколения спустя твой отец спас жизнь императору. А его высочество Леветир Сперо, как ты помнишь, был магом. Очень слабым, но все же ему было доступно больше, чем людям без врожденных способностей.

— Горислава тоже из боярского рода, я проучилась с ней два года, — вспомнила Феликса. — И она, кажется, уж больно гордилась своим происхождением. Как-то даже чересчур.

— Залесских тоже не любили за магов в роду, — подтвердила Маронда. — Так уж вышло, что среди знати довольно много чародеев. А среди высшей знати — очень мало. Механизм передачи способностей по наследству найти так и не удалось, так что никакие ухищрения не помогали боярам получить мага в родственники. Только жениться или выйти замуж, как правило, за кого-то менее знатного.

— Будто магия не любит власть, — улыбнулась Феликса. — И богатство.

— Иногда мне кажется, что так оно и есть.

— Мои родители тоже обладали деньгами и властью и не владели магией, — нахмурилась Феликса.

— Ну-у-у... — старуха искоса посмотрела на нее. — Это не совсем так. Твоя мать была проводником.

Феликса замерла. Ее мать, робкая, тихая, добрая — и патологически честная женщина... Как она могла что-то скрывать от нее? Почему?..

— Почему? — повторила вслух девушка. — Почему она мне никогда не говорила?

— Потому что я ее об этом просила, — призналась старая чародейка. — После твоей первой недели в академии.

В конце своей первой недели в академии магии Феликса проходила тот самый тест, изобретенный Марондой. Учеников погружали в иллюзорный мир, который раз за разом ставил будущих чародеев перед выбором: поступить ради собственной выгоды или помочь людям. Этот испытание она едва не провалила.

— Валисс Ферран порой помогала мне в некоторых... хм... экспериментах, изысканиях, — продолжила рассказывать старуха. — Ее дар большая редкость. От тебя каких-либо способностей, в общем-то, никто не ожидал. Магическая проводимость абсолютно точно не передается по наследству, проявляется спонтанно. А уж когда ты показала такой результат на тестировании...

— Обидно, — процедила Феликса. — Но, наверное, справедливо. И поэтому мама осталась в пустыне тогда? Чтобы ты с ее помощью могла спастись и спасти меня? Дать мне время открыть портал...

— М-да, — прищурилась наставница. — Я ожидала от тебя более бурной реакции. Вот уж кто верил в тебя и страдал от необходимости молчать, так это твоя мама... Она считала, что ты стала бы прекрасным правителем.

— Не уверена, что другие люди с ней согласились бы, — грустно улыбнулась Феликса. Мать всегда ее хвалила, что бы она ни делала. — И согласились бы на новый переворот.

— Так может, прежде чем решать, ты спросишь свой народ, как им лучше? — фыркнула Маронда. — Правители всю жизнь решали за людей, чего они хотят и как правильно.

Феликса отвернулась. Меньше всего ей хотелось брать на себя такую ответственность.

— Обещай мне, — наставница вцепилась ей в руку, — обещай, что не забьешься в какую-нибудь нору и не оставишь мое дело и нашу страну!

— Если стану жива, — криво усмехнулась Феликса, — обещаю попробовать.

Глава 8. Крылья и хвост

Корабли дрейфовали, пока не проснулась Элиэн. Только когда она вышла на палубу, заметно посвежевшая, Акыр приказал держать курс на Остров Жизни. Странница вглядывалась в горизонт, сведя брови, вцепившись в борт, кусая губы. Ее спина напряглась растянутым на кроснах полотном.

Феликса наблюдала за ней, пытаясь понять, почему та сохранила ей жизнь и разум во время шторма. “Грозилась ведь добить, — думала чародейка. — Я бы и сама с собой не стала возиться... Говорила, что Остров Жизни — то самое место, ее место, ее дом. А теперь смотрит вперед, как на вулкан, который вот-вот извергнется...”

По правде сказать, у нее и самой тлело предчувствие близкой опасности. Чем ближе к Острову, тем больше у нее зудели десны и тянуло где-то под солнечным сплетением. Феликса одновременно не верила, что они добрались сюда, и бесконечно жаждала быстрее причалить, и хотела оттянуть этот момент. В ближайшие часы ее судьба должна решиться — умереть окончательно или все-таки жить. Жить, бороться, решать проблемы...

В первое мгновение Феликсе показалось, что поверхность моря натянулась и взбухла, откликаясь на ее напряжение. То ли время замедлило бег, то ли море вдруг стало вязким: исполинский вал набухал прямо на глазах, мучительно долго, заставляя сомневаться в собственном зрении.

Еще секунда, и водяная гора перед “Оком Бури” взорвалась штормом брызг. Из океана сверкающих капель и потоков взвился громадный крылатый силуэт.

Элиэн сдавленно вскрикнула, тряхнула головой. Выдохнула, сбросила плащ и прыгнула через борт. Девушка опустилась на воду и осталась стоять, как на твердой поверхности. Правой рукой она взмахнула, будто отгоняла назойливую муху от головы. Корабли дернуло, поволокло прочь от того места, где была Странница.

Девушка побежала по воде навстречу появившемуся из бездны чудовищу. Феликса с потрясением опознала в нем дракона, подобного тому, из которого возникли Драконьи острова — только заметно меньше. Но все равно крылатая фигура принадлежала настоящему исполину. Под одним его крылом “Око Бури” мог укрыться целиком — а то и вся эскадра.

“Последнее испытание для Странницы, — Феликса вспомнила слова Маронды. — Страж Острова Жизни... и последний дракон. Красив, зараза!”

Крылатый страж приближался к Элиэн на бреющем полете, и при солнечном свете можно было хорошенько его разглядеть. Миллионы чешуек переливались синим и фиолетовым, а на лапах темнели до черноты. Феликса усилила зрение магией и рассмотрела морду чудовища: глаза оказались разными. Один ярко-оранжевый, как у Анаштары. Другой сине-зеленый, как у Септаграта. Голову украшали небольшие прямые рога, черные, как и лапы.

Чародейка увидела, как Элиэн махнула кулаком, и ее подхватила волна, вознесла над драконом. Странница спрыгнула прямо к нему на спину. Древний страж взмыл в небо, и под ударом гигантских крыльев вздыбились волны.

Кто-то коснулся плеча Феликсы. Чародейка дернулась и поняла, что от чудовищного грохота воды и драконьего рева ничего не слышит.

— Как думаешь, ей нужна помощь? — заорал Данатос прямо ей в ухо.

— Нет! — крикнула Феликса. — Только хуже сделаем!

— Она должна его убить?

— Не знаю! Не думаю, что так!

Чародейка продолжала вглядываться в фигуру стража. Элиэн перебралась на шею, ближе к голове. Страница двигалась с трудом, медленно, но уверенно — хотя должна была и вовсе свалиться. Крылатый ящер поднимался все выше и выше, пока не стал казаться совсем маленьким. Тогда наконец утихли грохот и его рев.

— Он же убьет Элиэн! — прокричал Данатос.

— Да не ори ты, — поморщилась Феликса. — Не знаю ни одной легенды, где дракон убил бы кого-то просто так.

— Он страж, — покачал головой оборотень. — Другой причины ему и не нужно.

Они оба вглядывались в небо. Дракон все так же кружил на чудовищной высоте. Его силуэт дергался, переворачивался, нырял и снова взмывал, как если бы он сражался с подобным себе.

— Ни хера не понятно, — посетовал Кистень, стоя у руля. — Может, рванем пока к суше?

— Не вздумай! — шикнула Феликса. — Хочешь сам с ним подраться?

От крылатой тени отделилась едва заметная точка. Она стремительно понеслась к воде. Вскоре стало понятно, что она не несется, а попросту падает.

Феликса сжала зубы. Достаточно лишь вскинуть руки и отвести назад ногу, поставить ступни перпендикулярно друг другу... Но нельзя. Элиэн должна справиться сама.

Страница ухнула в море почти без плеска. “Странно, — Феликса потерла лоб. — Я думала, она вообще разобьется...”

Несколько минут чародейка вглядывалась в воду.

— Ты видишь где-нибудь Элиэн? — спросила она Данатоса. — Я усилила зрение, может, слишком быстро мелькнула...

— Видел только, как она ушла под воду, — оборотень закусил губу. — Слишком долго она под водой. Надо нырнуть за ней...

Как прекрасно не чувствовать своего веса, своего дрожащего, хрупкого тела.

Свист воздуха кажется осмысленной речью. Он говорит: ешь солнце, вдыхай море, ходи по ветру. Он говорит: растворишься и родишься заново. Говорит: отпусти мысль, доверься духу.

Когда свист умолкает, становится слышен шепот волн.

Они говорят: мы — слезы сердца, что гонит кровь по венам магии. Они говорят: мы — горнило всего и колыбель всех. Они говорят: мы — темная вода, неподвластная тлену времени. Мы — всюду.

Шепот умолкает, когда смыкается морская тьма.

Невесомость, сотканная из холода, влаги и соли, казалась предвестником гибели. Полет и удар — вот и все, что испытало невесомое тело. Но нечто большее уцелело, уцепилось за клочки памяти.

Тонкие чернокожие руки, стирающие кровь. Белое платье и золотое тепло. Аромат целебных трав и деловитый стук пестика о деревянную ступку. Запах смерти и яблок. Звон латунных бубенцов и ехидная усмешка. Алые локоны, выющиеся дорогой домой. Зверь, изливающий покой своим мурчанием. Чужая сила во вспышке индиго. Постыдное, нелепое обещание. Годы тревожных бурь.

Кровь, тепло, травы, локоны — все растворилось в темной воде, растеклось и вспыхнуло

белыми искрами. Гаснущее сознание тянулось к ним; припасть, удержать, сохранить...

Тьма сомкнулась. Недвижная тишина охватила глубокие воды. Воды творения? Воды гибели?

Жизнь и смерть сплелись так плотно, что грань между ними стала тоньше паутины. Один вдох. Одна капля. Одно движение. Или одно страстное желание: жить во что бы то ни стало, жить своей жизнью, единственной возможной, неповторимой. Жить так, будто смерти нет.

И смерти не было.

Тьма расступилась. Мигнули белые искры: бури и звон, руки и стук, индиго и золото, зверь и яблоки... Рой искр густел, наливался солнечным сиянием, пока не заслонил все вокруг ослепительной метелью.

Так завершился путь великой Странницы.

Океан взбух гротескным валом прямо у них перед глазами. Вода зависла всего на мгновение и взорвалась монструозным гейзером. В белоснежных искрящихся брызгах угадывалась огромная невероятная фигура.

— Это не похоже на Элиэн, — потрясенно шепнула Феликса.

Вода спала, и все, кто был на кораблях, разглядели еще одного дракона — ослепительного, сверкающего первозданной белизной от морды до хвоста. Феликсе показалось, что свет играет на чешуях, как на алмазных гранях.

Белый дракон сделал круг над кораблями, изящно кувыркнулся, махнув крылом в сторону Острова. Взмах прочертил на поверхности океана четкую борозду, словно указывая путь.

Капитан понял все раньше Феликсы.

— Полный вперед! — приказал Акыр.

Белая Странница заложила прощальный вираж и устремилась вверх, туда, где кружил темный силуэт Стража.

Океан понес их, как по гладкому льду. Казалось, что корабли сами собой бегут вперед, как кони, почуявшие родное стойло.

Земля маячила на горизонте бледной полосой. Земля — и в то же время все остальное. Сердце воды. Душа огня. Воздушный храм.

Бескрайняя океанская синь расступилась, и возникла благословенная земля. Остров туманов. Остров героев. Остров Жизни.

Белый песок в тонких языках лазурных волн. Буйная зелень тропиков и брызги дивных цветов: пронзительно-алых, страстно-малиновых, загадочно-лиловых... Райские птицы, парящие в потоках свежего бриза.

Суровые фьорды в одеждах лишайников и мхов. Пенные облака свинцовых воинов — волн. Хвойные великаны вечных дебрей. Сдержанная, возвышенная и недоступная красота северного края — дома стремительных волков и свирепых вепрей.

От края скалистого обрыва до самого горизонта — степь. Море воды сменяется морем трав, высоких и жестких, вьющихся и податливых. Степь колышется в ответ на ласки ветров всем своим травяным телом. Звенят голоса цикад.

Сосновый бор, светлый и тихий, как храм неведомых богов. В каплях янтарной смолы зажигаются огни далекого солнца. Смола заполнила длинные белесые борозды — метки

храмового стража. Медведя.

Огонь, клокочущий глубоко в недрах. Его алые отблески озаряют черное, жирно блестящее жерло. Огонь, который никогда никого не сожжет, которому нет нужды рваться на свободу.

Святая, хранимая всеми мирами земля.

Остров принял их в свои объятия, будто здесь их ждали всю жизнь. Длинный крепкий причал из шершавого белого камня разрезал маленькую бухту пополам. От причала вилась гладкая песчаная тропа. Она устремлялась в гору, на небольшой холм.

Вершину холма венчал настоящий дворец. Он переливался, как ледяная скульптура. Узкие стрельчатые башенки, хрупкие мосты, висячие сады...

— Чтоб я сдох! — всплеснул руками Кистень. — Это что же? Как принцессы сегодня будем спать?

— Как уставшие, грязные, охреневшие принцессы, — подтвердил Лаэрт. — В твоём случае — еще и как пьяные.

Команды со всех кораблей шли по сходням нерешительно, постоянно оглядываясь. Только Мурена Тан уверенно спрыгнул, почти помчался к волшебному дворцу, хохоча как безумец и то и дело вскрикивая что-то восторженно на ферискейском. Следом за ним неся с громогласным лаем разбуженный Гарм и брела растерянная Ринна.

— А драконы нас загрызть не вернуться? — забеспокоился квартирмейстер Киттерс.

— Джереми, ты дурак? — хохотнул Акыр. — Все, добрались! Это Остров Жизни! Кто здесь станет убивать?

Феликса стояла на палубе у борта, зажав ладонью рот. Ладонь стала черной, как и часть предплечья, но об этом можно было больше не беспокоиться. Чародейка смотрела на берег и постоянно моргала.

— Боишься, что пропадет? — хмыкнула Маронда. — Ты как хочешь, а я на землю. Чертова качка все соки из меня выжала...

Сама Маронда спуститься не смогла. Кайл и Соил вели ее под руки вдвоем.

Феликса сошла на берег последней, ведя под уздцы бедного перепуганного Тьярра. Конь провел под палубой все путешествие, погруженный в магический сон. Белый причал, к ее удивлению, не рассыпался под ногами; ей в голову не ударила молния; океан не смыл ее в свою бездну. Тьярр успокоился, перестал мотать головой. Копыта почти не оставили следов на дорожке, усыпанной мелким песком. Только за Феликсой тянулась цепочка черных отпечатков.

Дворцовые ворота встретили их открытыми. За ними и внутри самого дворца не оказалось ни души, но все двери были гостеприимно распахнуты. Для Тьярра нашлась конюшня с просторным стойлом, свежей водой и едой.

Радна и Цефора довольно быстро отыскали кухню, но готовить еду не пришлось. Все уже было готово и даже накрыто в огромном светлом зале, где несколько сотен человек спокойно разместились за длинными столами.

— Совсем как в той сказке, мам! — ахнула Дина. — Интересно, здесь тоже невидимки живут?

— Здесь уже давно никто не живет, девочка моя, — прошептала Маронда. — Разве что звери... И мы здесь — лишь гости. Чужим гостеприимством нельзя злоупотреблять.

Феликса села за стол вместе со всеми, но есть не смогла, и вышла из дворца при

ближайшей возможности, оставив всех веселиться. Чародейка ушла обратно к морю, взобралась на один из прибрежных валунов. Солнце уже клонилось к горизонту, и в его алых отблесках ее черные руки казались ей еще более зловещими.

Феликса просидела так до темноты, обхватив колени и положив на них голову. Ее разум ничто не терзало — и от этого было невозможно тоскливо.

Вскоре она услышала за своей спиной шаги.

— Мы пришли исполнить свой долг.

Голос Септаграта. Этот низкий рокочущий тембр Феликса ни с чем не могла спутать. Она обернулась и увидела его и Анаштару.

— Вы ведь уже исполнили его, — чародейка спрыгнула с валуна, подошла к Древним.

— Мы привели вас к Острову, — согласилась демоница. — А теперь нужно доставить тебя к источникам.

— Где фиалы, что связали тебя? — спросил Септаграт.

Чародейка помчалась к “Оку Бури”, прыжками пронеслась по лестницам, ворвалась в заколдованный трюм, где хранились императорские сокровища. Несколько мучительных минут она не могла найти тот самый грубо обработанный сундук. Ей казалось, что она ищет слишком долго, что Проводники уже ушли к источнику без нее...

Сундук нашелся у самой двери. Феликса подхватила его и побежала обратно.

Анаштара и Септаграт, конечно же, ждали ее. Феликса вручила им сундук. Леший с трепетом провел по крышке рукой, передал суккубу.

— Идем, — позвала демоница. — Мы тоже устали.

Леший вел прямо через лес. Белая песчаная тропа очень быстро скрылась из глаз. Вокруг осталась только чаща. В темноте Феликса все еще видела, как и любой живой мертвец. Ближе к берегу лес напоминал тот, что покрывал родные края Дины и Цефоры: самшиты и лишайники.

Чем дальше Септаграт уводил их, тем меньше лес напоминал знакомые Феликсе пейзажи. Деревья стали выше, шире и светлее. Они немного напоминали сейба, хлопковые деревья в Сарданафаре. Но стволы были намного ровнее и, казалось, излучали мягкое свечение. Подлесок в свете звезд и луны бликовал нежным серебром. Чародейке слышался тихий звон от маленьких узких листочков. В траве под ногами она начала различать разноцветные огоньки — светились кристаллы, похожие на кварц.

“Никакой это не кварц, — дивилась про себя Феликса. — Кварц не растет прямо из земли. Он не пульсирует сиреневым и зеленым в такт звону листьев...” Там, где ноги Септаграта касались земли, расцветали мерцающие светло-голубые цветы. Иногда Анаштара касалась руками деревьев, и на них тоже появлялись бутоны, сочные, красные, подсвеченные ее страстью.

Феликсе казалось, что в этом сказочном лесу чернота сползает с ее рук сама по себе.

Вскоре лес снова поменялся. Теперь все вокруг выглядело кудрявым от бесконечных лиан, вьюнков и плющей. Каждое дерево было увешано гирляндами растений. Феликса не узнала ни одно, хотя каждое напоминало сарданафарские джунгли. Но в настоящих джунглях папоротники не оглаживали ласково руки тем, кто проходил мимо. Вьюнки не шептали что-то в ухо. Стелющийся под ногами плющ не старался сделать каждый следующий шаг мягче, а фосфоресцирующие грибы не могли быть такими огромными.

Феликса не поняла, сколько времени длилась эта прогулка. Лес вокруг менялся много раз — чародейка больше не могла удивляться тому, что видит.

— Здесь все покрыто лесами? — поинтересовалась она.

— Нет, — ответила ей Анаштара. — Септаграт идет по тем тропам, что ему ближе.

— А ты где бы пошла?

— По горам и пещерам, — улыбнулась демоница. — Они еще прекраснее.

Наконец Септаграт вывел их к обширному озеру. Его поверхность поражала абсолютной гладкостью: ни единой морщинки, ни тени ряби не прокатывалось по бирюзовой поверхности. Цвет воды напоминал карстовые сероводородные озера в центральной Арделорее, но уходил в зелень, а не лазурь. В центре водоема возвышался маленький островок с хрустальной ротондой. Она ярко светилась, позволяя рассмотреть озеро и его берега в мельчайших деталях.

— Что это за озеро? — спросила Феликса. — Его питают источники?

— Ключи с живой и мертвой водой бьют там, — Анаштара указала на ротонду. — Но тебе туда не надо.

— Как? — удивилась чародейка. — Разве вы не за этим меня сюда привели?

— Это, — Септаграт указал на сундук, — неприкосновенные артефакты. Мы не можем допустить, чтобы кто-то снова ими воспользовался.

— Ну, так они у вас, никто больше и не сможет... — возразила Феликса. И осеклась. — Теперь я — Хранитель пути?

— Еще нет, — оскалилась Анаштара. — И уже не будешь.

Феликса выхватила саблю, отбила удар черных когтей. Махнула широко, отгоняя лешего.

— Не бойся, — пропела демоница, — ты ведь больше не сможешь умереть. Это озеро даст тебе новую жизнь.

— Тебя ждет перерождение, — Септаграт наклонил голову. — Ты забудешь о своей боли.

— Я не хочу ничего забывать! — Феликса попятилась. — Мне нужна моя жизнь! Моя! Не новая, а та, которой я жила до этого!

— Прежней твоя жизнь все равно не будет, — голос суккуба гипнотизировал, лился музыкой. — Так зачем она тебе?

Феликса бросилась бежать обратно к дворцу.

Лес насмехался над ней. Все казалось одинаковым и непроходимым; любое направление выводило ее обратно к озеру. Растения цеплялись за одежду не хуже живых рук, и чародейка рубила их с яростными криками.

— Остановись, — голос лешего раздавался со всех сторон. Ветви казались его рогами, светящиеся грибы на стволах — его глазами, вьюнки на светлых деревьях ползли, совсем как его татуировки когда-то. — Это наш остров. Это мой лес. Сбежать не удастся.

Феликса остановилась, сжала зубы, перехватила оружие. Септаграт вырос из махрового папоротника прямо перед ней. Чародейка прыгнула, ударила снизу. Клинок едва задел Древнего. Феликса развернула его параллельно земле. Острие чиркнуло по груди, но леший даже не ахнул. Она ударила снова, била раз за разом, вкладывая в удары всю нечеловеческую силу живого мертвеца.

Ее яростные усилия ни к чему не привели. Септаграт был в своей стихии: никакие раны не могли вывести его из строя. Он даже не пытался отвечать на ее атаки.

— Мы можем провести так вечность, — прищурилась Феликса. — Я не прыгну в это озеро. Это все равно что умереть!

— Но ведь ты была к этому готова, — промурлыкала за ее спиной Анашгара. — Забвение милосерднее.

Феликса ударила с разворота, метя демонице по ногам. Та отскочила, хохоча, как девочка. Чародейка прыгнула к ней, рубанула с широкого замаха наискось вниз. Анашгара вписалась в удар, снова шагнула назад. Феликса снова и снова сокращала дистанцию, но Древняя уклонялась и отступала.

Чародейка наконец поняла, чего добивалась демоница, когда увидела яркий свет и бирюзовые отблески.

— Нет, — прорычала Феликса, прижавшись к ближайшему стволу. — Я не пойду к чертовому озеру!

Она думала, что дерево прикроет ей спину, но это оказалось заблуждением. Плющ жмующийся к стволу, обвился вокруг ее лодыжек, пополз выше по бедрам, талии, груди, шее... Ствол треснул, и Феликса оказалась привязана к Септаграту. Анашгара обхватила клинок с незаточенной стороны, вывернула саблю из руки Феликсы, сломав ей большой палец.

Девушка дернулась со всей силы, заорала от усилия. Стебли рвались, но на их месте тут же вырастали новые. Феликса металась в путях растений, кричала так, что от собственного крика звенело в ушах. Септаграт медленно продвигался к озеру вместе с Анашгарой.

Феликса увидела под рукой алую прядь, ухватила ее, намотала на кулак. Озеро застыло у ног Древних безмолвной гладью. Стебли постепенно убирались с ее тела.

— Черта-с-два, — процедила Феликса. — Раз новая жизнь — такое огромное благо...

Второй рукой она нащупала волосы лешего и тоже намотала как можно больше вокруг ладони. Древние даже не заметили, как она вцепилась в их волосы — слишком длинные пряди. Феликса шагнула к озеру, повернула голову к Анашгаре:

— Вы отправитесь туда со мной!

Чародейка оттолкнулась и прыгнула. Леший и суккуб стояли слишком близко к краю озера: одного рывка хватило, чтобы они потеряли равновесие и полетели в бирюзовое ничто вместе с Феликсой.

Глава 9. Хрусталь и ветер

Прошлый раз Джамир едва уловил миг, когда прошел через портал. Сейчас его едва ли не колотило. Он, Аянир и еще дюжина снаряженных иосов, лучших из лучших, отобранных патеросом Плиммирой, стояли на берегу Каракача и ждали, когда маги под руководством Леветира проложат дорогу поближе к Каратау.

Горец уже знал, что создание портала в незнакомое место маги насмешливо называют пробитием, но правильное название для такой червоточины — таран. Это не протока, которая ведет известным путем. Проложить таран — чрезвычайно трудная, затратная для мага задача. Ритуал порой занимает по несколько часов. И даже если все сделать правильно, остается вероятность, что такой портал убьет или покалечит проходящего через него.

— Леветир сказал, что эта ваша еретич... — Джамир чертыхнулся, помотал головой, — эта будущая императрица, Ферран, сделала такое в одиночку. А сейчас они колдуют втроем.

— В одиночку, да, — подтвердил цесаревич. — Вот только пройти по нему едва смогла, помнишь? Ей понадобилась помощь, чтобы выбраться из моря.

— Тебе никогда не хотелось тоже стать чародеем? — вздохнул Джамир. — Кажется, это здорово упрощает жизнь.

— Хотелось, я ведь рассказывал. Но это распространенное заблуждение, — грустно улыбнулся Аянир. — Чтобы решать проблемы магией, нужно очень много учиться. Намного больше, чем тебе или мне когда-либо приходилось. Мало того, у них нет выбора: если не научиться контролировать магическую силу, она может рано или поздно убить своего владельца. Большинство на этом и останавливаются. Учатся только тому, как не навредить себе и окружающим. А вот это, — он махнул рукой в сторону взопревших элементарей, — высочайшие уровни мастерства.

— То-то они такие старые, — тихонько хмыкнул горец. — Леветир, получается, еще только учится.

— И да, и нет, — Аянир почесал лысый затылок. — Он ведь провидец. Некоторые знания даны ему от природы. К тому же, с его острым умом и рвением...

— Я понял, понял, — Джамир поднял ладонь. — Кто-то родился великим магом.

— Порой я поражаюсь твоей узколобости, — поджал губы цесаревич. — Никто не рождается великим. Даже с врожденными способностями без упорной работы ничего не добиться. Нельзя оправдывать свою лень чужим талантом.

— Я и не пытался...

Элементали завершили таран, и портал — небольшой шарик под слоем бурлящей воды — мягко засветился.

— Проход стабилен, — заверил их Леветир. Джамир, надеясь, что не слишком сильно побледнел, кивнул. — Удачи, друзья. Да хранит вас Триединая Мать.

Горец пожал провидцу руку и только тогда заметил глубокие лиловые тени у него под глазами. Элементаль выглядел не просто уставшим — изможденным. Джамир тут же пожалел о своих недавних словах.

— Иногда видения бывают кошмарными, — пояснил Леветир, перехватив его взгляд. — Вчерашнее меня никак не отпускает.

— Что в нем такого?

— В том видении я гнию изнутри, — скривился провидец, — а мои ладони режут

волосы. Длинные пряди алых и синих волос. И эти же пряди тащат меня куда-то на дно, в чернейшие глубины, и там меня ждет нечто худшее, чем смерть. Полное забвение.

— Мне тоже порой снится, как я умираю, — признался Джамир.

— Если бы это было обо мне... — Леветир нахмурился. — Но я боюсь, что это происходит с кем-то более важным. Все, идите. Таран схлопнется через несколько минут.

Джамир послушно двинулся к льдистому шарик, даже не ощущая сопротивления воды. “Каково это? — стучало у него в голове. — Гнить заживо и ждать забвения. Да не самому, а за не пойми кого...”

За размышлениями он снова не заметил, как взметнулась вода, пряча телепортацию, как магия протащила его по червоточине. Осталось только легкое головокружение и тошнота.

— Эй, командир, — окликнул его старший из иосов, — мы верно попали?

Джамир стряхнул с себя ледяную воду — таран вывел их в горное озеро. Горец огляделся и быстро нашел гору Каратау, с черной, почти без снежной шапки, скалистой вершиной. Чуть дальше едва различимым силуэтом белела величественная Яширин.

— Да, похоже, верно, — ответил ассасин. — Это явно озеро Тостаган. Оно небольшое, чуть пройдем по берегу и поищем тропу. Здесь порой делают привалы торговцы, кто идет в Каратау. Нечасто, но достаточно, чтобы тропа не заросла.

Джамир не пожалел, что настоял на теплой одежде. В горах в это время года ветра пробирали до костей, а снег выпадал раньше, чем на равнинах, и лишь на самой Каратау не ложился из-за теплых подземных источников. Воду с его куртки и штанов уже собрали иосы — хоть в мокром стоять не пришлось. “Что ни говори, а с магией-то сподручней”, — решил ассасин.

Берег Тостагана порос скудным ельником, зябко жмущимся к скалам, и невысоким кустарником. В заиндевевших веточках горец едва узнал рододендрон, так нагло брызжущий яркой сиреневой в конце весны.

Джамир никогда не бывал у озера весной. Тетка не пускала его одного далеко, а антимаги увезли в конце лета. “То еще зрелище, должно быть, — улыбнулся он про себя, осторожно ставя ноги меж обледеневшими камнями, — бирюза озера и аметист цветов. Пропал во мне поэт!”

— Сюда, — скомандовал он иосам, обнаружив слабый след колеи, уходящий через ельник к Каратау.

Там, где тропа выплескивалась из ельника на дорогу пошире, к пути подступали скалы, высокие и крутые. Джамир вспомнил, как жутко ему было здесь ехать когда-то: казалось, сейчас выскочат наверху коварные враги с луками и перестреляют всех в караване.

Тогда он не знал, что антимаги всегда на сто шагов впереди любых врагов.

Сейчас ему нужно было обогнать тех, кто привык думать наперед.

— Лучникам нужно забраться наверх, — указал горец. — Двое на каждую сторону. Если заметите кого — стреляйте без раздумий, Каратау не высылает воинов на торговый путь.

Четверо иосов кивнули и принялись карабкаться по скалам.

— Думаешь, люди Аннаиры выследят нас здесь? — забеспокоился Аянир.

— Я в этом ни капли не сомневаюсь, — нахмурился горец. Он знал, что антимаги всегда вычисляют такие мощные магические всплески: порталы, массовые ритуалы, обширные стихийные воздействия. — Вопрос только в том, как поздно они нас нагонят.

— Тогда нам стоило вооружиться огнестрельным оружием, как у них.

— Нет, — Джамир покачал головой, — это непривычное для иосов дело. Они стреляли

бы хуже. Кроме того, пистолы долго перезаряжать. Я слышал, что кто-то далеко на востоке изобрел многозарядный пистоль, но даже мастер Насира не знает, правда ли это. Луки скорострельнее, а антимаги не носят тяжелых доспехов. Это преимущество.

Аянир светло улыбнулся и сощурился, глянул на Джамира искоса.

— Никогда не думал об этом с такой точки зрения. Щиты ты им навязал по схожей причине?

— Антимаги всегда носят несколько клинков и длинное оружие: копья, глевии, алебарды... чаще — копья, — пояснил Джамир. — Дорога в Каратау же проложена по ущельям. Длинный щит против копья — самое то. Иосы это хорошо знают, они и сами прекрасно управляют хоть с копьем, хоть с пикой. Вот только пика для ущелья — плохо, а короткие матинерские клинки...

— Я понял, — цесаревич улыбнулся шире, — ты хорошо подготовился и как следует подумал.

— Правильнее было бы сказать, что я перебздел.

Это было правдой. Джамир и сейчас морщился от холодка, переползающего от живота к спине и обратно, как скользкая ящерица. Горный ветер — и тот доставлял ему меньше неудобств, особенно здесь, в узком проходе между скал.

Последний раз, когда он шел этим путем, Джамир был чуть больше метра ростом. Самый маленький из всех сверстников, самый тощий. Самый бедный. Отданный торговцам и раненому антимагу за звериную гибкость и выносливость — Цитадель охотно выкупала таких на воспитание. Он ел досыта и не мог дождаться, когда станет великим воином. Тогда еды и обещания крова оказалось вполне достаточно, чтобы мальчик из Каратау чувствовал если не счастье, то по крайней мере радость, и дорога стелилась перед ним обещанием лучшей жизни.

Сегодня тот же самый путь змеился коварной гадюкой, обещал засаду за поворотом. Не за этим, так за следующим. Или за той скалой. Или...

Джамир подумал о том, что на месте антимагов атаковал бы со спины, буквально за пару мгновений до того, как сверху просвистела стрела.

Свист других стрел заглушил залп пистолей.

— Построение! — заорал Джамир.

Четверо иосов встали бок о бок, полностью перекрыв дорогу. Джамир встал во второй ряд еще с тремя и оттолкнул Аянира за спину. Над головой снова грянули выстрелы. Раздался крик. Джамир заставил себя дышать медленнее.

— Копья вперед. На колени! Атака!

Шеренга иосов опустилась за щиты. Восемь копий оцетинились, встречая антимагов. Первые воины шагнули к щитам — и отступили: отбив первый ряд копий, они не смогли преодолеть второй.

— Отступаем к повороту. Шаг!

Иосы рывкнули, отступив. Аянир швырнул что-то поверх голов соратников. Ряды антимагов рвануло взрывом. Джамир увидел, как ответные снаряды полетели в него, но их сковало льдом прямо в полете: единственный элементаль, которого Плиммира отпустил в поход, защищал отряд. Кажется, он хорошо усвоил науку Джамира и не тратил свои силы на напрасные атаки — антимаги не могли помешать ему колдовать, но прекрасно блокировали магические снаряды, будь то лед, огонь или другая стихия.

Джамир высматривал знакомые лица среди воинов — и не находил. Он видел три или

четыре бритых головы, улавливал характерные движения, но готов был поклясться, что этих антимагов никогда не встречал. “Тем легче будет смотреть на их трупы”, — сжал зубы Джамир.

— Шаг!

По его расчетам поворот был еще в трех шагах. Оставалось надеяться, что за ним не поджидают другие псы Аннаиры...

— Стоять! — тонко выкрикнул Аянир.

Джамир с руганью обернулся: как он и боялся, из-за поворота блестели наконечники копий.

— Вперед, — скомандовал он. — Пагос, бей навверх, в камни!

Элементаль легонько стукнул себя по лбу — мол, как сам не догадался — и расплылся в зловещей усмешке. За его спиной раздался взрыв.

— Удар! — рявкнул Джамир.

Иосы ударили в два ряда, сверху и снизу. Кто-то из антимагов выкрикнул команду; кто-то упал, толкнув товарища; кто-то неловко отбил копьё и застонал от тычка в бедро.

Спустя пару мгновений все смешалось в грохоте лавины. Джамир жестом показал перестроение, и иосы разом развернулись. Не все. Один упал рядом с горцем с простреленным горлом. У него и самого струилась по боку кровь, только боль еще не пришла.

— Вперед, — проскрежетал он. — Удар...

Но врагов осталось не так много. Джамир видел бледные, обескровленные лица, видел скорчившихся воинов с древками стрел в телах, видел обугленных мертвецов. Крохотные бомбочки Аянира действовали куда эффективнее, чем он мог надеяться.

Джамира ранили еще дважды, прежде чем с антимагами было наконец покончено. Только тогда боль соизволила наконец впиться в него пылающими когтями.

— Я боялся, что Аннаира пришлет целую армию, — улыбнулся Джамир, прежде чем рухнуть на залитую кровью тропу без сознания.

Брисигиде все время казалось, что белый дворец вот-вот растает, как сахарный леденец в горячем чае. Сказочное место не могло быть тем, чем казалось, попросту не могло.

Но проходил час за часом, а белые стены стояли на месте. Моряки наелись, и если кому и стало плохо, то только от обжорства. Многие уснули прямо здесь, за столами в обеденном зале. Более привыкшие к комфорту офицеры отправились искать спальни. Бодрствовать остались только Брисигида, Цефора и несколько заядлых картежников-матросов.

Цефора подсела к жрице, налила себе и ей золотистого вина из кувшина.

— Как думаешь, здесь кто-то жил когда-нибудь? — спросила целительница.

— Мне почему-то кажется, что весь этот дворец возник только для нас, — призналась Брисигида. — Очень уж он красивый... непрактичный. Даже у императора самые шикарные поместья не были такими хрупкими. Эти башенки, мостики...

— Разве древние волшебные народы так не жили? — удивилась Цефора.

— Нет, — улыбнулась Брисигида. — Они оставили на удивление много летописей. На иллюстрациях их жилища больше походили на то, как живут Серебристые Форели. Все очень гармонично вписано в окружающую природу. А этот белоснежный дворец посреди леса... он как... как...

— Бельмона глазу, — усмехнулась ее собеседница. — Очень красивое и комфортное,

но бельмо.

— Точно, — Брисигида смутилась. — Хотя это как-то неблагодарно звучит. Такая роскошь все-таки...

Жрица огляделась, но обижаться на их рассуждения было некому.

— Удивительно, что мы все сюда добрались, — произнесла Цефора через несколько минут. — Столько всего случилось...

— В какой-то момент я начала думать, что лучше бы Феликса позволила мне умереть, — выпалила Брисигида. — Сначала Блод Беор едва не добил Фель. Потом Анашгара похитила Лаэрта... У Форелей в Илллати обезумел мой брат. Они снова едва не погибли, когда он попытался уничтожить поселение некромантов! И сразу же пришлось отбиваться от треклятых антимагов, — тараторила жрица, — а потом мы нашли Элиэн, но всю израненную — я даже не могла ничего сделать! Фель снова едва не сгнула в пещере этого лешего. А шторм!..

— Лаэрту снова досталось, — покачала головой Цефора. — Бедный парень! Представляешь, сколько еще всякой швали может привлечь его сила?

Брисигида опустила плечи, вздохнула.

— Мы его не оставим, — выдавила она наконец. — Мы с братом.

— Вот как? — Цефора подняла бровь. — Мы с братом? Не Данатос вытащил его из лап Анашгары.

— Мне тяжело с ним наедине, — призналась жрица. — Не могу. Все время чувствую себя виноватой.

Брисигида слегка зарумянилась от вина. Ей было немного жутко от того, что она так запросто рассказывает все, что изматывало ее последние недели.

— И в чем твоя вина? — фыркнула целительница. — Что ты не отвечаешь на его ухаживания? Дани говорил как-то, что он дамский угодник, — подмигнула женщина, — в этом все дело?

— Не-е-ет, — Брисигиду слегка повело. — Я уже очень давно не слышала ничего про его любовные приключения.

— Ну! — Цефора слегка пристукнула по столу. — Значит, парень только тебя любит. Что тогда не так?

— Я не знаю, — жрица подперла голову рукой. — Просто не могу представить себя в роли его невесты... или жены...

Целительница всплеснула руками.

— Ха, ну теперь-то понятно, — хмыкнула она. — Дело не в нем! Ты просто боишься!

— Кто, я? — возмутилась Брисигида. — Чего это я по-твоему боюсь?

— Любви ты боишься, — Цефора уперла руки в бока. — И прячешься за своей богиней! Потому что боишься, что полюбишь кого-то, и тогда не сможешь с прежней страстью любить простых людей. Будет один любимый, а другие — так...

— Чуть! — обиделась Брисигида. — Я ведь люблю брата, Феликсу, Маронду...

— ...как людей, — закончила за нее целительница. — Любить мужчину — это другое.

Брисигида застонала и уперлась лицом в ладони.

— И что теперь, — проямлила она, — уговаривать саму себя что ли?

— А что ты обычно делаешь, когда тебе тяжело? — прищурилась Цефора.

— Молюсь...

— Значит, молись.

Данатос сидел на валуне на берегу. Он вертел в руках серебряную пуговицу с гравировкой в виде пера: такие носила Феликса на любимом кафтане.

— Мне не по себе от того, что их нигде нет, — буркнул он Лаэрту. — Ни Фель, ни этих стариков рогатых. Бесит, что никто больше не волнуется!

— Наверное, она пошла поскорее искать источники, — пожал плечами его друг. — Это же Остров Жизни. Что плохого здесь может случиться?

— Думаешь, это райский уголок? — нахмурился оборотень. — Где все всегда в безопасности?

— Я не знаю, — юноша почесал за ухом. — Мне здесь спокойно.

— Все так говорят, — Данатос раздул ноздри. — Всем здесь хорошо. Даже мне...

— И это бесит тебя больше всего?

— Да!

Данатос спрыгнул с валуна, убрал пуговицу в карман.

— Она была здесь ночью, — тихо проговорил он. — Почему она ушла, никому не сказав?

— Торопилась ожить? — предположил Лаэрт. — Для чего еще ей уходить, тем более с Хранителями-Проводниками...

— Я шел по их запаху сегодня утром, — Данатос поджал губы. — Он пропадает через пару сотен метров. Начисто.

— А так бывает вообще? — удивился агент.

Оборотень развел руками.

— У них с Брисигидой есть парные амулеты, — вспомнил Лаэрт. — Брис ее еще не пробовала искать?

— Пробовала, — кивнул Данатос. — Глухо. Будто ее здесь и не было никогда. Но сестра сказала, что это помехи всего Острова. Он вроде как не принадлежит к остальному миру.

— И что, ты хочешь идти искать ее?

Данатос поднял голову, запустил руки в волосы.

— Боюсь, это бесполезно, — признал он. — Все пропитано магией. Если долго идти в одном направлении, возвращаешься сюда, на берег.

— Может, Маронда поможет?

— Она очень плоха, — вздохнул перевертыш. — Брис сказала, что ей нельзя колдовать в таком состоянии. Но других магов у нас нет...

— Есть, вообще-то, — возразил Лаэрт. — Элиэн. Надо только придумать, как ее позвать.

— Точно! — обрадовался оборотень.

Остаток дня они с Лаэртом изобретали способ привлечь внимание Странницы. Изредка они видели два драконьих силуэта над океаном и тогда начинали суетливо доделывать нелепые конструкции из палок. Но даже дымный след от костров со свежими листьями не заставил Элиэн повернуть к Острову.

— Ты уверен, что это вообще она? — К вечеру Лаэрт начал канючить.

— Если бы это был какой-то другой дракон, — терпеливо отвечал Данатос, — который нас не знает — мы бы не добрались до причала, правда?

— Может, она стала иначе думать и чувствовать после превращения? — фехтовальщику явно не хотелось признавать, что все их усилия тщетны.

— Думаю, ей просто не до нас, — скривил губы оборотень. — Пойдем отсюда. Может, завтра Маронде станет полегче.

Когда воздушный поток струится по перепонкам крыльев, он звенит хрусталем. Напоенный солнцем, ветер шепчет и поет.

Или это песня того, другого, что порой касается спины шелковым дыханием?

Плыть по небу было невообразимым облегчением. Круговорот чужих мыслей как смывло, и голова стала невесомой, птичьей. Тот, другой, издавал лишь тишину. Она проливалась на разум благословенным медом, сладким, прозрачным... исцеляющим.

Сине-фиолетовая тень рядом угадывала желания, даже их мельчайшие оттенки. Вверх, вправо, ястребом вниз; поддержать крылом, прижаться спиной, согреть своим жаром. Это древнее существо заполнило пустоту, о которой она и не знала прежде.

Он был здесь, когда суша начала обнажаться, стряхивать лазурный атлас моря. Он видел первых, паривших над юной землей, слушавших ее вдохи. Он возник раньше Слова и потому обходился без него. И понимал все гораздо лучше любого другого, и мог объяснить — так, что никаких вопросов не могло даже остаться.

Это он когда-то вдохнул коварное пламя в Анашгару, первую из потомков Тени. Она родилась в недрах гор, нагая и дрожащая. Он начертал имя на ее душе и вписал в свое сердце. Он любил ее, как дочь.

Это он когда-то пролил свет жизни на Септаграта, первого из сыновей Света. Дух леса сделал первый вдох под сенью великого древа, у проклюнувшегося звонкого ручья. Первый из первых прошептал имя лозам на его коже и высек в своей памяти. Он любил его, как сына.

Вместе с ними ударили из недр мертвая вода и живая, и пронесся по миру трепетный глас: все, что рождается, однажды умрет, чтобы родиться снова.

Его имя было странно произносить вслух. Даже это его воплощение казалось слишком приземленным, обиденным, смертным. Хотя он и был таким: всегда поблизости, во всем, что дышит и впитывает свет солнца, нежится в волнах и прячется под покровом матери-земли. Он был домом, ее домом, который она так долго искала.

Полет — не полет, движение ради движения... о, она знала, зачем все. Нужно лишь понять, кто она, а в таком деле не место привычным мыслям и хаосу забот.

И все же она никак не могла полностью отстраниться и отдаться судьбе. Что-то мешало, упорно всплывая из подсознания, как свежий труп, отравляя ее тревогой.

Что-то закончилось и никак не могло начаться.

Маронде не стало легче ни на следующий день, ни через три дня. Старуха выходила иногда подышать свежим воздухом, и Данатос с ужасом смотрел на то, какой бледной и сухой она стала.

Теперь оборотень был не единственным, кого беспокоило длительное отсутствие Феликсы и Древних. Брисигида ходила сонная и нервная: дни она проводила в молитвах, а ночами дежурила вместе с Цефорой у постели Маронды. Старуха тоже была сама не своя.

— Столько магии вокруг, — сетовала старуха, — а я даже послание ей не могу отправить... Что ты там удумал?

Данатос перебирал вещи из сумки Феликсы, надеясь обнаружить среди них какой-

нибудь амулет, способный связаться если не с ней, то хотя бы с Элиэн.

Он и Маронда сидели вдвоем за столиком в беседке во внутреннем дворе. Зелень вокруг беседки прикрывала старую волшебницу от солнца, но не скрывала его полностью, поэтому она уже третий день проводила здесь, в прохладе, на свежем воздухе. Оборотень меньше волновался, когда сидел рядом с Марондой.

— Страница точно сможет ее найти, — пояснил оборотень. — Но я никак не могу ее дозваться. Мы, правда, не придумали ничего лучше, чем костры жечь на берегу...

— Ох, башка седая, — прохрипела наставница. — Про нее-то я и не подумала. Дай-ка я с тобой посмотрю. Может, сможем дать Элиэн сигнал.

Данатос разложил все амулеты из сумки Феликсы на столе перед Марондой. Та придирчиво осмотрела каждый и тяжело вздохнула.

— Сплошные боевые побрякушки. Ну, разве что с этим можно попробовать, — она взяла в руки тонкий полупрозрачный красный стержень. — Хоть тревогу подадим.

— Не надо, — оборотень накрыл ладонями ее руки. — Может, Дина сможет отправить послание с ветром...

— Так далеко и высоко? — засомневалась старуха. — Не знаю. Кажется, она слишком расстроена.

— Тебе нельзя колдовать в таком состоянии, — Данатос быстро собрал все амулеты на столе, забрал у Маронды стержень. — Поправляйся.

— Если у девочки не получится, скажи мне, — старуха вцепилась в его рукав. — Должна же я хотя бы убедиться... а как это сделать, если эта гордячка не вернется...

Маронда закрыла глаза, откинулась на спинку кресла. Хватка на рукаве Данатоса ослабла. Он отложил амулеты, прислушался к дыханию и сердцебиению — но волшебница просто устала и задремала. “Ну уж нет, — решил Данатос. — Не хватало еще тебя доконать!” Оборотень ссыпал артефакты обратно в сумку Феликсы и ушел искать Дину.

Дина проводила большую часть дня в саду, упражняясь в своей магии. Феликса всегда проводила тренировки вместе с ней, и девочка продолжала делать то же самое и без нее.

— Кажется, наставница вколотила в тебя очень упрямую привычку, — заметил Данатос после того, как поздоровался.

— Она называет это самодисциплиной, — поправила Дина.

Она больше ничего не сказала, пока не закончила очередное дыхательное упражнение. Данатос заметил, что девочка подросла с тех пор, как он впервые с ней встретился. Но куда более разительные изменения произошли с ее лицом и манерами. Дочь капитана и целительницы больше не вздрагивала от громких звуков, дышала всегда спокойно, глубоко и ровно. Ее губы сжимались в твердую линию каждый раз, когда она слушала кого-то. Волосы сильно отросли за несколько месяцев, и Дина стала заплетать их в косу наискось через затылок, от виска к противоположному уху, как делала Феликса.

“Уже не звереныш, которого норовил каждый шугнуть, — отметил Данатос. — Такому взгляду, как у Дины, позавидовали бы горные орлы”. Но Маронда была права. Как только девочка закончила свои упражнения, стало видно, что ей не по себе.

— Ты пробовала искать Феликсу? — спросил оборотень.

Дина кивнула, закусил губу.

— Здесь все совсем иначе, — пожаловалась она. — Ветер другой, слишком... настырный... или непослушный... не знаю, как это описать.

— Своевольный? — подсказал Данатос. Элементаль кивнула. — Что уж тут говорить.

На этом острове даже дворцы живут своей жизнью.

— Я слушала ветер со всего острова, — объяснила Дина, — но понять ничего толком не смогла. Будто для него нет никакой разницы между деревом и человеком! — девочка поджала губы и сложила руки на груди.

— Я думаю, Элиэн сможет помочь, — сказал оборотень. — Она не отзывается на наши знаки. Ни на дымный след, ни на огни ночью. Попробуешь отправить ей сообщение с ветром?

Дина нахмурилась, закрыла глаза, прислушиваясь.

— Отправить сигнал у меня уже получалось, — с сомнением протянула девочка. — Но я не знаю, получит она его или нет...

— Что может пойти не так?

— Ну... — Дина пожевала губы. — Она же сейчас не человек. Нужно, чтобы маг был готов принять ветер со словами. Если этот ветер вообще не вздумает полететь куда-то еще по дороге...

— Но ты попробуешь? — Данатос присел перед ней, чтобы смотреть в лицо не сверху вниз.

— Конечно, — закивала маленькая волшебница. — Наставница бы точно попробовала.

Они дождались, когда парящие драконы появились хотя бы в пределах видимости. Тогда Дина отправила с ветром послание, даже несколько, на случай если какие-то воздушные потоки “заблудятся”.

Через какое-то время крылатые силуэты изменили направление движения, полетели к берегу.

— Получилось! — обрадовался оборотень. — Куда это они?

Драконы пролетели высоко над причалом, кораблями, замком и всеми, кто в нем был.

— Я думала, она сначала поговорит с нами... — нахмурилась Дина.

— А что ты ей передала?

— Просто сказала, что Феликса, Септаграт и Анаштара пропали.

Данатос проводил взглядом удаляющихся драконов.

— Надоело, — проворчал он, шумно дыша. — Попроси, пожалуйста, Брисигиду, чтобы не сердилась на меня.

— Ты что! — вскрикнула Дина. — Ты куда собрался?

Но огромная пума уже не могла ей ответить. Она мчалась через лес к центру острова.

Джамир не чувствовал своего тела, даже мимолетных касаний ветра или холода. Зрение тоже отключилось, лишь перед глазами вместо черноты бликовала темная рябь воды, будто он погрузился во внутреннюю, подземную часть Каракача.

Только до слуха что-то долетало, по большей части невнятный шепот. Иногда он различал осмысленные фразы.

— ... сколько?

— Четверо. Двое лучников...

— ... кроме Джамира?

— ... могут идти. Я полечу, но сил мало...

— ... давайте копья, щиты. Плащ... кладите. Осторожно!..

— ... я ведь не целитель.

— Аню бы сюда...

— ... не договориться с горцами. У женщин оно, конечно, получше...

— ... уж что можем. А похоронить?

— Снять доспехи, забрать оружие. Горцы хоронят так...

— ... зверям и стервятникам?! Но...

— ... высечем их имена в Белой Скале, как вернемся в Матинеру. Идем.

“Правильно, — смутно пронеслось в голове у Джамира. — Земля промерзла. Могил толком не раскопать, а здесь еще и скалы. Мы оставляли мертвецов духам гор. И ничего постыдного в том нет. Не каждого элементарно в землю возвращают...”

Темная вода качнулась, послышался хлопок натянувшейся ткани, скрип древка копья. Слаженно затопали ноги.

— Не нагнали бы, твари. — Теперь Джамир различал слова чуточку лучше. — Не могла же Аннаира...

— А сколько их было-то?

— Два отряда. Если я ничего не путаю, это...

“Двадцать шесть воинов”, — посчитал Джамир. Простой арифметике он научился в Цитадели — без этого никак.

— К счастью, не все из них обучались на антимагов. Иначе не знаю, сколько бы мы продержались...

— Если бы не командир, расстреляли бы нас сверху, как цыплят!

— Да уж. Как в воду глядел...

Как в воду... Джамир плыл по темному руслу и начинал вспоминать, что к чему. “Если Аннаира пришлет еще кого-то... Но Цитадель далеко, столица — тоже. Есть шанс. Если только она не выслала сразу целый батальон, а это был лишь авангард...”

— Не спускайтесь со скал, следите за дорогой. Не появится ли кто. Зная Аннаиру, этим дело не окончится.

“Лишь бы добраться до мест, куда выходят разведчики Каратау, — добавил про себя Джамир. — Деревня у нас маленькая и бедная, но это делает местных только злее и опаснее”.

— Трево-о-о-о-га!

— Ходу!

— Ого-о-онь!

Джамира тряхнуло, темная вода забурлила, пошла клочками мутной взвеси и гроздьями пузырей. Появилось подобие течения; его понесло неумолимо, резкими толчками. Тело проснулось, вгрызлось в мысли потоками боли. Кажется, он вскрикнул, но не услышал свой голос.

— Что ты делаешь?!

— Раны запечатаны! Боль он выдержит, а новый удар — нет!

Джамир мысленно согласился. Он бы еще попросил не возвращать зрение, — боялся, что тогда голова закружится, и он окончательно провалится в небытие — но не мог пошевелить губами. Впрочем, и темень воды пока никуда не девалась, лишь двигалась все беспокойнее.

— Что происходит?..

Джамир наконец не просто расслышал слова, он узнал голос цесаревича. “Жив”, — обрадовался он.

— Живо вниз! — заорал Аянир. — Держитесь вместе! Щиты! Прикройте Джамира!

— Земля...

Темная вода загрохотала, плеснула резвее, крутанула ревушей воронкой. Джамир с ужасом понял, что грохочет не вода, а камни о щиты иосов, и рев воронки — это треснувшие, обезумевшие скалы. Сдвинулся целый пласт скал, грохнул — и рванул куда-то с бешеной скоростью.

— Триединая...

Джамира ослепило лучом горного солнца, пробившимся сквозь щиты. Он скосил глаза вправо и увидел, как мимо пронесся зеленовато-черный склон Каратау с завитками испарений.

И, как и ожидал, провалился в полную тьму.

Вокруг было светло и тихо. Где-то совсем рядом журчал источник — наверное, небольшой лесной родник или ручей. Пахло лесом: прелой листвой, влажной землей, совсем чуть-чуть — цветами.

Солнечные лучи пробивались через кроны всего в одном месте, прямо над девушкой. Она только открыла глаза. В голове не оказалось ни единой мысли. Благословенная пустота.

Свет над ней преломлялся и искрился. Девушка разглядела хрустальный свод тонкой работы прямо над собой — свет танцевал на прозрачных гранях. Она приподнялась, чтобы рассмотреть все вокруг получше.

Первое, что она увидела — свои руки, черные, потрескавшиеся, уродливые. Девушка закатала рукава. Чернота простиралась выше локтей, почти до плеч. Она сбросила кафтан, приподняла край мокрой рубашки. Живот тоже оказался черным. Девушка покачала головой, села на землю. Хрустальный свод уже не казался таким красивым.

Рядом и правда нашелся родник — даже два. Один бил среди зелени трав и радостно звенел. Вода стекала к изогнутому желобу, который разделял земляной пол хрустальной ротонды на две несимметричные части. В желобе она соединялась с водой из второго родника: тот не бил, а неестественно ровно растекался из-под земли. Вокруг второго родника не было ни единой травинки — только холодный камень.

При взгляде на родник в камне у девушки тут же зачесались десны. На негнущихся ногах она пошла к нему. Лицо свело от жажды.

— Не смей!

Девушка дернулась от крика. Тело подсказывало ей, что нужно как-то отреагировать. Но как? Взгляд метался от источника к черным рукам, по линиям хрустальных узоров, по изогнутой ложбине в земле... Пока наконец она не столкнулась взглядом с тем, кто кричал. Этот кто-то шел к ней прямо по поверхности воды — тоже женщина, в светлой одежде, с удивительно знакомым лицом.

В голове что-то смутно зажужжало. Мельтешение усиливалось, когда она смотрела на идущую по воде фигуру.

— Выпьешь мертвой воды — и никогда не вспомнишь, кто ты такая.

Мертвая вода! Сумбурное движение в голове взорвалось вереницей образов.

Простой деревянный сундук с двумя сосудами. Лозы растут прямо из стенок сундука, оплетая деревянный и каменный фиалы.

Девушка с прозрачной кожей и фиолетовым сердцем лежит без сознания на тонкой лежанке. Когда она открывает глаза, кожа уже не прозрачная, а просто бледная, как у

больной.

Огромная пума летит через северный лес. Взгляд всадника видит впереди поляну с множеством трупов. Вид мертвецов почему-то вызывает облегчение.

Грани солнечно-желтой башни переливаются в закатном свете. Рядом усмехается рыжая старушка с белым посохом в руках.

Черно-серая равнина. Над одной из расщелин в земле колышется человекоподобная тень. Черное и серое заслоняет ярчайший, с силой тысячи солнц, свет.

Руки режут вонючую коричневую плоть. Некромантский кокон никак не хочет выпускать рогатого хищника. От этого зрелища все внутренности перекручивает чем-то холодным и острым.

Пещера в сине-зеленых отблесках. Тело изрезано чудовищными ядовитыми лозами. Боль безразлична; важно только имя. Имя...

Шторм. Ветер и вода исхлестали лицо. Сознание гаснет, и пробуждается голод. Но едой этот голод не утолить.

Волшебный лес. Светятся кристаллы, полные магии. Фосфоресцируют чародейские цветы, грибы и травы. Лес расступается, и перед глазами предстает бирюзовое озеро с невероятно гладкой поверхностью...

Сейчас, когда по этой сверхъестественной глади к ней приближалась фигура в светлых одеждах, вода больше не светилась бирюзой. Она была прозрачной, почти не отличалась от воздуха.

— Хочешь забыть все это? — девушка была уже совсем рядом. — Или все-таки вспомнить? Феликса?

Чародейка замотала головой. Думать было тяжело. Когда-то давно она сильно ударилась головой и испытала что-то подобное, но сейчас было в сотни раз хуже.

— Вспомнить, — выговорила наконец она. Голос скрежетал, как ржавая жестянка.

— Хочешь жить, Феликса, — пей живую, — улыбнулась ей девушка с удивительно знакомым лицом.

“Феликса, — повторила про себя волшебница. — Я Феликса. Я Феликса, и я хочу жить”. Отвернуться от растекающегося по камню источника казалось непосильной задачей.

— Я Феликса, и я хочу жить, — упрямо проговорила она вслух. — Хочешь жить — пей живую. Хочу жить. Пей живую. Я Феликса.

Чародейка повторяла эти слова снова и снова, пока ей не удалось шагнуть к роднику в зелени. Тело противилось этому направлению. Каждый шаг был борьбой. Девушка на озере не подбадривала ее, не пыталась помочь, только шла по воде так, чтобы ее можно было разглядеть между колонн ротонды.

— Жить, — скрежетала Феликса едва слышно. — Живую. Я буду жить!

Гладкая жидкость на голем камне зашептала. *Тебе так больно, доченька. И будет только больнее. Это никогда не закончится. Беги, падай, бейся, проливай кровь, свою и чужую. Терпи предательства, одиночество, несправедливость. Сколько их еще будет? Сколько потерь? Просыпаться каждое утро с мыслью о том, кого еще ты подведешь...*

Разве ты не хочешь покоя? Не хочешь остановиться и отдохнуть?

О, как ей хотелось обрести мир в душе, хоть на краткий миг! Этот источник был таким тихим, так манил духом железа и соли...

Но в железе и соли не было аромата гречишного меда, окутанных золотом бледных рук, сине-фиолетовых глаз и звона латунных бубенцов. Они жили в ней.

— Феликса должна жить.

Чародейка зарычала, раздирая горло, и сделала шаг к брызжущей зелени. Еще один. И еще.

Как только она пересекла изогнутую границу, куда стекались воды источников, идти стало легче. Еще несколько шагов, и Феликса упала на колени у родника, наклонилась и стала пить.

Вкус живой воды оказался сладким и пьянящим. Голова закружилась, в легкие ворвался свежий прохладный воздух. Напившись вдоволь, она повалилась на земляной пол, дыша часто и жадно, будто сбросила удавку. Феликса осмотрела тело. Никакой черноты больше не было и в помине. Коса у нее расплелась — видимо, когда она прыгнула в озеро. В распушенных волосах она заметила одну широкую седую прядь ближе к затылку.

— Элиэн! — чародейка поднялась, пошла к озеру, пошатываясь, схватилась за хрустальную колонну. — Это ты!

— Я, — улыбнулась та. — Почему ты здесь оказалась? Я думала, ты дождешься меня, прежде чем идти к источникам. Что такого тебе сказали Древние?

— Разве не очевидно? — Феликса опустила голову. — Я ведь только одного и хотела.

— Да уж, — Странница пошла по воде к берегу. — Ступай, не бойся.

Феликса осторожно опустила ногу в воду. Вместо того, чтобы погрузиться, она встретила сопротивление твердой поверхности.

— Лед? — удивилась она.

— Что ты, — Элиэн дернула плечом. — Психокинез. Ты идешь буквально по силе собственного разума. А может, моего разума. Разве не все равно, как это работает?

— Я бы так не смогла, — покачала головой чародейка.

Странница ступила на берег и пошла вдоль него. Феликса шла за ней.

— Как ты справилась с ними? — Элиэн повернула к ней голову.

— Утянула за собой в озеро, — поморщилась чародейка. — Они думали, что я стану Хранителем пути к Острову Жизни, если доберусь до живой воды.

— Ты и стала.

Странница остановилась у исполинского дерева. Это было первое растение, которое Феликса смогла опознать: дуб. Очень большой, очень старый дуб. Одну из нижних ветвей гладко срубили. Сруб был шире Феликсы.

— Сундук сделали из него, — догадалась чародейка. — Странно, что ветвь не отросла обратно.

— Что тут странного? — пожалала плечами Элиэн. — Этот дуб — воплощение миров, объединенных магией. А срубленная ветвь — мой мир. Там магии нет...

— И что это значит? — смутилась Феликса. — Волшебные народы подарили сундук из этого дуба человеческим чародеям. Элементалям воды, если не ошибаюсь. Если это потребовало такой жертвы, зачем они срезали ветвь?

— Я думаю, никто ее не срезал нарочно, — возразила Странница. — Просто все взаимосвязано. Когда из моего мира исчезла магия... а я начинаю думать, что когда-то она там все-таки была... эта ветвь сама отделилась. Вот, посмотри.

Она показала на маленькое пятнышко гнильцы на краю среза.

— Так что ты была права, Феликса Ферран, — Элиэн улыбнулась широко и радостно. — Тебе было суждено доставить меня сюда. Меня, и тот сундук, и двоих трусливых Древних.

— Сундук! — простонала чародейка. — Он был у Анаштары, когда я утащила их с собой

В озеро...

Странница мечтательно погладила шершавый ствол гигантского дерева.

— Кто знает, — произнесла она, — может, так мой мир снова сможет разжиться сердцем?

— Что с ними стало? С Анаштарой и Септагратом? — Феликса устало прислонилась к стволу, потом дернулась — не святотатство ли? — но решила, что великому древу от нее не будет оскорбления.

— Переродились, наверное, — пожала плечами Элиэн. — Этим ведь они тебе угрожали?

Феликса кивнула. Ее передернуло от мысли, что она могла бы сейчас быть новым человеком совсем в другом мире. А хоть бы и в этом — она ведь даже не попрощалась с близкими...

— Почему я не переродилась?

— Не уверена, что знаю ответ на этот вопрос, — Странница сжала губы. — Древние были убеждены, что озеро подействует на тебя, несмотря на магию первоисточников Жизни и Смерти. Но, знаешь, во многих мирах верят, что есть магия сильнее и надежнее той, что дарует миру сердце.

— Это какая же?

— Любовь. Любовь родителей и детей. Жреца и паствы. Мужчины и женщины. Богов и их последователей... Даже любовь питомцев и хозяев. Без нее мой мир развалился бы.

Феликса зажмурилась. Лицу стало горячо, в носу щипало. Слезы стекали по подбородку, капали на ключицу. Значил ли этот ответ, что она осталась лишь потому, что хотела остаться? Или из-за того, что другие хотели?

“Удивительно, что я вообще все-таки оказалась здесь”, — подумалось вдруг ей. Это натолкнуло Феликсу еще на один вопрос.

— Почему ты не убила меня? Тогда, в шторм? Ты обещала.

Странница — или стоило называть ее теперь, когда она обрела дом, хозяйкой? — коснулась шеи и склонила голову.

— Я не собиралась тебя убивать, волшебница. Это были злые слова, и, как любое зло, они были лживы. Я не желала тебе окончательной гибели. Просто в тот миг ты коснулась меня. Помнишь?

Феликса не помнила, но кивнула. Тот случай причинил ей боль, поэтому она не хотела вспоминать и доверилась Элиэн.

— Твое прикосновение передало мне и твоё настроение, твои мысли. Ты так сильно себя ненавидела, что и я на мгновение пропиталась к тебе этим чувством. Вопреки тому, что присутствие обоих Древних помогло мне лучше контролировать эмпатию и ее последствия. — Элиэн улыбнулась, погладила чародейку по щеке. — После стольких скитаний и войн я больше не хочу ненавидеть. Я хочу любить, как и ты.

— Мне надо вернуться, — выдавила Феликса.

— Дай мне еще минуту, — попросила Элиэн.

Она отошла на несколько шагов. Феликса проследила за ней взглядом и увидела большой белый камень, обломок скалы. В самой середине красовался надколотый каменный пузырь с щетками прозрачных кристаллов внутри. Элиэн протянула руку, легко, словно это был сахарный леденец, отколола один кристалл.

— Держи, — девушка протянула кристалл Феликсе. — Однажды ты снова столкнешься

со смертью. Это поможет тебе справиться.

— Это как? — не поняла чародейка. — Я снова умру?

— Все становится понятным, когда наконец происходит, правда?

Страница взмахнула рукой, и на поле, просматривающее из-за белого камня, приземлился громадный лазурный дракон. Элиэн обняла Феликсу и пошла к нему.

— Постой! Ты ведь вернешься?

Ответа не последовало. Хлопнули исполинские синие крылья, и дракон вместе со Страницей скрылись с глаз.

Темный лес мерцал разноцветьем волшебных кристаллов. Данатос продирался через травы и подлесок, едва ли замечая, что вообще происходит вокруг. Временами до него доносился запах яблок, едва подернутый гнилью и пеплом. Тогда оборотень замирал, принюхивался, а потом менял направление, пытаясь мчаться еще быстрее.

Через пару часов он наконец заметил, что некоторые кристаллы светятся ровнее остальных — бирюзовые щетки, растущие у корней самых крупных деревьев. Это от них расплывался запах яблок.

Данатос уже не мог бежать с такой скоростью. Даже от рысцы лапы ныли и гудели. Зато у него было более-менее внятное направление.

Ближе к утру бирюзовые кристаллы потускнели, а потом и вовсе угасли. Оборотень к тому моменту смертельно устал — чего с ним не случилось уже очень давно. Сверхъестественная выносливость его еще не подводила.

С этой мыслью огромная пума прилегла у дерева, чтобы немного передохнуть. И, конечно же, крепко уснула.

Феликса не сразу вспомнила, с которой стороны Септаграг вывел их к озеру. Только когда ей попались на глаза сломанные во время попытки бежать ветви, чародейка поняла, где следует искать дорогу к берегу.

Днем лес казался совсем другим. В нем больше не было тревожной мистики и мрачного темного великолепия. А еще — лес уже не ощущался таким запредельно древним. Старый, очень старый — но без потустороннего ощущения прошлого, такого далекого, будто его никогда и не было.

Сейчас Феликса даже начала различать знакомые растения. Барвинок. Фиттония. Лютики. Белена. Аквилегия. Горечавка. Лишайники северных широт, тропические цветы южных — здесь сочетались растения и цветы, которые попросту не могли обитать в одном месте. Лес словно состоял из кусочков с разных уголков земли.

Идти оказалось непривычно тяжело. Тело словно забыло о том, как оно работает. Феликсе никогда прежде не приходилось пробираться по местности без троп, да еще и с такой густой растительностью и буреломом. Леший вел через лес так, что идти было легко: травы расступались, земля под ногами становилась почти ровной, ничто не цеплялось за одежду.

Теперь же чародейка шла так медленно, что ей казалось, будто она и вовсе не движется. Попытка провесить портал до побережья ни к чему не привела: она вышла практически в той же точке, в которой вошла. Пришлось продолжить идти пешком.

— Могла бы и подбросить меня немножко, — бурчала Феликса себе под нос. — Нет, взяла и смоталась! Надеюсь, хотя бы отплыть мы без нее сможем...

Через несколько часов ходьбы чародейка почувствовала, как живот слегка скрутило, потянуло. Это не причиняло боли, но почему-то заставляло злиться. “Голод, — вспомнила Феликса. — Ну надо же! Всего несколько месяцев, и я уже забыла, что это”.

Стоило ей задуматься о еде, как вокруг стали появляться плодовые деревья. Феликса с удивлением различила сарданафарскую флору: банан, дынное дерево, авокадо... Чародейка вспомнила, как Серебристые Форели нахваливали питательные свойства бананов и авокадо, и тут же набросилась на них, радуясь, что запомнила, как лучше есть странные зеленые плоды.

Время текло очень странно. Феликса готова была поспорить, что идет целый день, но солнце, пробивающееся сквозь зеленый покров, не изменило своего положения. Она не знала, радоваться этому или беспокоиться. Поделаться с этим она все равно ничего не могла.

Еще немного, и разномастное окружение сменилось лесом, в который она вошла вместе с Анашгарой и Септагратом: светлые необъятные стволы, щетки магических кристаллов, растущие прямо в земле.

У подножья одного из стволов Феликса заметила какого-то зверя. Он лежал слишком далеко, чтобы разглядеть, кто это. Ожидать можно было чего угодно.

Зверь вдруг зашевелился, вскочил, поднял настороженно уши. Повел головой — должно быть, принялся. И рванул к чародейке огромной золотистой лавиной.

Феликса едва не бросилась бежать, но зверь уже был близко, и она наконец рассмотрела его — огромную пуму с медовой шерстью. Чародейка радостно вскрикнула и бросилась навстречу.

Данатос успел принять человеческий облик. Он сгреб ее обеими руками, прижал так, что она едва могла пошевелиться. Но шевелиться не хотелось совершенно. Феликса впервые в жизни поняла, почему ее мать, обычно такая спокойная и сдержанная, со слезами повисала на отце, когда тот возвращался после долгого отсутствия.

Феликса чувствовала, как колотится сердце оборотня за широкой грудью, часто-часто: так звучат барабаны в свадебных и военных обрядах сардан. Запах меда, исходящий от Данатоса, казался острым и пряным, щекотал ноздри, согревал, пронизывал все тело.

— Ужасно, — шепнул он, прижимаясь щекой к ее виску. — Худшие дни в моей жизни.

— Дни? — удивилась Феликса. — Меня не было так долго?

— Угу.

Ни один из них не решался разжать рук. Стоять вот так, обнявшись, было слишком хорошо.

Оборотень вдруг хмыкнул.

— А я кое-что знаю, — проговорил он. Жар, исходящий от его тела, стал еще сильнее. Феликса слегка повернула голову, и увидела, что лицо Данатоса пошло алыми пятнами. — Ты меня любишь.

Феликса не выдержала и расхохоталась.

— Вот это новость! — она уперлась лбом в плечо оборотня. — Ничего от тебя не скрыть. Особенно если не пытаться.

— Вот как, значит, — фыркнул Данатос. — Ну, значит, я могу ни в чем не признаваться! Ты и сама все знаешь.

— Нет, — Феликса подняла голову, заглянула ему глаза. — Скажи. Вслух!

Он сказал. Феликса поддела его рубашку, настойчиво потянула вверх. Данатос поднял руки, позволив ей стянуть одежду, но выглядел немного озадаченным. По следующему

движению он наконец понял, чего она хочет. И снова густо покраснел.

— Прямо здесь? — еле слышно спросил он.

— К черту дворцы.

Травы под ними казались мягче пуха и шелка. Цветочный аромат кружил голову, но это не могло сравниться с возможностью наконец касаться друг друга. Чувствовать, как приливает кровь. Как выскакивает из груди сердце. Как надрывается, застыв на жаркой вершине, тихий стон, и дыхание будоражит кожу горячечным ветром.

Мир вокруг застыл в ожидании бури — и буря пришла. Она разметала по траве черные косы и хохотала, как гром. Буря метала молнии серыми глазами и звала ливень, собирая золотистые тучи в невероятный, головокружительный штормовой фронт.

Золотое небо приняло ее в свои объятия, протянуло жадные руки. Небо горело, и буря горела вместе с ним, утопая в океане медового огня. Громовые раскаты кувыркалились внутри, оседали электричеством на кончиках пальцев.

Шторм пронесся по земле, не оставив после себя камня на камне. Он разрушил все до основания — и собрал все заново, перетряхнул основы, вытащил на свет забытые сокровища, обновил почву для нового буйного роста.

Дождь пролился на них, настоящий ливень. Остудил разгоряченную кожу, выровнял сбившееся дыхание. Дождь стал священным даром, откровением небес, вернувшим двух потерявших покой смертных в реальность.

Вода, льющаяся с неба сплошной стеной, почему-то пахла гречишным медом и яблоками.

Когда они вернулись на побережье, было еще светло, но солнце уже зависло низко над горизонтом, окрасило свой свет мягким персиковым оттенком.

Феликса и Данатос промокли до нитки. Оба ждали, что им предстоит еще долгий путь из леса, но на деле вышли к океану меньше, чем за час. На берегу царил хаос: на воде болталось несколько шлюпок, и моряки уже начали грузиться в них.

— Что происходит? — громко спросила Феликса.

— Триединая! — из толпы моряков выбежала Брисигида. — Вы! Как я вас ненавижу! И как рада видеть живыми!

Жрица щелкнула брата по носу и обняла Феликсу.

— Почему вы оба мокрые? — удивилась она.

— Под дождь попали, — развела руками Феликса.

— Зато чистые, — усмехнулся Данатос.

— Я бы не была так уверена, — шепотом отреагировала чародейка. — Так что за суматоха? Кроме того, что мы пропали?

— Час от часу не легче, — пожаловалась Брисигида. — Маронда оставила это на столике в беседке.

Брисигида отдала чародейке клочок бумаги с коротким посланием: “Ухожу на покой. Не забудьте надрать задницу антимагам. Когда Ферран вернется, передайте ей от меня по жопе и скажите, чтоб берегла себя”.

Вернувшаяся Ферран мигом похолодела. Она перечитывала записку раз за разом и никак не могла поверить глазам. Не хотела.

— Кто-нибудь видел, куда она ушла? — Феликса шмыгнула носом.

— Да все видели! — всплеснула руками Брисигида. — Но по суше никто за ней не

угнался. Думали хоть по морю нагнать...

— Ты же знаешь, что ничего из этого не выйдет, — закусила губу чародейка. — Маронда явно воспользовалась какой-то хитрой магией. Покажи мне, я попробую что-нибудь придумать.

Брисигида повела их вокруг дворца на запад.

— Ровно на закат ушла, — пояснила жрица.

Феликса видела магический след: ее наставница уходила “астральным шагом”. Это заклятие нанизывало пространство на себя, как ткань на иглу с нитью. Кончиком иглы являлся чародей. Такая магия была под силу далеко не каждому — слишком уж тонкая материя затрагивалась. Феликса и вовсе не надеялась его когда-нибудь повторить: с арканой чародейка так и не подружилась.

— Сука, — выругалась она. — Ну зачем она так?..

— Что? — встревожилась Брисигида.

Феликса объяснила про астральный шаг.

— Хочешь сказать, что не сможешь повторить? — удивилась подруга.

— Раньше не получалось, — призналась чародейка.

— Маронда с трудом могла ходить последнее время, не то что колдовать, — покачала головой Брисигида. — Как она осилила это волшебство?

— Понятия не имею.

Феликса вздохнула, подергала себя за косу.

— Что тут думать, — бурчала она себе под нос. — Надо повторить. Просто взять и сделать, наконец. Нельзя же ее так отпустить... Что если...

Волшебница отбросила косу, призвала немного воды из океана, залила ей часть песка, присела, разровняла ладонями. Вытащила из-за голенища кинжал, начала чертить на песке символы.

— Что ты...

— Тс-с! — коротко шикнула Феликса. — Это аркана сосредоточения. Не мешай.

Мокрый песок быстро покрылся несколькими кругами с рядами глифов. Феликса шипела, ругалась, кусала ногти. Иногда она стирала часть глифов и рисовала на их месте другие, бормоча себе под нос:

— Ясность — это для ума... точность — сюда. Тайна. Пространство. Может, магия... нет, это усиление. Лучше спокойствие...

Наконец аркана была завершена. Феликса очень редко составляла такие высшие арканы и никогда — одна. Чародейка влила капельку силы в круг. Ничего не произошло. Она снова ругнулась, влила еще каплю, следя за тем, чтобы не переборщить. По рисунку на песке прокатилась волна искр, но быстро погасла. Девушка глубоко вдохнула, сложила руки, уняла дрожь. Медленно выдохнула. Наконец добавила еще немного маны, и глифы мягко засветились. Феликса слабо улыбнулась: обычно арканы у нее вспыхивали резким светом и быстро гасли. Теперь можно было войти в круг.

Брисигида молча смотрела, как чародейка вступает в границы глифов, опускает руки, закрывает глаза. Она простояла так несколько минут, прошептала что-то и шагнула вперед. Жрица не успела уследить за тем, как Феликса удалилась: она будто бы шла обычным шагом, но вместе с тем неслась так быстро, словно плыла в легкой лодке по стремительной горной реке.

Феликса же ощутила только, как сознание обострилось до предела. Картинка перед

глазами мерцала: это стянутое пространство мелькало, пропуская ее через себя. Она стиснула зубы, стараясь не утратить сосредоточение от постоянного мельтешения.

Астральный шаг вынес чародейку к болотистой пойме. Она постаралась составить заклятие так, чтобы ее тропа повторила маршрут Маронды. Похоже, отсюда она пошла обычным шагом. Феликса не умела читать следы, но даже она разглядела в топкой почве точки от ее жезла и отпечатки башмаков.

Феликса побежала ровно по ее следам. Ей все время казалось, что где-то впереди раздается звон латунных бубенцов.

— Маронда! — голос сорвался, перешел в хрип. — Маронда-а-а!

Где-то за кустами багульника мелькнул край желтой робы.

— Постой!

Феликса повернула за следом наставницы, обходя глубокий участок.

— Здесь же трясина, остановись! — надрывалась она. — Маронда!

Желтая роба снова мелькнула... и пропала. Феликса пробежала еще немного, хотя следов на земле больше не было видно. Даже глубоких ямок от посоха.

— Маронда... — Феликса всхлипнула. Что если наставница угодила в трясины?

“Не ори, — телепатический сигнал был слабым, но стабильным. — А ты молодец. Я уже и не надеялась, что ты когда-нибудь освоишь астральный шаг. Считай, сдала экзамен на следующую ступень!”

Феликса схватилась за сигнал, потянулась духовным началом к источнику. “Я очень рада, что ты наконец-то жива, — голос Маронды продолжал звучать в ее голове. — Помни, что ты мне обещала!”

Сигнал растворялся где-то в топях, будто все болото говорило с ней. Даже вода резонировала магическим фоном. “Да, Остров мне маленько подыгрывает, — призналась Маронда. — Я очень не хочу прощаться, девочка. Только не лицом к лицу”. Феликса зло рванула стебель аира.

— Ты не хочешь, — ответила она телепатически. — А то, что твоя выходка переполошила всю команду, тебе плевать! Могла бы хоть нормальное письмо оставить, а не записку...

— Так я и оставила, — фыркнула Маронда. — В своей комнате. Что, никто не додумался туда заглянуть?

— Зачем ты вообще это сделала? — вздохнула Феликса. — Почему ушла?

— Видишь ли, душа моя, — телепатическое послание передало глубокую печаль, охватившую старую волшебницу, — я почувствовала, что скоро умру. Еще там, на корабле. А я, знаешь ли, очень не хочу умирать.

— Ты собралась идти к источникам? — нахмурилась Феликса.

— Я еще не выжила из ума! — возмутилась старуха. — Нет, у меня есть менее радикальное решение. Сон.

— Сон?

— Вечный сон, — подтвердила Маронда. — С прекрасными видениями, я надеюсь.

Феликса потеряла висок. Дышать стало тяжело, голова кружилась.

— Разве это не то же самое? — спросила она наконец.

— Для всех, кто меня знал, особой разницы нет, — признала наставница. — Для меня же разница колоссальная. Во-первых, мне не пришлось смотреть ни на чьи слезы. Во-

вторых, после встречи с нашей Страницей я подумала, что и меня может ожидать подобная участь. Бесконечные перерождения, я имею в виду. Я прожила такую жизнь, что ее хватило бы на десятерых. Моей душе нужен покой, а не новая гонка за смыслом собственного существования.

Феликса поискала глазами место, куда можно было бы присесть. Вокруг расстилалась сплошная трясина.

— Это нечестно, — заявила она. — Несправедливо...

Чародейка уже заметила, что среди зеленой ряски и мерцающих зеркал воды проглядывают кочки с клочками травы. Почему-то Феликсе казалось, что это единственный путь, которым можно было пройти дальше. Она осторожно ступила на одну кочку, на вторую, потом на следующую. До нее доносились какие-то доводы Маронды, но чародейка отвечала односложно, сосредоточившись на поиске пути.

— Прощай, милая, — голос в голове зазвучал яснее. — Надеюсь, не скоро свидимся.

Феликса добралась до относительно твердого участка почвы и увидела впереди маленькую фигуру в длинной желтой робе. Маронда обернулась, коротко кивнула ей и пошла дальше вглубь болот.

— Маронда! — заорала Феликса. Она не могла сделать ни шагу дальше, но ее держала не трясина. — Маронда...

Желтая роба мелькнула между листвы в последний раз и пропала. Феликса скорчилась среди травы. Мягкая почва охотно впитывала редкие крупные слезы.

Повинуясь привычке закреплять новые навыки, Феликса вернулась, снова используя астральный шаг. На этот раз аркана засветилась сразу, а голова кружилась намного меньше. После гибели большинства преподавателей Магической Академии Славиры и ухода Маронды она могла считать себя новым гроссмейстером. А это звание обязывало осваивать сложную магию и уверенно ей владеть.

Брисигида ждала ее на том же месте, брат был с ней. Они подались ей навстречу, но чародейка только покачала головой.

— Что это значит? — жрица побледнела. — Что с ней?

— Маронда сказала, что уходит на покой, — Феликса шмыгнула носом. — Вечный сон.

— Но почему?

— Она почувствовала приближение смерти, — чародейка сглотнула, потеряла щеку. — И испугалась, что будет многократно перерождаться. Как Элиэн.

— Я ее понимаю, — проговорил Данатос. — Я бы тоже не хотел даже просто знать, когда умру. Не говоря уже о будущих жизнях...

— А с чего она взяла, что все будет именно так? — недоумевала Брисигида.

Феликса уже думала об этом и пришла к единственному выводу:

— Зная Маронду, я почти уверена, что она это себе предсказала, — вздохнула чародейка. — Каким-нибудь невероятным, абсолютно новым и неповторимым способом.

Странница явилась на следующий день после ухода Маронды, когда Феликса объявила сборы и отплытие.

— Не переживай, чародейка, — сказала она Феликсе. — Я за ней присмотрю.

— Ты не можешь отплыть с нами? — волшебница знала ответ, но решила все-таки попытаться уговорить ее. — Твое появление в Арделорее могло бы мирно решить целую кучу проблем.

— Ты же знаешь, что это было бы неправильно, — поджала губы Элиэн. — У меня нет права вмешиваться в судьбу этого мира и его народов. Хватит с меня бессмысленного насилия. Так что если тебе когда-нибудь понадобится помощь, — она кивнула на кулон с кристаллом-ключом на шее Феликсы, — ты знаешь, что делать.

— Ты сказала, однажды я снова столкнусь со смертью, — вспомнила чародейка. — Что ты имела в виду?

Странница усмехнулась.

— Я уже говорила тебе — ты узнаешь, когда это случится. Опасно знать свое будущее, не так ли?

“Маронда знала, — подумала Феликса. — И правда — ничего хорошего”.

— Мы сможем отплыть без твоей помощи? — сменила тему она.

— Не знаю, — пожала плечами ее собеседница. — Я все равно хотела помочь вам с этим.

— Каким образом?

— Портал, — Элиэн взмахнула рукой, и Феликса увидела, как за краем причала растет искристая арка высотой с гору. — Куда тебя отправить? Вряд ли разумно появиться сразу в столице.

— Я хочу сначала отвезти Ранжисону к невесте, — покачала головой Феликса. — Он столько нам помогал — за жалование не каждый так стал бы. Он и его парни мне не земляки, да и Мурене я обещала выбор. Я не могу втягивать их в эту войну.

— Будь по-твоему, — кивнула Странница и хлопнула в ладоши. — Прощай, волшебница.

— Спасибо, — Феликса протянула ей руку, и та ответила крепким пожатием. — И ты прощай.

Через несколько часов погрузка закончилась — с кораблей ничего толком не переносили. Моряки вздыхали, оглядываясь на дворец. Феликса не оглядывалась. Белые шпильки вызывали только желание сжечь их дотла. Чтобы отвлечься от ненавистного вида, чародейка ушла на корму к Дине — отблагодарить и похвалить за усердие.

— Я рада, что смогла помочь, — скромно улыбнулась элементарь, выслушав ее.

— Не в первый раз ты меня спасла, — заметила Феликса.

— Ты помогла спасти нашу семью. И в каком-то смысле спасла меня. Отдельно. То есть... — Дина нахмурилась, подбирая слова. — Я про магию. Будто я была пустой, а стала целой. И теперь расту по-настоящему, сама.

“Не вьюнок, но дерево, — подумала Феликса. — И уже не жмешься так ни к родителям, ни ко мне. И впрямь выросла”.

— Тебе сейчас, наверное, очень грустно, — заметила вдруг Дина. — Не, не так.

Скорее... невыносимо погано.

— У Кистеня набралась выражений? — хмыкнула чародейка. — Да уж, погано — верное слово, надо признать. По мне так заметно?

— Нет, по лицу не скажешь. Я просто подумала... Моя наставница едва не умерла от Беора, уходила в Иллати, уснула из-за Септаграта, а недавно вообще пропала на несколько дней. И мне было плохо. Хотя я знала, что она может вернуться.

Феликса вдохнула поглубже. Горло сжалось и подскочило вверх. Но в груди отчего-то стало теплее, и разжался противный ком.

— Мне так жаль, что она ушла. Если бы я знала, что ты не вернешься... не знаю. Даже представить страшно.

— Вот и мне без нее страшно, — призналась Феликса. — Но всегда легче справляться с печалью и страхами, если рядом есть кто-то, кто тебя понимает. Спасибо тебе за эти слова.

Дина протянула руку, совсем как ее мать несколько месяцев назад, и Феликса крепко пожала ее.

Корабли отчалили, и исполинская арка перед ними разгорелась цветными розблесками, совсем как ротонда с источниками с живой и мертвой водой. Воздух внутри арки помутнел, подернулся клубами тумана, в котором мелькали редкие тонкие рога лиловых молний.

— Полный вперед! — скомандовал капитан.

Приказ повторили на других кораблях, и маленькая эскадра скрылась в фиолетовых вспышках и белесой взвеси.

NaNoWriMo, ноябрь 2020-ноябрь 2021

Амарула — сливочный ликёр из плодов дерева марула. Маленькое постмодернистское хулиганство с моей стороны.

Чанга — африканский (здесь — сарданафарский) самогон, бормотуха.